

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РЕСПУБЛИКИ
ТАДЖИКИСТАН
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ И ТОРГОВЛИ
ТАДЖИКСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
КОММЕРЦИИ**

На правах рукописи

Каюмов Ашур Абдукодирович
**СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЛЕКСИКИ
СО ЗНАЧЕНИЕМ ПРАВСТВЕННОГО ОТНОШЕНИЯ
В РАЗНОСТРУКТУРНЫХ ЯЗЫКАХ**

Диссертация
на соискание ученой степени кандидата
филологических наук по специальности: 10.02.19 - Теория языка

**Научный руководитель
Ходжаева Сурайё Очилевна,
доктор филологических наук, доцент**

Душанбе, 2019

Содержание

Введение	-3
Глава 1. Теоретические вопросы исследования лексики нравственных отношений в разноструктурных языках.	
1.1. Семантика слова	-18
1.2. Из истории развития лексики таджикского языка	32
1.3. Имена состояния как грамматико-семантический подкласс лексики со значением нравственных отношений	44
1.4. Лексико-семантическая группа слов, репрезентирующая нравственное поведение человека в таджикском и английском языках	54
Глава 2. Структурно-семантический анализ лексики со значением нравственных отношений в разноструктурных языках.	
2.1. Основные принципы вежливого обращения в речевых актах	-70
2.2. Словообразовательный способ образования лексики со значением нравственных отношений в таджикском и английском языках	-85
2.3. Семантическая деривация лексики со значением нравственных отношений в таджикском и английском языках	-98
2.4. Явление синонимии со значением нравственных отношений в таджикском и английском языках	108
2.5. Фразеосемантическая группа слов выражающие нравственные отношения в таджикском языке	-117
2.6. Фразеологические единицы, выражающие отрицательные и положительные черты характера человека в английском языке.	-120
Заключение	-131
Использованная литература	-136

Введение

Нравственные отношения играют важную роль в культуре любого общества, что повышает интерес исследователя к соответствующей лексике. В связи с этим следует уточнить лексический состав и особенности развития языковой категории нравственности с учетом достижений современной лингвистики, установить сходство и различия в структуре, семантике, источниках возникновения и истории становления английской и таджикской лексики. Лексика нравственности включает в себя лексику, которая обозначает духовные и душевные качества, необходимые человеку в обществе. Умение жить с другими людьми определяется нравственностью, то есть нормами поведения, определенными действиями, призванной выражать уважение, доброжелательность и внимание к человеку. Каждый язык формирует определенный набор представлений об окружающей действительности, не совпадающий или частично совпадающий с видением мира носителей другого языка, представителей другой культуры. Этот комплекс представлений можно назвать картиной мира. "Если мир-это человек и среда в их взаимодействии, то картина мира - результат переработки информации о среде и человеке" [112, 10].

Изучение природы лексики в лингвистике имеет первостепенное значение. Любая попытка понять природу слова приводит к осознанию существования ряда родственных понятий и терминов. Прежде всего, это лексика, понятие и значение. Проблема дифференциации этих терминов является одной из самых трудноразрешимых и дискуссионных в теоретической лингвистике наших дней. Это связано с тем, что при анализе лексики в частности нравственной мы имеем дело с сутью содержательного плана, не данного исследователю в прямом восприятии, судить об их свойствах и природе можно только на основе косвенных признаков. Наряду с другими универсальными словарями "мораль" занимает важное место в любом языковом и культурном сообществе. Человек не

только активно познает окружающую действительность, но и действует на основе полученных знаний. Знание в широком смысле включает в себя не только представления о происходящем, но и планы на будущее, оценки, нормы, образцы, идеалы и т. д. у людей достаточно четкие, разумные представления о добре и его противоположности - зле [45, 114]. Моральная лексика обычно ассоциируется в общественном сознании с моральными принципами, которые относятся к двойственным выражениям, которые носят описательный и оценочный характер. Эти принципы содержат описание сферы моральной жизни, и прописать определенные нормы поведения, требуют реализации известных ценностей и идеалов [45, 223].

Слово «мораль» является синонимичным рядом: мораль, этика, этические нормы, моральный кодекс, наставление. Рассматривая мораль с лингвистической точки зрения, ученые подразумевают идеальные ментальные сущности, единицы, с помощью которых мы думаем об объектах реальности, которые не являются словами или наборами их значений как таковых, а создают в сознании обобщенный образ слова. Лексика наполнена эмоциональными, оценочными и экспрессивными значениями, а также имеет собственное смысловое значение. Это понятие отражает смыслы, которыми человек оперирует в процессах мышления, отражает результаты всей человеческой деятельности, свои знания и опыт. Словарь создается через свое языковое выражение и неязыковых знаний.

Актуальность темы исследования устанавливается рядом обстоятельств. Прежде всего, следует отметить, что лексика нравственных отношений в сопоставительном и системно-комплексном плане в разноструктурных языках мало исследована. Системно-комплексный характер проведенного исследования состоит в многоаспектности анализа лексики со значением нравственного отношения в сопоставительном плане в таджикском и английском языках. Лексика нравственных отношений образуют такую лексико-семантическую

группу, которая самым интенсивным образом употребляется в повседневной жизни и в то же время уходит своими корнями исключительно в древние периоды истории общества; в них сосредоточены характерные для каждого языка структурные особенности, но они вместо с тем имеют исключительное историческое значение. Особую роль среди лексики играет категория лексики нравственности-эти термины чрезвычайно тесно связаны с структурой общества и жизни - как с актуально функционирующей, так и с той, которая бытовала в предшествующие периоды развития общества. Эти обстоятельства обуславливают большую актуальность исследования темы. Особый интерес представляет сопоставительное изучение указанной лексики в таких языках, как таджикский и английский. Выбор английского языка в качестве контрастной пары определяется в данном случае практическими обстоятельствами, необходимостью разработки углубленного лексического сопоставления этих языков, существенно установить, каковы в обоих языках судьбы индоевропейского наследия. Нравственные ценности являются важнейшими критериями поведения человека. В свете этих обстоятельств изучение различных аспектов лексики, выражающее категорию «нравственность», становится важной ступенью в достижении морально ориентированных человеческих взаимоотношений в процессе формирования личности. В таджикской лингвистике не имеется монографических работ, посвященных изучению лексики нравственных отношений в сравнении со сходственными единицами разноструктурных языков. В этом плане полученные в ходе исследования результаты, на наш взгляд, являются достаточно новыми и актуальными для современной лингвистики.

Степень изученности. Проблемы изучения лексики с нравственным отношением таджиковеды рассматривают лишь в связи с исследованием языка и стиля художественных произведений и составлением учебников и учебных

пособий. В то же время исследование лексики со значением нравственности к настоящему времени еще остается актуальной проблемой, обнаруживаются некоторые аспекты данного поля, не нашедшие своего освещения в исследованиях. Особенности изучения лексики нашли свое отражение в трудах российских ученых: В.В. Виноградова, Е.А. Адамова, А.Н. Болдырева, Б.Н. Головина, Ю.Д. Апресяна, Н. Д. Арутюновой, А.А. Гусейнова, В.З. Демьянковой, В.В. Красных, Е.С. Кубряковой, З.Д. Поповой, Ю.С. Степанова, И.А. Стернина, В.Н. Телия, С.Г. Тер-Минасова, Р.М. Фрумкина, А.Д. Шмелева, а также таджикских учёных Ш. Кабирова, М. Мухаммадиева, Р. Гаффарова, Д. Саймиддинова, С. Назарзода, М. Норматова, А. Абдукодирова, К. Тохирова, Г. Джураева, С. Рахматуллозода, М. Махмудова, В.С. Расторгуевой, А. Муминова, А. Рустамова, Б. Камолиддинова, Б. Сиёева, Н. Маъсуми, Х. Шанбезода, Х. Маджидова и в английском языке Т.А. Графова, Н.Г. Долгих, М.В. Степанова, М.Д. Цыпина и другие.

В нашем диссертационном исследовании выявляются лексико-семантические особенности лексики со значением нравственного отношения и описываются факторы, определяющие словообразовательные возможности отдельной лексико-семантической группы лексики со значением нравственного отношения в разноструктурных языках.

Объектом исследования диссертации является лексико-грамматический класс слов лексики со значением нравственного отношения, представляющие собой множество языковых единиц, в сопоставительном плане в разноструктурных языках.

Предметом исследования являются слова со значением нравственного отношения в сопоставительном плане в английском и таджикском языках.

Целью диссертационной работы является системно-комплексное изучение лексики со значением нравственного отношения. Конкретные задачи

диссертационного исследования обуславливаются с ориентированной целью и сближаются к следующему:

- 1) семантическая характеристика лексики со значением нравственного отношения на основе их анализа;
- 2) показ системных, семантических отношений предоставленной лексико-семантической группы;
- 3) раскрытие и описание словообразовательной вероятности лексики со значением нравственного отношения;
- 4) выявление и описание фразеобразовательных возможностей лексики со значением нравственного отношения (возможности и характер их участия в составе фразеологических структур), а также особенностей их употребления;

Теоретическую основу диссертации составляют фундаментальные научно-теоретические труды российских, таджикских и зарубежных исследователей по семантике, лексикологии, фразеологии, словообразованию, стилистике, лингвокультурологии и теоретической лингвистике: Ю.Д. Апресяна, Н.Д. Арутюновой, В.Л. Архангельского, М.А. Бакиной, А. Вежбицкой, В.В. Виноградова, В.Н. Виноградовой, Г.О. Винокура, А.И. Ефимова, В.А. Звегинцева, Е.А. Земской, В.И. Кодухова, Е.С. Кубряковой, Дж. Лайонза, В.А. Масловой, А.И. Моисеева, Л.А. Новикова, Е.В. Падучевой, В.Н. Телия, Н.А. Уфимцевой, Н.М. Шанского, В.И. Шаховского, Н.Ю. Шведовой, Д.Н. Шмелева, Б. Камолиддинова, Ш. Рустамова, Г. Джураева, М. Махмудова и т.д.

Материалом исследования, прежде всего, послужили словарные статьи слов со значением нравственного отношения и словари английского, таджикского и русского языков: а) англо-таджикские словари П. Джамшедова, А. Мамадназарова [2003, 2007, 2009, 2011] и Т. Розы [2005]; б) таджикско-английские словари П. Джамшедова [2008]; В особенности иллюстративного материала послужили также примеры, взятые из различных художественных

(прозаических и поэтических) произведений, сборников пословиц и поговорок, а также из художественных книг. Общее количество собранных лексем относящиеся к теме составляет более 750 единиц.

Методология и методы исследования. Для достижения цели и решения, поставленных в работе задач по изучению семантики и функциональной характеристики лексики со значением нравственного отношения используется целый комплекс методов и приёмов анализа, выработанных в современном языкознании.

Ведущим в настоящем исследовании явился сравнительно-сопоставительный метод, применение которого помогло определить сходные и отличительные особенности структуры исследуемых языков, а также сходства и различия исследованных лексем в английском и таджикском языках. Интерпретация языкового материала осуществлялась посредством таких классических методов исследования, как метод наблюдения и метод эксперимента.

Научная новизна исследования заключается в том, что в нем впервые проводится систематическое сравнение лексики со значением нравственного отношения в разноструктурных языках;

-впервые принята попытка комплексного рассмотрения лексических и семантических средств лексики со значением нравственного отношения в английском и таджикском языках;

-проведён анализ основных направлений в изучении семантики и их полей;

-прослежены особенности структурной и лексической организации лексики со значением нравственного отношения в исследуемых языках;

-определены их основные сходства и различия в образовании лексики со значением нравственного отношения.

Данная работа ориентирована на лингвистическое описание лексики со значением нравственного отношения в английском и таджикском языках, и рассматривает их в перспективе присущих им коннотаций, выявляемых в текстовых примерах, иллюстрирующих их употребление.

Теоретическая значимость диссертационного исследования состоит в том, что позволяет проявить обстоятельства, устанавливающие словообразовательный потенциал рассматриваемой группы слов со значением нравственного отношения. Семантический анализ лексики располагает своей главной целью вскрыть совокупные и характерные черты смыслового строения многообразных языковых единиц, а также пополнит ряд существенных вопросов представляющих собой актуальные для языкознания проблемы. К ним относится проблема структурного описания лексико-семантических групп посредством выявления их дифференциальных признаков, связанная с проблемой универсальности дифференциальных признаков; проблема соотношения категорий, категориальных значений и дифференциальных признаков.

Практическая значимость диссертационной работы заключается в возможности использования материалов, теоретических положений и результатов при ведении научных исследований в области общей и сравнительно-типологической лингвистики, в вузовских курсах по сравнительной типологии английского языка, по современному английскому языку, по современному таджикскому языку, в спецкурсах и спецсеминарах по сопоставительной грамматике английского и таджикского языков; в перспективах применения выработанных в ней принципов описания для дальнейшего исследования лексики со значением нравственного отношения в английском и таджикском языках; в возможности использования результатов исследования в лексикографической практике; при составлении этимологических словарей английского и таджикского языков.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Лексика со значением нравственного отношения в разноструктурных языках в основном многозначна.
2. В прямых и переносных значениях лексика со значением нравственного отношения входят во взаимоотношения синонимии и антонимии.
3. Лексика со значением нравственного отношения и производные от них основны характеризуются моделями словообразования, таких как суффиксальный и префиксальный.
4. В ходе семантического формирования лексики нравственных отношений в системе, лингвистические и экстралингвистические факторы являются решающими. К ним относятся процессы перестановки лексических единиц, которые являются архаизмами и появление неологизмов, активность словообразования и семантических изменений, нравственных понятий и терминов.

Личный вклад соискателя ученой степени. Диссертация является результатом самостоятельного исследования. Диссертантом проведен анализ лексики со значением нравственного отношения в разноструктурных языках и на их основе дана семантическая характеристика этой лексики;

- показаны системные и семантические отношения представленной лексико-семантической группы;
- раскрыты и описаны словообразовательные вероятности лексики со значением нравственности в разноструктурных языках;
- выявлены и описаны фразеобразовательные возможности со значением нравственности в разноструктурных языках.

Степень достоверности результатов и апробация работы. Основные положения и выводы диссертационного исследования обсуждались на расширенном заседании кафедры иностранных языков ТГУК, (протоколом № 4

от 22 ноября 2018 года), результаты исследования нашли применение в преподавательской деятельности, и научно-практических конференциях молодых ученых (2013-2019 гг). Основное содержание работы получило освещение в 6 статьях, в том числе в трёх научных изданиях, рекомендованных ВАК РФ для публикации материалов кандидатских диссертаций.

Структура работы определена в соответствии с поставленной целью и задачами исследования. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения и библиографии.

Глава 1. Теоретические вопросы исследования лексики нравственных отношений в разноструктурных языках.

Язык и культура настолько тесно связано между собой, что трудно судить. Язык ли формирует культуру или же культура влияет на процессы языка. Для данной работы очень важно понять самоощущения, самосознание представителей англосаксонской и русской культур. Труды Ю.Д. Апресяна и Л.Вежбицкой, посвящены этим проблемам. Ю.Д.Апресян справедливо утверждает, что «Свойственный языку способ концептуализации действительности (взгляд на мир) отчасти универсален, отчасти национально специфичен, так что носители разных языков могут видеть мир немного по-разному, через призму своих языков» [6, 350-351].

В свою очередь А. Вежбицкая в своей книге «Язык. Культура. Познание» очень много внимания уделяет менталитету англоговорящих. Она считает, что язык формирует сознание и культуру: «Значение антропоцентрично, то есть отражает общие свойства человеческой природы; более того, оно этноцентрично, то есть ориентировано на данный этнос. Нельзя на естественном языке описать «мир как он есть»: язык изначально задает своим носителям определенную картину мира, причем каждый данный язык - свою» [30, 5-6]. В частности, она формулирует следующие характерные для людей особенности, отраженные в языке:

- во-первых, эмоциональность, что выражается в языке;
- во-вторых, иррациональность, англичане подчеркивают ограниченность логического мышления, человеческого знания, непостижимость и непредсказуемость жизни;
- в-третьих, негативность, склонность англичан к фатализму, смирению, покорности;
- в-четвертых, любовь к морали [30, 33-34].

Менталитет носителей английского языка характеризуется как пассивно подверженных эмоциям: «Англосаксонской культуре свойственно неодобрительное отношение к ничем не сдерживаемому словесному потоку чувств» [30, 43].

Она также подчеркивает их особенность: «Носители английского языка обычно не говорят о своей «охваченности» тем или иным чувством (не в том смысле, что они, пассивно передаются, а в том, чтобы активно купаться в его волнах). И сама идея активности и ее языковое воплощение, видимо, абсолютно несвойственны и даже чужды англосаксонской культуре». [30, 44]. Апресян Ю.Д. определяет русского человека как динамичное, деятельное существо [7, 352].

Делая анализ двух культур и их языковых систем, А. Вежбицкая отмечает: «В английском языке эмоции чаще передаются прилагательными или псевдопричастиями, чем глаголами: **Mary was sad, pleased, afraid, angry, happy, disgusted, glad** etc. Подобного рода прилагательные и псевдопричастия обозначают пассивные эмоциональные состояния, а не активные эмоции, которым люди «предаются» более или менее по собственной воле. Напротив, глаголы эмоций подразумевают более активную роль субъекта» [30, 38].

Лингвистика - это наука о естественном человеческом языке вообще и обо всех языках мира как его индивидуализированных представителях.

В широком смысле слова, лингвистика бывает научная и практическая. Чаще всего под лингвистикой подразумевается именно научная лингвистика, которая является частью семиотики как науки о знаках.

Психология - наука, изучающая закономерности возникновения, развития и функционирования психики и психической деятельности человека и групп людей. Она объединяет в себе гуманитарные и естественно - научные подходы. Многообразие функций языка в обществе и тесный характер его

связи с мышлением и с психической деятельностью человека делает весьма гибким взаимодействие языкознания с соответствующими социальными и психологическими науками. Особенно тесны связи языкознания с психологией, что уже в XIX веке вызвало внедрение психологических чувств» [30, 44].

В 50 -х годах XX века образовалась новая пограничная с языкознанием наука - психолингвистика. Психолингвистику не следует рассматривать как отчасти лингвистику и отчасти - психологию. Это комплексная наука, которая относится к дисциплинам лингвистическим, поскольку изучает язык, и к дисциплинам психологическим, поскольку изучает его в определенном аспекте - как психический феномен. Язык - это знаковая система, обслуживающая социум, а психолингвистика входит в круг дисциплин, изучающих социальные коммуникации, в том числе оформление и передачу знаний.

Психолингвистика - это наука о закономерностях порождения и восприятия речевых высказываний. Она изучает процессы речеобразования, а также восприятия и формирования речи в их соотнесенности с системой языка. Психолингвистика по предмету исследования близка к лингвистике, а по методам исследования ближе к психологии.

Психолингвистика как область лингвистики изучает язык прежде всего как феномен психики. С точки зрения психолингвистики, язык существует в той мере, в какой существует внутренний мир говорящего и слушающего, пишущего и читающего. Поэтому психолингвистика не занимается изучением «мертвых» языков - таких, как старославянский или латинский, где нам доступны лишь тексты, но и не психические миры их создателей. В последние годы распространение получила точка зрения, согласно которой исследователи считают продуктивным рассматривать психолингвистику не как науку со своим предметом и методами, а как особый ракурс, в котором

изучаются язык, речь, коммуникация и познавательные процессы. Этот ракурс вызвал к жизни множество исследовательских программ, разнородных по целям, теоретическим предпосылкам и методам. Эти программы носят прежде всего прикладной характер.

Она возникла в связи с необходимостью дать теоретическое осмысление ряду практических задач, для решения которых оказался недостаточным чисто лингвистический подход, связанный прежде всего с анализом текста, а не говорящего человека. Например, в обучении родному, а особенно - иностранному языку; в сфере речевого воспитания дошкольников и логопедии; в проблемах речевого воздействия (особенно - в пропаганде и деятельности средств массовой информации); в судебной психологии и криминалистике. Кроме того, необходима психолингвистика, например, для распознавания людей по особенностям их речи, для решения проблем машинного перевода, речевого ввода информации в компьютер и, соответственно, эта наука тесно соприкасается с информатикой.

Причину интереса ученых к эмоциям В.И.Шаховский отчасти объясняет тем, что для ученых важно знать "их роль в познании мира, место в лексическом значении слова, статус с позиций физиологии, психологии, философии, лингвистики и др." [147, 35].

Если лингвисты обратились к изучению эмоций относительно недавно, то, в отличие от них, философы и психологи с давних пор пытались уяснить природу эмоций. Так, Декарт написал трактат о «страстях души». Он выделил шесть «основных страстей»: «Число простых и первоначальных страстей не очень велико, так как, просмотрев все те, которые я перечислил, можно легко заметить, что таких только шесть, а именно: **surprise, love, hate, desire, joy and sorrow** - удивление, любовь, ненависть, желание, радость и печаль - таачуб, мухаббат, нафрат, хохиш, хурсандй ва афсӯс. Все же прочие либо составлены некоторыми из этих шести, либо же являются их

видами» [156, 529]. Он так же отмечает специфику удивления среди других основных эмоций: «Об удивлении в частности можно сказать, что оно полезно, заставляя нас замечать и хранить в нашей памяти то, на что мы раньше не обращали внимания. Мы удивляемся только тому, что нам кажется редким и необычайным, а таким может показаться только то, что еще не обращало на себя внимания или что отличается от всего до сих пор нам известно: эта разница и придает удивлению характер необычайности [156, 531-612].

Теорию основных эмоций (basic emotions) развивают американские психологи Изард К. и другие, при этом они расходятся в мнениях по числу и составу основных эмоций [158, 198].

Изард К. выделяет восемь основных эмоций: **«interest, fear, sadness, anger, guilt, shame, shyness, and disgust»**. Но при этом он говорит, что полный набор основных эмоций может быть уточнен по количеству и названиям [158, 562].

И далее «the kind of basic emotions approach exemplified by Ekman and Izard draws our attention away from the many emotions that do not have a unique facial expression, emotions such as pride, admiration, and envy». Хотя они не отрицают пользы такого подхода к изучению эмоций: «we acknowledge that a focus on «basic» emotions has been useful, for example, by motivating the development of techniques for the analysis of facial displays as guides to emotional states».

Любопытным является вопрос о различении основных и неосновных эмоций и более того о различении между эмоциями и чувствами. Имеются попытки разграничить эти два понятия в книге «Эмоции и чувства как форма отражения действительности» [148, 155].

Шингаров утверждает, что чувства и эмоции нужно разграничивать не только по форме их проявления, но и по содержанию. Эмоции - это низшая

форма эмоционального отражения, они имеют функции саморегуляции организма и даны человеку изначально, чувства же - это нечто духовное, приобретенное в процессе жизни [148, 155].

Что же касается строгого содержания определения эмоции, то оно фактически не сформулировано, и более того, не существует четкого определения эмоции. Имеются попытки описать определение, так Отли говорит, что дать определение эмоции очень сложно, но тем не менее он сделал попытку объяснить, что же такое эмоция: во-первых, эмоция появляется сознательно как результат на какое-то событие, которое важно для человека; во-вторых, эмоция - это готовность к действию, переходный период от одного состояния к другому; в-третьих, эмоция - это состояние мозга, за которым, однако, нередко следуют физические проявления, действия. Определение же данное Изард, на первый взгляд более строгое, но менее содержательное: «Эмоция - это совместная функция физиологически возбуждающей ситуации, ее оценки и отношение субъекта к этой ситуации» [158,17].

Иначе говоря, устоявшегося и точного определения термина "эмоция" нет и вряд ли оно когда-либо будет, так как появляются новые факты исследований и определение "эмоции" будет изменяться вслед за фактами. Тем более, что несмотря на отсутствие определения, эмпирически каждый человек сознает, что, например, любовь - это чувство, а удивление - эмоция. [158, 17].

1. 1. Семантика слово

По мнению Подучевой Е.В. «слово одновременно является знаком реалии и единицей языка. Оно обозначает что-то вне языка и в то же время связано определенными отношениями с другими элементами языка» [108, 15-16].

Системный анализ словарного состава языка является традиционным для современной лингвистики, а системный подход в синхронном изучении лексики эффективен и продуктивен.

Принцип системности находит отражение в семиотическом характере слова и в закономерностях организации слов в рамках языка. Предметы и явления внешнего мира воплощаются в языке как выраженные, закрепленные и социально значимые. Между ними в материальном мире существуют объективные связи, которые находят отражение в лексической системе языка, которая в свою очередь делится на логические взаимосвязанные лексические блоки. Семантические связи слов в лексических блоках отображают объективные связи между предметами и явлениями внешнего мира [108, 65].

Системность на лексическом уровне проявляется в существовании целостных образований лексики - лексических множеств, которые можно выделить из остального массива лексического состава языка, которые характеризуются смысловыми связями между членами этих множеств.

В лексической системе существуют микросистемы: синонимические ряды, антонимические пары, лексико-семантические группы, лексико-семантические поля, словообразовательные гнезда, тематические группы, ассоциативные поля и этимолого-семантические поля. Отношения внутри микросистем могут быть самые разные: грамматические, словообразовательные, этимологические, семантические, функционально-

стилистические и др. Именно природа этих отношений позволяет лингвистам структурировать лексический состав языка по полям.

В лексико-семантическую группу входят слова и их лексико-семантические варианты одной части речи. Лексико-семантическое поле представляет собой более крупное множество единиц, сгруппированных вокруг выражения одного понятия, независимо от их категориально-лексической принадлежности. Ведь одной из главных причин, которые заставляют нас обращать внимание на язык, является непонимание того, что предстаёт перед нами в виде устного или письменного заявления (текст) или какой-то его части. Поэтому в изучении языка толкование отдельных знаков или целых текстов является одним из важнейших направлений деятельности в области семантики, уже давно играющей важную роль

В европейской научной традиции вопрос об отношениях между словами, к которым они относились, был впервые поставлен древнегреческими философами, но и по сей день различные аспекты этих отношений продолжают уточняться. Рассмотрим слово "character" более внимательно. Конечно, слово - это просто совокупность звуков, которая была использована для разговоров о чём-то; сам по себе этот звук не имеет смысла, но приобретает его из-за его использования в языке. Узнавая значения слов, мы познаём окружающий мир.

При сопоставительном, исследовании группы близкородственных языков, прежде всего возникает проблема сохранения или утраты исконно общих элементов словаря в разных языках, с одной стороны, и единообразия или дифференциации семантического распределения и семантической структуры сохранившейся общей лексики - с другой, т. е., иными словами, проблема устойчивости и изменчивости словаря, его отдельных элементов и подсистем .

Следует различать три типа устойчивости слова:

1) лексическую устойчивость, т. е. сохранение в пике определенного значимого звукового комплекса (с соответствующей модификацией, обусловленной особенностями развития звуковой системы данного языка);

2) устойчивость наименования, или «номинативную», т. е. сохранение данной лексемы в качестве единственного общеупотребительного обозначения данной реалии или лексической доминанты соответствующего синонимического ряда;

3) семантическую устойчивость, т. е. сохранение семантической структуры данной лексемы [52, 39-40].

Лексическая устойчивость слова оказывается наиболее высокой, так как слова могут сохраняться в языке, полностью утратив старые значения или превратившись в функционально стилистически ограниченные элементы его системы.

Представители сравнительно нового направления в семантике, которое называется "сильная семантика" (включая "формальную семантику" и другие типы теоретико-модельной семантики, следуя формальной логике при решении вопроса о характере взаимоотношения языка и мира, дали бы положительный ответ на этот вопрос).

Таким образом, проблема ведения (отнесенности к миру) находится в центре внимания "сильной семантики". Семантика также известна как один из разделов формальной логики, описывающей отношения между выражениями искусственных формальных языков и их интерпретацией в некоторой модели мира.

Семантический компонент уже давно признаётся необходимой частью полного описания языка грамматики. Его вклад в формирование общих принципов семантического описания для реализации различных теорий языка весьма существен. Вопросы лексической семантики слова, способы её выражения в лексикографии продолжают привлекать особое внимание

лингвистов, особенно в связи с изучением и анализом особенностей омонимов, которые разделяют общую семантическую функцию, что даёт возможность исследовать их соответствующие значения. Их исследование должно основываться на материальных фактах, описывающих закономерности возникновения, развития, изменения, функционирования, распространения и специфику структуры омонимов в языке и речи.

Содержательная или «внутренняя» сторона слова представляет собой сложное, многогранное явление. В содержании слова, и прежде всего слова знаменательного, следует различать два момента.

О них хорошо говорит языковед XIX в. А.А. Потебня «...слово заключает в себе указание на известное содержание, свойственное только ему одному, и вместе с тем указание на один или несколько общих разрядов, называемых грамматическими категориями, под которые содержание этого слова подводится наравне с содержанием многих других». Заключенное же в слове указание на «известное содержание, свойственное только ему одному» т. е., только данному слову в отличие от всех других слов, называется лексическим значением [113, 5]. Лексическое значение, как правило, остается одной и той же грамматической формой слова, в том числе и аналитической. Таким образом, оно принадлежит не той или иной словоформе, а лексеме в целом.

Что касается служебных слов, то вопрос об их лексическом значении не имеет однозначного решения в науке.

Важнейшую часть лексического значения, его, так сказать, ядро составляет у большинства знаменательных слов мыслительное отображение того или иного явления действительности, предмета (или класса предметов) в широком смысле (включая действия, свойства, отношения и т. д.).

В последние десятилетия филологическая наука занимается преимущественно семантическими исследованиями. Обращение к

содержательной стороне языковых единиц и процессов, составляющее своеобразие современного этапа развития лингвистики, является, действительно, ее значительным достижением. Перемены, происходящие в языкознании, вызваны не простой сменой его интересов и не выдвиганием на первый план новой тематики. Они связаны, прежде всего, с признанием определяющей роли семантики для существования и функционирования языка, а, следовательно, и с необходимостью изучения семантических аспектов любых языковых явлений. Очевидно, поэтому ведущие лингвисты подчеркивают важность учета семантики и для эффективного описания отдельных языков, и для теории языка как такового.

Под лексической микросистемой понимается группа лексем, объединенных структурно-семантическими отношениями. К лексическим микросистемам относятся, например, лексико-семантические группы, синонимические ряды, семантические поля и другие группировки лексики.

Предпринятое в последние годы в языкознании широкомасштабное изучение различных лексических микросистем проводилось без должного теоретического осмысления и четкого определения таких исходных, базовых понятий, необходимых для системного изучения лексики, как «семантическое поле», «лексико-семантическая группа», «синонимический ряд», «тематический ряд» и т. п.

Ф. П. Филин для обозначения лексических группировок, элементы которых связаны «однородными значениями», пользуется термином «лексико-семантическая группа». Как полагает Ф. П. Филин, такими являются синонимические ряды, антонимы и даже лексически группировки с родовидовыми отношениями [140, 537-538].

Л. М. Васильев, считав, что понятие «поле» находится с понятием «лексико-семантическая группа» в родовидовых отношениях, т. е., иначе говоря, различные группировки слов и даже совокупность лексико-

семантических вариантов слова являются разновидностями семантических полей [28, 106-111].

А. А. Уфимцева, напротив, рассматривает все три основные микросистемы - поле, лексико-семантическую группу и синонимический ряд как равноправные виды более крупных парадигматических объединений в лексике [138, 406].

Термин «семантическое поле» не дифференцирован и обозначается самыми различными объединениями лексем, и вопрос о разграничении типов этих объединений даже не ставится. Отсутствие четких теоретических установок приводит к тому, что в практике семасиологических исследований одни и те же группировки слов обусловлены главным образом терминологической путаницей. Проблема, однако, не только в терминологии. Сложившаяся ситуация обусловлена несколькими объективными причинами.

Предметы и явления внешнего мира связаны друг с другом сложными, порой пересекающимися отношениями, и эти сложные, многообразные объективные связи во внешнем мире проектируются «по вертикали» на лексическую систему языка, расчленяя ее на взаимосвязанные лексические блоки. Причем разные типы объектов внешнего мира участки «мира вещей» и «мира идей» - несомненно, отличаются спецификой своих системных отношений, что в еще большей степени усложняет характер взаимосвязей между лексемами, «покрывающими» эти участки. Элементы лексической системы языка связаны «по горизонтали» своими внутриязыковыми отношениями, порожденными конкретными условиями развития и функционирования языка.

Обе системы связей внутриязыковая и внеязыковая, взаимодействуя друг с другом, в результате создают сеть парадигматических отношений между словами и вариантами слова.

Попытки учитывать в семасиологических исследованиях только один тип указанных связей - вертикальные, ориентированные на действительность, или горизонтальные, ориентированные на язык, - или вообще игнорировать различия между теми и другими к успеху, как показано выше, не привели. Критерии разграничения различных типов лексических микросистем и принципы их практического вычленения остаются неясными и требуют дальнейшего изучения и обсуждения.

Прежде всего, целесообразно, по-видимому, хотя бы в самых общих чертах вспомнить, какие основные признаки включало понятие «семантическое поле» в работах, заложивших основы «полевого» принципа изучения лексики, и каковы были мотивы и обстоятельства, приведшие к появлению и распространению в семасиологии другого понятия - лексико-семантическая группа.

Сложность классификации лексических группировок, как термин «поле», в лингвистику ввел Г. Ипсен в 1924 г., у И. Трира идея «поля» возникла еще в 1923 г. [162, 417].

«В сознании говорящего или слушающего, слова существуют не разрозненно. Они связаны друг с другом по смыслу». Они образуют некоторое членимое целое, структуру, которую можно назвать словесным полем или языковым полем словесных знаков. Словесное поле подчинено более или менее замкнутому понятийному комплексу, внутреннее деление которого представлено в расчлененной структуре словесного (знакового) поля». Хотя, как видно из приведенных рассуждений, Трир различал «словесное поле» и «понятийную сферу», а в конечном счете, языковым полем Трир называл группу родственных смыслов или некоторую смысловую сферу. Примером такого поля в работах Трира служила понятийная сфера интеллекта, покрываемая словами со значениями «ум», «разум», «рассудок», «мудрость», «хитрость» и т. п. [162, 417-418].

Среди многочисленных недостатков предложенного Триром метода изучения лексики основным, является невозможность исследования «понятийного поля» в отрыве от «словесного», т. е. логический, а не языковой подход к процедуре вычленения поля. Именно этот недостаток обусловил, прежде всего, появление нового подхода к системному изучению лексики.

С другой стороны, представляется более естественным рассматривать слово **холодный** не как член парадигмы **холодный, бесстрастный невыразительный, неоттапливаемый** и т. п., а как элемент лексической микросистемы, обозначающие качества: **нек - бад - хуб**.

Семантические связи между словами, их интенсивность и взаимодействие обусловлены, как указывалось выше, двойной привязанностью слова - к системе предметов или явлений внешнего мира, объединенных объективными отношениями, и к системе других лексических единиц языка, объединенных своими внутренними отношениями. Понятно, что степень взаимосвязи различных предметов и понятий внешнего мира может быть неодинаковой.

В одних случаях взаимосвязь между объектами внешней действительности одного предмета или признака невозможно без существования другого (например, и в других случаях линейное (или какое-либо иное) расположение признаков во внешнем мире возможно лишь в строго определенном, объективно обусловленном порядке (например, цвета радуги); в третьих случаях связь между объектами внешней действительности обусловлена четко выраженной иерархической структурой составляющих их компонентов (например, понятия, выражающие отношение родства). Наконец, имеются такие случаи, когда ни расположение объектов в пространстве или во времени, ни компонентная структура их понятийного

содержания не обуславливают какой-либо строгой объективной упорядоченности этих объектов во внешнем мире.

Таким образом, сила связи между объектами (предметами, признаками, явлениями и т. д.) внешнего мира имеет градуированный характер и может колебаться от некоторого «абсолюта» (день и ночь) до нуля (стол и ручей). Когда релевантной, существенной оказывается объективно обусловленная связь между предметами и явлениями внешнего мира, упорядочение отношений в лексической системе языка происходит, прежде всего, на основе внеязыковых факторов.

Следует заметить, что, хотя подобные группировки основаны на внутриязыковых отношениях, их элементы обозначают понятия, в той или иной степени связанные между собой во внешней действительности, так как полисемия (а отграничение группы происходит на ее основе) отражает объективно существующие связи между предметами и явлениями. Другое дело, что внеязыковые связи, отраженные в лексико-семантической группе, могут быть не столь тесными, как в группе цветообозначений и подобных ей системах.

Таким образом, мы подошли к выводу о том, в чем состоит существенное отличие «семантического поля» от лексико-семантической группы. Важным признаком, различающим оба понятия, является языковая или внеязыковая обусловленность связей, объединяющих элементы той или иной микросистемы. Элементы семантического поля объединены, прежде всего, общностью внеязыковых связей и отношений; элементы лексико-семантической группы связывают и объединяют, прежде всего, внутриязыковые отношения.

Что касается синонимического ряда, то, поскольку в основе синонимии лежит денотативно-сигнификативная и сочетаемостная общность лексических единиц, синонимический ряд относится, очевидно, к таким

группировкам, для которых характерно изоморфное или близкое к таковому по своей структуре соотношение внутриязыковых и внеязыковых связей между лексемами. Иначе говоря, ориентированность на языковые или внеязыковые связи для синонимического ряда, в отличие от семантического поля и лексико-семантической группы, является нерелевантным признаком.

Итак, первым признаком, который может быть использован для дифференциации лексических микросистем, является:

1. Языковая/неязыковая обусловленность лексических связей;
2. Материальность/нематериальность обозначаемых объектов внешней действительности. Хотя, как известно, Трир и его последователи отдавали предпочтение исследованию «абстрактных» полей, так как историю перечленения понятийного поля, по словам Трира, удобнее изучать на примере поля интеллекта, а не на примере истории слов [162, 421].

Лексико-семантическая группа может состоять:

- а) из слов, обозначающих «качества человека»;
 - б) из слов, обозначающих идеальные объекты (глаголы отношения);
 - в) из слов с абстрактным и конкретным значением (группа «работа»: слова со значением «занятие, деятельность» с одной стороны и «продукт труда», «сочинение» - с другой);
3. Дискретность/не дискретность обозначаемых объектов внешней действительности. Этот признак в определенной степени сопряжен с предыдущим - материальностью/нематериальностью объектов, однако не тождествен ему, так как и материальные, и идеальные объекты внешней действительности могут представлять собой некоторый континуум (цветовой спектр, шкала оценок). И дискретные/и не дискретные объекты внешней действительности подвергаются категоризации в сознании.

В результате такой категоризации сегменты «мира идей» или совокупности однотипных предметов в «мире вещей» отличаются от языка к

языку. Так, совокупность веществ, обозначаемых в таджикском языке словом “ахлоқ” в английском членится на три совокупности, обозначаемые соответственно словами **behaviour**. Приведенные примеры позволяют сделать следующие заключения:

С одной стороны, дискретность/не дискретность не является признаком, дифференцирующим различные лексико-семантические группировки. Семантическое поле, как и другие микросистемы, может обозначать и дискретные, и не дискретные объекты. С другой стороны, для сопоставительного анализа языков лексико-семантическая группа в отличие от поля оказывается непригодной. Семантические поля различных языков сопоставимы, так как они имеют общую «систему измерения» - действительность; вычленения же групп слов, базирующиеся на внутриязыковых отношениях, несопоставимы и для практики типологического изучения языков малопригодны.

Поскольку отграничение лексико-семантических групп осуществляется на базе какого-либо многозначного слова, это многозначное слово является доминантом группы и обязательно входит в ее состав. Остальные члены группы находятся с доминантой в отношении синонимии.

Идентификатор семантического поля находится всегда вне поля и, как правило, представляет собой не слово, а словосочетание (словообразование), обозначающее родовое понятие, по отношению к которому все члены поля являются видовыми понятиями.

Синонимический ряд, как и лексико-семантическая группа, ограничивается относительно каким-либо словом - доминантом, которое входит в состав синонимического ряда. Однако отграничение синонимического ряда происходит относительно одного, как правило, основного значения слова (если оно многозначно).

Таким образом, тип идентификатора и его местоположение являются существенным признаком, отличающим лексико-семантическую группу и синонимический ряд от семантического поля.

То, что касается отношений внутри микросистемы, то Й. Трир многократно подчеркивал, что лексические единицы покрывают понятийное поле в виде мозаики, без пробелов. Такое представление о характере лексических отношений можно обнаружить и в работах некоторых зарубежных лингвистов, которые выделили пять основных признаков функционирования слова в языке, определяющих свойства. Важнейшими из этих признаков являются - языковая/неязыковая обусловленность связей между лексемами, тип и местоположение идентификатора микросистемы и тип отношений между лексемами [162, 421].

Следует, согласиться с Л. М. Васильевым в том, что входящие в тематические группы слова «объединяются одной и той же типовой ситуацией или одной темой», но «общая идентифицирующая (ядерная) сема для них не обязательна» [27, 107]. Это утверждение нуждается, однако, в некоторых уточнениях, тем более, что ограничение тематических групп от других лексических группировок, в первую очередь от семантических полей, связано с определенными трудностями.

Первой и наиболее важной отличительной чертой тематической группы является внеязыковая обусловленность отношений между ее элементами. В отличие от семантического поля, которое является упорядоченным множеством словесных знаков, тематическая группа представляет собой совокупность материальных или идеальных денотатов (или референтов), обозначаемых словесными знаками вообще. Formой упорядочения денотатов, составляющих тематическую группу, является перечисление. При этом между теми или иными элементами множества могут быть обнаружены

самые разные отношения - включения, пересечения и т.д. (род - вид, часть - целое и т.п.).

Сходные или тождественные на первый взгляд группы слов могут образовывать различные лексические микросистемы. Если необходимо рассмотреть структурно-семантические отношения между терминами **morality - мораль**, в одном языке или разных языках, мы получаем множество словесных знаков: принципы поведения, основы морали, этика, высокие моральные качества, нравственное поведение и т. д., образующих поле. Если необходимо перечислить денотаты, объединенные темой «мораль», или референты, указывающие на нравственное поведение, то мы получим в итоге некоторые тематические и, соответственно, рефератные группы.

Понятие «тематическая группа» близко соприкасается с понятием «ассоциативное поле»: оба образования характеризуются смешанным типом лексико-семантических, а иногда и лексико-грамматических отношений и обозначаются преимущественно именем, равным слову.

Свое выражение системность словарного состава языка находит в существовании в языке различных групп слов, противопоставленных по значению, форме, степени сходства форм и значений, по характеру отношений, складывающихся между элементами, образующими ту или иную группу. Для их обозначения используются разнообразные термины, среди которых наибольшее распространение получили тематическая группа (ТГ), лексико-семантическая группа (ЛСГ), семантическое поле (СП). Изучение словарного состава языка в указанных категориях предусматривает установление, во-первых, различных видов системных отношений, существующих внутри лексических группировок, во-вторых, объективных показателей, объединяющих слова друг с другом.

Семантические связи слов в лексической системе языка рассматриваются, как правило, в рамках теории поля. Преобладающая роль в ней отводится установлению связи языка с действительностью, его соотнесенности с внеязыковой реальностью. Эта теория получила свое развитие на основании того, что картина мира в сознании носителей языка тождественна ее языковому выражению, и проблема заключается лишь в том, насколько адекватно языковое выражение отражает фрагмент обозначенной действительности и насколько точно и полно оно покрывает сферу человеческого опыта.

1.2. Из истории развития лексики таджикского языка

В процессе эволюции словарного состава внеязыковые и языковые импульсы влияют на лексическую единицу не прямо, а через сеть отношений, в которые она вступает благодаря своим формальным и семантическим свойствам. Этими так называемыми микроструктурными отношениями определяется место лексической единицы в словарном составе. Набор микроструктурных отношений составляет ее лексическую ценность. Любые смысловые сдвиги, изменения словообразовательной структуры лексической единицы затрагивают ее микроструктурные отношения, изменяют ее место в словарном составе. Место слова в словарном составе, а, следовательно, и его лексическая ценность не являются неустойчивыми величинами; в процессе исторического развития они могут в большей или меньшей степени изменяться [137, 102].

Объем и тенденции развития исследований по лексике связаны с историческим развитием народов, их уровня развития культуры, тех или иных народов в течение многих веков. Необходимо особо подчеркнуть процесс обогащения и развития таджикской нравственной лексики, огромное значение для которого имеют переводы произведений классиков. Лексика таджикского языка постепенно обогащается и расширяется за счет заимствований из других языков. Круг заимствованной лексики определяется характером новых научных и технических понятий и явлений жизни и быта народа.

Лексика таджикского языка заимствует из других языков много западноевропейских слов-терминов, особенно латинского и греческого происхождения. Словарный состав таджикского языка обогащается разным путём и имеет разные пути развития. Один из них освоение лексики нравственного фонда и их словообразовательных морфем.

Обогащение состава таджикской лексики в течение последних трех десятилетий в основном ведется следующим образом:

- а) путем составления лексических словарей;
- б) в процессе издания учебной, научной литературы, а также периодической печати;
- в) при живом, непосредственном общении людей, объединенных процессами общения производства. Об этом свидетельствует постоянный интенсивный процесс проникновения из других языков в таджикский язык новых слов, т.е. неологизмов.

В современных развитых литературных языках большое и значимое место занимает изучение лексики и оказывается существеннейшей стороной того языкового стиля, который обычно называют языком науки. Поэтому никакая лингвистическая теория, в особенности, если она стремится отразить современное состояние развитых литературных языков, не может не рассматривать круг проблем и вопросов, связанные с изучением лексики. Лексическое значение один из типов словесных значений. Словообразование лексики подчиняется, в общем, тем же закономерностям и регулируется теми же моделями, что и словообразование в целом [139, 102].

Морфологические свойства лексики имен существительных по преимуществу подчинены единым для всего языка «правила» грамматического строя.

Синтаксические позиции, в которых стоит лексика и высказывании, ничем, по -видимому, не отличаются от синтаксических позиций остальных слов языка. В связи с этим лексика эта особый, очень сильный слой языка, обслуживающий нужды людей.

Проблема изучение лексики, в том числе нравственного отношения английского и таджикского языков в сопоставительном плане является одним из вопросов сопоставительной типологии данных языков, которую

также необходимо исследовать для обучения английского языка для носителя таджикского языка, а также для становления английско-таджикской лексики и т.д. Она становится актуальной наряду с развитием английской и таджикской лингвистики.

В настоящее время существует слова, некоторых областях науки, в том числе нравственных, которые до сих пор не нашли своего отражения в сравнении с другими языками, полностью не изучены их структурно-образовательная характеристика, их семантические особенности, их различия и сходства в сопоставительном аспекте с таджикским языком.

В состав такой лексики можно отнести лексику со значением нравственного отношения таджикского и английского языков. Для выражения определенной исторической эпохи и развития терминов таджикского языка, следует её классификация, потому что на каждом этапе наряду с общими закономерностями развития незначительные специфические особенности могут стать факторами продвижения языка или отдельных его уровней. В частности, начальная стадия развития таджикского языка также характеризуется рядом особенностей лексического, морфологического и синтаксического порядка.

В книге Д. Саймиддинова «Вожашиноси забони форсии миёна» «Лексикография среднеперсидского языка» (на таджикском языке), излагается взгляды автора на фонетический, лексический и морфологический строй среднеперсидского языка [125, 121].

В этот период стали образовываться лексика обозначающие **добро - некӣ** и **зло - бадӣ**. Они не классифицировались по сферам жизни общества, как это делается сегодня. Поэтому большинство слов имели двузначный характер, некоторые были многозначными, а другие, наоборот, становились моносемантическими, т. е. в одном случае они функционировали как

общеупотребительное слово, а в другом использовались как термин или проявляли терминологический оттенок.

Поведения людей выражались следующими словами: **нек(й)** - добро; **бад(й)**, **бадхохй** - зло; **адл**, **адолат** - справедливость; **кина**, **адоват**, **бадбинй** - ненависть; **росткорй**, **ростй** - честность и т.д. Например, **зарар** - вред, причиненный в результате какого-то действия, назывался **afsa**. Оно являлось корневым словом и участвовало в образовании слов, связанных с понятием «вред». К ним относятся слова **afsmān** - зарар, зараровар (вред, вредитель, вредоносный) [125, 103].

В «Авесте» понятия **бад**, **бадй**, **шарр** - зло, вред - **evil** выражается корневым словом **ahra**, которое имело формы **ahra**, **angra** (отсюда имена **Ахриман** или **Анграманью** - властители зла, тьмы), в древнеперсидском - **ahrika** и использовались для образования сложных слов: **aliramanu**, **ahromanu**, **aliriman**.

Как известно, слово **aliriman** в древних мифах считалось предводителем злой силы, зачинщиком всякого греха и преступлений. Данное значение могло бы выражаться также словом **ака**, **апка** (например, **akatarā** - хуже, **akatama** - наихудший) [96, 51].

Сегодня широко исследуется историческое развитие структуры слов свойственные к аналитическому среднеперсидскому языку. Выявляются такие особенности слов, как средства связи, структура и их способы выражения, определяется модели образования слов во всех этапах развития языка. Они не классифицировались по сферам жизни общества, как это делается сегодня. [139, 112].

В состав лексики абстрактных существительных (abstract nouns) среднеперсидского языка выражающие нравственное значение входят слова, которые с точки зрения словообразования являются простыми словами: **xuš** - «хуш», **xrad** - «хирад», **kuon** - «кина», **bim** - «бим», **bes** - «андух», **šarm** -

«шарм», хейт - «хашм», газ - «роз» и тд. [95, 103]. Эти слова составляют большую часть лексики обозначающие абстрактные существительные. При изучении словарного состава можно исходить из того, что в большинство случаях они выражают такие значения как мудрость, знание, поведение и тд.

Наиболее эффективным приемом внутренней семантической структурами частей речи является словообразовательное моделирование. Поскольку в самом понятии модели заложена идея формулы, схемы, аналога, она представляет собой структурную единицу языка, формальный прием объединения слов с общим словообразовательным элементом в единый, относительно обозримый класс. Классы слов, которые выделяются на основе лингвистического значения словообразовательных моделей, называются деривационно-семантическими категориями, или словообразовательными полями. Исходя из этого, словообразование происходит на основании словообразовательных моделированиях.

Как нам известно, если под моделью следует понимать формулу структурных и семантических отношений между производящей и производной основами, своего рода «программу» создания или представления слова **in statu formandi - в состоянии формирования**, то в качестве реально осознанных компонентов модели выступают слова конкретной части речи и конкретный аффикс.

В среднеперсидском языке, в ряде словообразовательных типов следует подчеркнуть способ выражения слов при помощи приставок, а также многочисленные типы с ограниченным составом мотивирующих основ. Так, например, с суффиксами **-lh, -isn, -ay -ad**, мотивируются прилагательные с различными значениями [127, 105].

В среднеперсидском языке простые и сложные существительные, которые обозначают абстрактные значения состоят из следующих слов: **андеша – мысль; хирад – мудрость; дониш – знание; огоҳй –**

осводемлённость; хислат – характер; хулк – привычка; атвор – поведение; одоб - вежливость; вазьи рухй - душевное состояние; бим – страх; тарс – боязнь; хашм – злость; андух - скорбь; шодй веселие и другие состояния как: кайфияти инсон - человеческое наслаждение; кобилияти фикрй дар пиндор - умственная способность при размышлении; гуфтор – речь; кирдор поведение; хар гуна нерӯ - всякая сила и тд. [125, 106]

Ёще одним способом образования слов, которые обозначают абстрактные значения являются синонимы, которые имеют разные способы образования: андух - скорбь - **andag, andoh, temar, pun, bes, zarlg.**

Следующий синоним **amawandlh** при помощи суффикса **-lh** образован из прилагательного. Эти синонимы в языке пехлеви являются продуктивными. Также при помощи суффикса **-lh**, который образует существительное, и с этим же значением образуется слово при добавлении к прилагательному с другим значением: **guman = gumanlh** - «гумон» - **gumanlglh** - подозрение, или **xrad** - «хирад», **frazanaglh, danaglh = xrad** - мудрость.

Способы словообразования абстрактных существительных в составе слов во всех сферах не одинаковы.

«Лексика и особенно терминология Авесты привлекли внимание многих исследователей-иранистов, которые установили, что источниками создания терминов была лексика, унаследованная от языка среднеиранского периода - пехлеви и лексика литературного и разговорного языка того времени (новоиранского периода). Основная масса таджикских терминов - эквивалентов арабских создана Абуали ибн Сино на основе обиходной лексики путем специализации значения слов, что, как известно, является одним из основных средств создания терминов и разработки научной терминологии. Например, **сухан - слово, речь - word** [125, 32, 176]. Понятие

гуфтор - *speech* обозначает **ба таври умум гуфтан, иброз доштан, баён кардан бо сухан - to say, to speak - сказать, выразиться**. Например: **пурсишу посух - question and reply - вопрос и ответ; ситоишу офарин - praising - восхваление; сипосу дуруд - gratitude and greeting - благодарность и приветствие; гираву нола - bitter weeping - горький плач, тавбаву хоҳиш - repentance and will - раскаяние и желание** и тд. Эти понятия в среднеперсидском языке используются в различных моделях: **waz, gowišn, guitarlh, šaxwan, ewaz, šraw, marlg, manšar, dranjišn** [125, 105].

Форма **waz/waz** (пех.), который относится к северным говорам, в персидском языке имеет форму **gowišn** [126, 108].

В образовании моделей в языке пехлеви основы слов в большинстве случаев составляют авестийские слова:

авест. **vacah** = пахл. **gowišn, guftar - гуфтор – speech - речь**, скр. **vacāš**;
авест. **vaxsa** = пахл. **waxš, gowišn - гуфтор – word - слово**; авест. **sanham** = пахл. **saxwan – сухан – word - слово**, скр. **samsati**; авест. **salar** = пахл. **saxwan - сухан - speech - слово, речь**;

В “Авесте” со словом **vacah** образуется большинство моделей. В образовании производных слов это слово состоит на втором месте. Такой порядок образования производных слов можно наблюдать в языке пехлеви, и оно является заимствованным словом: авест. **barazata vaca = buland - gowišnlha - баландгуфторӣ – loud speech - громкая речь, uxt (= saxwan)** (ав. **uxta -**) от корня **ux – гуфтан – speak - говорить**, пахл **huxt** (ав. **huxta -**) **гуфтори нек – kind speech - добрые слова**, ав. **hugowisn** «гуфтори нек» [125, 106].

В пехлеви с компонентом **huxt** образуются следующие сложные слова: **huxt - guftar - некгуфтор – speaking kindly - говорящий добрые слова, huxt -gowisnlh -некгуфторӣ – to speak kindly - говорить добрые слова.**

В языке пехлеви хорошие и плохие качества выражаются следующими моделями, которые происходили из авестийского: ав. **ars.vacah** = пахл. **rast-gowisn** - **ростгүфтор** – **speaking truthly** - **говорящий правду**; ав. **asam.sravah** = пахл. **rast-saxwan** - **ростсухан** – **truthful** - **правдивец**; ав. **asa.hizva** = пахл. **rast - uzwan** - **ростзабон** - **telling truthly** - **говорящий правду**, также слово **saxwan** - **сухан** - (ав. **sanha** -), от основы **sah** - **хитоб кардан, иъллом доштан** – **exclaim** - **воскликать** [126, 107].

Из пехлеви в новоперсидский язык образованы следующие слова: **saxwan, saxun, suxun, suxan, sraw** – **сухан** – **speech** – **слово, речь**. Среднеперсидский вариант этих слов: **marlg, saxwan, ewaz, waz, mansar, afson**. – **шунидан** – **to listen** - **слышать** - (яъне, он чи, ки шунида мешавад), т. е то, что можно услышать. От основы этого слова в Авесте **sraoma шунавой** - **hearing** - **слух** и **sraosa шунидани сухан** – **to listen speech** - **слушать речь** [125, 216-217].

Исходя из этого в среднеперсидском языке **waxswar** - **паёмбар**, обозначает **суханбар** - ф.п. **waxsur**. Модели этих слов используется в авестийских и пехлеви: ав. **namra.vaxš** = пахл. **abad-gowišnlh нармгүфторӣ** - **soft speech** – **мягкая речь**; ав. **xsait.vaxš** = пахл. **padixšah-gowišnlh гүфтори подшоҳон** – **kings` words** - **слова падишахов**. [126, 107].

Каждый поступок, слово и поведение, действие имеет свою ценность, своё достоинство и своё наказание, которое наши предки называли подош (расплата, вознаграждение), и данное слово сохранилось до наших дней.

Слово **подош** - **reward** - **награда, вознаграждение** в языке пехлеви употреблялось в варианте **патдахишн (patdahišn)**, в среднеперсидском в формах **подоштан (padaštan)**, **подошт (padašt)**, **подош (padaš)**. Данное слово первоначально использовалось с положительной коннотацией, т.е. означало вознаграждение за хороший поступок, доброе дело, достойное поведение и входило в антонимическое отношение со словом **подафрах-**

(**padafrāh** - мучозот - **punishment** - наказание). Позже оно стало выразителем любого вознаграждения, любой расплаты и тем самым в определенной степени стало синонимом слова **подафрох** - (**padafrāh**) - (наказание) [125, 34].

Слово **подафрох** в пехлевийских памятниках написано в форме **потафрос** (**patafras**) на персидском языке. Оно зафиксировано как **подафрох** (**padafrāh**), **подафра** (**padafra**), **подофрох** (**padafrax**) и означало наказание за плохие действия, поступки, за содеянное и противопоставлялось значению вознаграждение за хорошие дела [125, 34]

Синонимичные слова **кудрат** – **might** - могущество; **зӯр** – **power** - сила, **тавоной** – **might** - мощь; **нерӯ** – **power** - сила; **далерӣ** – **courage** - храбрость; **мардонагӣ** – **fortitude** - мужественность; **шучоат** – **audacity** - отвага, **доблесть** обладали теми же значениями, что и древнеперсидское слово **ama**.

В «Авесте» **амавант** (**amavanta**) и пехлевийском **amauastama** употреблялось как прилагательное. Данному слову были свойственны также другие слова с таким же семантическим оттенком.

В таджикском языке есть много общеупотребительных и полисемантических слов, к числу которых относятся синонимичные слова **неку хуб** – **kindness and good** - добро и хорошо. Такие слова в определенных случаях, в зависимости от цели и ситуативных условий высказывания, могут выражать узкое и конкретное понятие. В большинстве случаев слова этой категории могут служить для выражения нравственных понятий.

Слова **arah** и **arahka** могут употребляться в значениях: **рафтор** – **deed** - поступок, **амал** – **action** - действие. Если исходить из бескорыстных или преступных действий, или поступков, то эти слова приобретают юридический оттенок. Это особенно хорошо наблюдается в «Авесте», где идея добра и зла является фундаментальной идеей. Если **arah** в целом

обозначает понятие **поступок**, то с прибавлением морфемы **hu** -(**hu -arah**) это слово обозначает **накӯкор**, **амали нек** – **benefactor, good action** - **благодетель, добрый поступок**. Наоборот, понятия **рашк** – **envy** - **ревность, зависть**; **рашкин** – **envious** - **ревнивый, завистливый**; **бадхоҳ** - **ill-will wisher** - **недоброжелатель** выражались словами **arsimant** и **ariška** - **рашк**, **хасад** – **envy** - **ревность**, а слова **бадхоҳ** – **enemy** - **недруг**, **бадандеш** – **plotter** - **злоумышленник**, **бадкирдор** - **scooundrel** - **негодяй** назывались лексемой **duškama**, корнем которой является **duš**, что сохранилось в современном слове **душман** – **enemy** - **враг**.

Хорошие качества: **new, wag, nek, nekog** - **нек, неку** – **kind, kindness** – **доброта**; **weh** - **бех** – **better** - **лучше**; **xub** - **хуб** – **good** - **хороший**; **huda(h)ag**, ав. **hudah** - **хуб** – **good** – **хороший**.

Плохие качества: **wad** - **бад** – **bad** – **плохой**; **zišt** - **зишт** – **ugly** - **безобразный, уродливый**; **ag** - **бад, зиёновар** - **sabotaging** – **вредоносный**; **ак** (ав. **ака**) - **бад, зишт** - **bad, disgraceful** - **плохой, безобразный** [125, 5].

Словообразовательный процесс прилагательных осуществлялся следующим образом: **nek-gohr** - **некгухар** – **kind** - **хороший**; **wad-gohr** - **бадгухар** – **bad** - **плохой**; **nek-kamag** - **некхоҳ** – **will wisher** - **доброжелатель**; **wad-kamag** - **бадхоҳ** – **ill-will wisher** - **недоброжелатель**; **nek-kunišn** - **неккирдор** - **benefactory** - **добродетельный**, **wad-kunišn** - **бадкирдор** - **scooundrel** - **дурнопоступающий** [125, 105].

Этим способом образования создаётся большинство слов, и он является одним из продуктивных способов. Хорошие и плохие качества - «неку бад» образуются при помощи **hu** - **ва duš** -, **hu -xem** = **wad -xem** - **бадхӯ** – **spiteful** - **человек со скверным поведением**.

На последующих этапах развития персидского языка круг лексических значений еще больше расширился, и оно стало означать также и другие понятия: **сахтӣ** – **hardness, burdens** - **жесткость, тяготы** со следующим

значением слово: **pata-yaragi** – душманӣ - **enmity** - (враждебность), а на пехлеви слово **patiyarakuя**, использовался также в значении душманӣ - **enmity** - вражда [125, 107].

Вопреки указанным словам, функционировало слово **патит (patit)**, которое в «Авесте» имело форму **пайтита (paytita)**, а в языке пехлеви - **патет (patet)**. Оно обозначает такие значения как: **тавба - repentance - раскаяние; тазарро - entreaty - мольба; бахшидан - to forgive - простить; ато кардан - to create - творить, аз гуноҳ худдорӣ кардан - to abstain from sin - воздержаться от греха; качрафторӣ накардан - turn aside from sin - уклониться от греха; дурӣ чустан аз рафтору кирдори норавою нопок - to move away from prohibited and dishonest actions - отстраниться от недозволенных и нечестных поступков** [125, 107].

Боз о, боз о ҳар он чӣ ҳастӣ боз о,

Гар кофиру габру бутпарастӣ боз о.

Ин даргаҳи мо даргаҳи навмедӣ нест,

*Сад бор агар **тавба** шикастӣ боз о. (Руми) [203, 197].*

Ступай к нам, ступай к нам, кто бы ты ни был -

Странник, паломник или изменник.

*Тысячу раз нарушитель **обетов**, -*

В наш караван не потерявший надежду.

Come, come, whoever you are, come

Even if you are unbeliever, remade or a pagan, come.

Our door is not the door of hopelessness and frustration.

*Even one hundred times you **broke your promise**, come.*

Исходя, из этого следует сказать, что на начальной стадии становления лексика таджикского языка в основном формировались за счет внутреннего резерва, то есть за счет авестийских и пехлевийских общеупотребительных слов, которые имели контекстуальную и локальную специфику.

В результате лексикализации расширялась сфера употребления и семантика отдельных частей общеупотребительных слов, что способствовало количественному обогащению и качественному развитию терминологического фонда языка.

1.3. Имена состояния как грамматико-семантический подкласс лексики со значением нравственных отношений.

Основным общеграмматическим значением категории существительных является значение предметности, но семантика состояния по природе своей носит не предметный, а признаковый характер. Состояние всегда приписывается кому-то или чему-то. В именах состояния происходит подведение признака под категорию субстанции, поэтому, опредмечивая состояния, существительные выполняют свою номинативную функцию опосредованно.

По мнению Жирмунского В.М. по своему категориально-семантическому значению имена состояния относятся к разряду абстрактных имен, обладающих только сигнификативным значением, сигнификатом является понятие «состояние». Категориальное значение слова выражается его морфемным составом. Для имен состояния в языке существуют характерные словообразовательные модели [53, 49-58].

Грамматический признак объединяет морфологическую и функционально-синтаксическую характеристику.

В.В. Виноградов писал о характерности тенденции «к группировке слов большими кучками вокруг основных центров значений», в результате чего образуются «семантические группы слов» [37, 18].

Имена состояния характеризуются с позиций единства трех признаков: **семантического, морфологического (словообразовательного) и функционально-синтаксического.**

В.В. Виноградов пишет: «слово представляет собой внутреннее конструктивное единство лексических и грамматических значений. Определение лексических значений слова уже включает в себя указание на грамматическую характеристику слова» [36, 46].

Семантико-грамматический подкласс имен состояния не является однородным. Эти имена различаются по характеру и способу выражения субъекта-носителя состояния. По этому признаку выделяются следующие слова в английском языке: **ill - naturedness** - хашмгинй - злость, гнев, рассерженность; **depression** - хастагй - усталость, утомлённость; **homeless** - бехонаву дар - бесприютный, скиталец; **pity** - афсӯс - сожаление, досада, жалость; **sufferings** - азобу укқубат - мучение, **inspiration** - илхом – вдохновение [84,32].

Среди имен состояния встречаются некоторые лексико-грамматические свойства, общие для имен состояния личного и неличного субъекта. Именные предикаты состояния характеризуются определенными семантико-грамматическими особенностями в зависимости от своего индивидуального лексического значения:

1. Состояние - качество

К этой группе в английском языке мы относим имена типа: **weakness** – нимчонй, бехолй - слабость; **cheerfulness** – шодй, хурсандй - радость, веселье; **uncertainty** - нобоварй - неуверенность; **inertness** - бехолй - вялость; **madness** - девонагй - неменяемость; **indifference** - беахмиятй - безучастность, халатность, попустительство, безразличность; **dullness** - номаълумй, неизвестность, неясность [84, 54].

Специфика семантики имен выделенной группы находит свое выражение в определенных словообразовательных моделях. Для них характерен адъективный способ образования с помощью суффикса **-ness**: **inertness** - бехолй - вялость, слабость, усталость; **cheerfulness** – шодй, хурсандй - радость, веселье.

Имена состояния - качества следует отличать от абстрактных имен со значением собственно качества.

Имена состояния, функционируя в предложении, описывают в отличие от имен качества, не свойства, а определенные стадии существования предмета, лица, т. е. признак, актуализованный во времени [57, 130-161].

Имена состояния - качества частотно реализуются в модели: **состоянии имя+состояния**, где предикативное соотнесение признака состояния с субъектом (личным или неличным) происходит при посредстве классификатора (состояние). В качестве предикативной связки иногда выступают вспомогательные глаголы **находиться, пребывать**. Например: **Almost the whole day Ather stay strong nervousness - Артур тамоми рӯз дар парешонхотирӣ буд - Артур весь день пребывал в состоянии сильнейшего беспокойства** [163, 69].

Предложения, построенные по указанной модели, соотносятся с синонимичными адъективными структурами: **He is weak - Ӯ бемадор, беҳол мебошад - Он слабый - Он в состоянии слабости** (часто имя состояния выступает в сочетании с интенсификатором). **He is absolutely tranquil – Ӯ дар ҳолати оромии комил аст - Он в абсолютном спокойствии; He is in absolute tranquillity – Ӯ тамоман ором аст. - Он в состоянии (полной) безмятежности.**

Возможна синонимичная модель, где предикативный признак состояния выражается сочетанием классификатора с адъективным признаком, который приобретает оценочно-характеризующее значение: **He is in feeble (cheerful, wild, irresponsible) state – Ӯ дар ҳолати нимчонӣ (хурсандӣ, ваҳшӣ, номукаллаф) қарор дорад - Он в слабом (веселом, диком, невменяемом) состоянии**. В функции определителя при классификаторе могут выступать слова чистой оценки: **He is in good (bad, awful, excellent) state - Ӯ дар ҳолати хуб (бад, даҳшатнок, аъло) қарор дорад - Он в хорошем (плохом, ужасном, отличном) состоянии**. Однако если при таком наполнении в роли носителя предикативного признака выступит неличный субъект, то структура

приобретает значение качественной характеристики. **The man is under the bad state - мард дар холати бад мебошад - мужчина в плохом состоянии.**

Семантическое различие между именами качества и состояния не имеет абсолютного характера, и это проявляется в их синтаксическом поведении: одно и то же имя в зависимости от характера соотношения структурно-семантических компонентов модели, в которой оно функционирует, может обозначать то качество, то состояние:

He is indifferent (to others sufferings) - Ў дорои хислати безътиной аст (ба ғаму андухи дигарон) - Для него характерна безучастность (к чужим страданиям); She is in thoughtfulness - Ў дар холати ғарқи хаёл мебошад. - Она пребывает в (состоянии) задумчивости

2. Состояние-процесс.

Характерными представителями этой группы мы считаем отглагольные имена, имеющие в основе определенные словообразовательные модели в английском языке:

а) отглагольные имена: **torment - уқубат – мучение; disability - мушкилот – затруднение; excitement - азоби руҳӣ - душевное волнение; agitation - хаяҷон – волнение, возбуждение; exaltation - вачд - восторг** и т. д.

б) имена: **degradation - таназзул, завол - деградация** и т.д;

Семантические особенности имен процессуального состояния тесно связаны с их словообразовательной мотивацией. Семантика рассматриваемых существительных может конкретизироваться, как результат процесса или события, имевшего место в прошлом, и может выступать мотивом реализации события или состояния, отнесенного к плану перспективы. Эта особенность проявляется в синтаксическом поведении отглагольных имен; в зависимости от характера модели, в которой они функционируют, актуализируется или имеют процессуальный, или результативный оттенок: **Due to extreme physical loadings developes**

exhaustion - Дар натиҷаи сарбории зиёди ҷисмонӣ хастагӣ хурӯҷ менамояд - Вследствие чрезмерной физической нагрузки развивается переутомление. **He is in exhaustion state. He is exhausted** - Вай дар ҳолати хастагӣ мебошад. Вай хаста шудааст - Он в состоянии переутомления. Он переутомлен.

Имена процессуального состояния необходимо отличать от отвлеченных существительных со значением собственно процесса или активного действия: они различаются по характеру субъекта, носителя предикативного признака. Это различие влияет на функционально-синтаксическую характеристику тех или других имен.

Имена процессов и действий функционируют в моделях с активнодействующим субъектом, который или эксплицитно выражен или подразумевается. Предикативное соотнесение признака процессуального состояния с субъектом осуществляется с помощью таких глаголов, как: **happen** - ба вуқӯъ меояд, **rӯй** медурад - совершается, происходит (они эксплицируют значение неактивности субъекта), а также с помощью фазисных глаголов (**come** - меояд, **merasad** – настурад; **raise** - баланд мешавад – повышается; **grow (up)** - афзоиш менамояд – растет; **lowern** - паст мешавад – понижается; **shorten** - кӯтоҳ мешавад - сокращается). **Came prolonged fall in temperature and only frozen sense of homelessness and depression worried her** - Ҳавои сарди дуру дароз расид, танҳо бесарпаноҳӣ ва руҳафтадагӣ ӯро азоб меод - Наступило длительное похолодание, только усевшее в ней чувство бесприютности и подавленности мучили её.

Предложения такого типа находятся в отношениях синтаксической синонимии с глагольными структурами, что обусловливается характером словообразовательной мотивации имен: **У него икота** - **Ў хиккак дорад** - **He**

has an hiccup. He is hiccupping; У него ломота (в членах) - Тамоми аъзон бадани ӯ дарди сахт дорад - Его ломает - He has a pain

При именах процессуального состояния, соотносящихся с личным субъектом, употребляется классификатор «состоянии», присутствие которого, однако, факультативно: **He has difficulties and is in trouble - ӯ дар холати душворӣ ва мушкилӣ мебошад - Он в состоянии волнения и затруднения. He is in trouble and runs into difficulties - ӯ ноором ва мушкилӣ мекашад - Он в волнении, затруднении.**

Охарактеризуем кратко лексико-грамматические особенности имен состояния в соотношении с характером субъекта, а именно субъекта лица.

Среди имен, характеризующих состояние лица, выделяются имена, относящиеся к различным сферам человеческой деятельности: психической, физической, социальной.

Семантика имен психического, эмоционального состояния мозаичная и включает массу семантических оттенков, однако суть эмоций заключается в выражении реакции, отношения субъекта (положительного или отрицательного) к явлениям окружающей действительности.

К именам эмоционального, психического состояния в английском и таджикском языках относятся такие, как **love - муҳаббат - любовь; hate - нафрат - ненависть; rabies - девонагӣ - бешенство; disorder - бетртибӣ - беспорядок, бессистемность; grief - ғам, андух - горе; pity - таассуф, дарег - жалость; envy - бахилӣ - зависть; apathy - бетарафӣ - беспристрастность, безучастность; fastidiousness - хазар - брезгливость; sympathy - таваччуҳ - симпатия; indifference - бепарвой, фориғболӣ - равнодушие; admiration - вачд - восхищение; rejoicing - шодӣ - ликование; repentance - тавба, тазарруъ - раскаяние, смирение, покорность; desire for - хоҳиш - просьба, желание, мольба, побуждение; anger - қаҳр - гнев; disappointment - афсӯс - досада, сожаление; fright -**

тарс - испуг; *melancholy* - хасрат - печаль, скорьб, тоска; *terror* - дахшат - ужас; *shame* - шарм - стыд и т. д [143, 24].

Семантика физического состояния лица конкретизируется как значение болезненного или неболезненного состояния. Особо следует отметить имена **laughter** - хандаи баланд - громкий смех; **crying** - гиря - плач, семантику, которого можно определить как проявление естественной физиологической реакции на какое-либо физическое или психологическое состояние.

Кроме имен физического и психического состояния, можно выделить группу существительных, определяющих состояние лица в отношении с внешней средой, т. е. «социальное состояние». Например, **widowhood** - бевагй - вдовство, **riches** - боигарй - богатство.

Укажем некоторые функционально-синтаксические особенности имен состояния в соотношении с характером и способом выражения субъекта: модель **имя + состояния** служит для выражения состояния вне зависимости от характера субъекта: по ней строятся предложения со значением состояния лица и не лица: **He is enraged and becomes furious** - Ү дар қахру ғазаб аст **ва оташин мешавад - Он в бешенстве, в ярости.**

Имена состояния лица, выступая в роли предикативного признака, относятся к группе со значением эмоционального состояния: **He gets excited, anxiety and in horror** - Ү дар ҳаяҷон, ғазаб, дахшат аст - **Он в волнении, восхищении, в гневе, в ужасе;** либо к группе имен со значением симптомов болезненных состояний: **He is in hysterics** - Ү дар ҳолати чунун аст - **Он в истерике;** **I really was anxious** - Ман ҳақиқатан парешон будам - **Я действительно был в некотором беспокойстве.**

Эта модель синтаксически соотносится с «глагольной». **He is in a rage** - Ү дар ҳолати хорй аст - **Он в бешенстве;** **He is crazy** - Ү девонагй мекунад, ӯ дар ҳолати сафсатагӯй аст - **Он в бреду. Он бредит;** **He is in admiration** - Ү дар ҳолати ваҷд аст - **Он в восхищении. Он восхищен.**

Семантика состояния лица и не лица реализуется в модели, где субъект состояния предметно-пространственного значения синтаксически соотносится с предикативным признаком как содержащее и содержимое: **Exhaustion in his eyes. Hopelessness in his voice - Хаस्ताгй дар чашмонаш. Ноумедй дар овозаш - В глазах усталость. В голосе разочарование.**

По отношению к некоторым именам функционально-синтаксический признак является определяющим в плане их семантической специфики: в зависимости от способа выражения структурно-смысловых компонентов и характера их соотношения в модели имя приобретает значение состояния лица или не лица: **He is depressed - Ё дар холати рухафтодагй аст - Он находится в состоянии депрессии; It seems he is exited - Дар ё холати кахру ғазаб аён шуд - В нем возникло чувство возмущения; Magnetic flow is feeled - Чараёни магнитй ба эҳсос мерасад - Наблюдается магнитное возмущение.** Этот пример относится и к именам со значением фазисного состояния процесса: **He falls into decay. He has a decay - Пастравй эҳсос мегардад - Наблюдается упадок.**

В языке есть модели, которые реализуют только значение состояния лица. Например, структура, в которой предикативное соотнесение субъекта состояния и признака осуществляется с помощью глаголов ощущения: Он ощущает, испытывает, чувствует + имя состояния. Эта модель заполняется любыми именами психического состояния, а также допускает в позиции имени состояния сочетание классификатора «боль»+ название органов или частей тела, локализирующих состояние. **I felt not joy but astonishment - Ман на шодй балки хайратро хис кардам - Я испытал не радость, а недоумение; He absolutely felt his helplessness - Ё пурра нотавонй, заифии худро эҳсос кард - Он ощутил свое полное бессилие; In an hour the guard felt something excitement or greediness - Як соат паси сар шуд ва посбонро**

ким -чй хел хаячон ё хирс фаро гирифт - Истек час, и сторож чувствовал какую -то тревогу или вожделение

Если в позиции предикативного признака в английском языке выступает отадъективное имя на **-ness** - в сочетании с оценочным словом, то предложение, построенное по этой модели, выражает «длительное состояние», а значит, становится близким к выражению признака, свойства. Имена **радость, горе**, фигурируя в рамках этой модели, обозначают и состояние, и оценку события, вызвавшего это состояние: **He has got happiness - Ё шодй дорад - У него радость; He has got sadness - Ё гаму андух дорад - У него горе.**

Синтаксическая трансформация модели (при наличии одного и того же имени в позиции предикативного признака) может привести к изменению смысла предложения: **His skin is swollen - Пўсти ё варам кард - У него раздражение (на коже) - физическое состояние; He became angry - Ё дар холати кахру ғазаб аст - Он в состоянии раздражения - психическое состояние.**

Описывая функционально-синтаксические свойства имен состояния, мы не касались «производных» - неэлементарных моделей, в которых основное значение состояния осложнено каким-либо дополнительным смыслом (каузативные, авторизованные модели), а также метафорических способов выражения состояния.

Однако обратим внимание на модель: **I suffer of hatred - Маро нафрат азият медиҳад (афгор, реш, беҳолу бемадор мекунад) - Меня мучает (терзает, изматывает) ненависть.** Предложения, построенные по этой модели, синонимически соотносятся с безглагольными структурами. Глаголы, выступающие в роли предикативов в модели, подвергаются делексикализации: они выполняют в предложении экспрессивно-стилистическую функцию, не внося никаких изменений в его смысл, поэтому

модель также можно отнести к не усложнённым, элементарным, в отличие от формально сходной с ней: **I suffer of his envy (laziness, absent mindedness) - Маро рашки вай (танбалй, холабегамй) азоб медихад - Меня мучает, терзает его ревность (лень, рассеянность).** Такая модель не элементарна, так как здесь фактически выражено два события: **Он рассеян - поэтому я мучаюсь; Он ревнует (ревнив) - поэтому я мучаюсь.**

Все сказанное позволяет сделать вывод о семантико-грамматической целостности подкласса имен состояния, что дает возможность охарактеризовать функционально-синтаксические свойства любой единицы этого подкласса исходя из совокупности ее индивидуальных лексических и морфологических свойств.

1.4. Лексико-семантическая группа слов, репрезентирующая нравственное поведение человека.

Семантическая структура языка проявляет известную аналогию с его грамматической структурой. Слова делятся не только на грамматические классы (части речи), но и на семантические классы (лексико-семантические группы - ЛСГ). Исследование значения слова возможно лишь путем его сравнения со значениями других слов той же ЛСГ. Это сравнение принимает форму истолкования, «перевода» посредством как знаков того же языка, так и знаков другого языка.

Лексико-семантическая группа может состоять из слов обозначающих материальные объекты, из слов обозначающих идеальные объекты, из слов с абстрактным и конкретным значением, слова со значением занятие деятельность а также слова обозначающие поведение человека, нравственность, мудрость, эмоциональность и т.п. [147, 537].

Отобранные нами лексика, которые характеризуют человека по его внутреннему качеству, можно, на наш взгляд, разделить на несколько подгрупп, в зависимости от семантической структуры каждой из единиц. Следует при этом оговориться, что границы между указанными группами весьма условны, четко разграничить их практически невозможно, так как большинство слов характеризуют человека не по одному конкретному признаку, а по целому набору внутренних качеств, но все эти единицы объединены интегральным признаком лицо как носитель некоторого внутреннего признака. Среди них слова, которые номинируют человека непосредственно по определенному качеству его характера, а также некоторым заложенным в нем природным способностям, например в английском языке:

envious person - одами рашқдор - завистник - «завистливый человек»;

milksop - одами зудранч, **нозуктабиат** - капризный, **недотрога** - «обидчивый, чрезмерно щепетильный человек» - **нозук**, **нозпарвар** - нежный, **неженка** - «избалованный человек»;

base man - разил, **лаин**, **номард** - подлец - «подлый человек, негодяй»;

simpleton - сода - простак, **доверчивый** - «простодушный человек»;

gruel - лаванд, **бездельник**, **наглый**, **размазня** - «о вялом, нерешительном человеке»;

slowcoach - лаванд - рохля - «медлительный, расторопный человек»;

coward - тарсончак, **буздил** - трус - «человек, легко поддающийся чувству страха»;

cynic - беномус, **бешарм** - бесстыдный, **наглый**, **циник** - «циничный человек»;

ambitious man - шухратпараст, **иззатгалаб** - честолюбец - «излишне честолюбивый человек» и др.

Лексическое значение «**постоянно завидующий, полный зависти**» лежит в основе общности лексико-семантической группы таджикского языка: **бахил** - «касе, ки чизеро ба нафъи дигарон раво намебинад» (тот, кто не хочет, чтобы выгода досталась другому), **завистливый**; **бахил - envious**: 1) завистливый человек; 2) скупой, жадный, скаредный, ревнивый, разг. скупой, скаредный; 3). мелочный, низкий, подлый, низменный.

Ҳамчу чаими аҳвалу дасти бахил,

Не дар ӯ мардум бувад, не мардумӣ. Мушфики [203, 459]

Словно глаз косога и рука скупого,

Нет человек в нём и нет ничего человеческого.

По лексическому значению «**обидчивый, не терпящий вольного обращения человек**» в таджикском языке выделяется семантическая группа: **нозуктинат** - **касе, ки табиаташ нозук аст**, **зудранч** - (тонкая натура, тот, кто быстро обижается); **нозукдил** - **ҳассос**, **нармдил**, **зудранч** - (с мягким,

добрым сердцем); **нозпарвар** - он ки бо нозу неъмат ва меҳрубониҳо парвариш ёфтааст - (тот, кто был воспитан любовью, нежностью); **эрка** - «бачае, ки тарбияти дуруст наёфтааст» - плохо воспитанный, избалованный ребенок.

Ёри нозукдил, ки бемӯҷиб зи ман озор дошт,

Умре аз теги тагофул хотирам афгор дошт. Джамии [203, 865]

Обидчивый друг обиделся на меня,

Проявляя халатность ранил меня.

В английском языке то значение отражено в следующих словах: **sensible** - нозукдил – чувствительный; **delicate** - нозук - деликатный.

В таджикском языке лексическое значение тот, кому свойственно обманывать доверие других людей и наносить им ущерб для достижения своих целей, подлый человек лежит в основе лексических единиц : **ночинс, нокас, паст** - **dishonest** - подлый, ничтожный; **бадасл** - **ignoble** - низкий, подлый, неблагородный, бесценный, неценный, обесцененный.

Близки по своей семантике к рассмотренным группам слов также существительные таджикского языка **забун, заиф, ноқобил** - **sluggish, slow** – слабый, неспособный имеющих в своих основных значениях компоненты «медлительный, нерасторопный». **Забун, нотавон, заиф, суст** - **weak, feeble** - слабый, бессильный, немощный; **ноқобил, белаёқат, беқобилият, беақл** - **incapable (of)** - неспособный, недаренный, глупый; **ҳасадбаранда** - **envious** - завистливый [203, 502]

По лексическому значению «тот, кто легко поддается чувству страха или тревоги» в таджикском языке идентифицируются существительные: **бадзахра, бедил, буздил, говдил, сустдил, тарсанда, камчуръат, бечасорат** - со слабым сердцем, пугливый, с козлиным сердцем, несмелый, робкий; **камчигар, тарсончак, тарсу, буздил** - имеющий мало печени, трус.

В английском языке это лексическое значение передаются словами: **timid, poor-spirited** - трусливый, малодушный; **chicken-hearted fellow** - малодушный, трусливый, трус. «козлиное сердце»; **mournful** - без сердца, страстно влюбленный, печальный, скорбный, грустный;

Под значением «цини чный человек» в таджикском языке объединяются слова **беномус, беозарм, хирачашм** – бесстыдный, бесстыжий, наглый и словосочетание **одами беор**. **беномус, бешарм, хиранигох, беҳаё, беор** - бесчестный, позорный, бесстыдный, бессовестный. Следует заметить, что лексика **беор** употребляется также в значении «неприхотливый», например, **растанихои беор** – **hardy plant** неприхотливые растения, **одами беор** – **unfastidious man** - неприхотливый человек

В английском языке эти значения объединяются словами **ungrateful** - ношукр, кўрнамак, бешарм - неблагодарный, бесстыжий, наглый, бессовестный; **dishonest** - шарманда - бессовестный, бесстыжий; **impudent, impertinent** - беҳаё, берӯ, бешарм - наглый, бессовестный; **insidious** - маккор, хиллагар, айёр - коварный, хитрый; **mendacious** - дурӯғгӯй, каззоб - лживый; **shameless** - беор, бешарм, беҳаё - бесстыжий, нахальный.

Наконец, по лексическому значению «излишне честолюбивый человек» в таджикском языке отождествляются словами **мансабпараст, шухратпараст, ҳавобаланд**. **Мансабпараст** - **office-seeker, place-hunter** - **carrerist** - карьерист; **шухратпараст** - **glorious, ambitious** - честолюбивый, честолюбец; **ҳавобаланд, мағрур** - **supercilious** – высокомерный, тщеславный;

Известно, что каждый лексико-семантический вариант в структуре слова характеризуется собственным значением - словозначением. Отдельные лексико-семантические варианты обладают способностью входить в

различные лексические совокупности - в ЛСГ и т.д., образуя сложную систему перекрещивающихся семантических связей, что затрудняет исследование. Логически предположить, что основу системной организации лексики составляют лексические совокупности, образованные единицами в их главном значении. Такие множества можно считать центральными.

Главное значение исследуемой лексики, как было сказано, характеризует семантический компонент «внутренний мир человека». Поведение человека, его образ жизни, позиционирование себя в обществе характеризуют в сопоставляемых языках следующие лексемы: **авбош, бадкирдор, шаттох, фурумоя, шўрапушт, безорй, бадамал, бадфёъл, бадкор, бадхў - hooligan, villain - безобразник, негодяй, злодей, изверг, злой, скверный, тяжелый (о характере)** [203, 33].

В английском языке **obstinate, stubborn - якрав - упрямый**, тот, кто отказывается повиноваться; **egoist, selfish man - худбин - эгоист** - человек, лишенный общественного кругозора, живущий только мелкими личными интересами;

upstart - махмаддоно, пешхез - выскочка - человек, который, выдвигая себя, стремится выслужиться или который занял какое-н. общественное положение незаслуженно, по протекции, путем происков и т. п.;

joker, jester - ширинкор - балагур - человек, который любит балагурить, шутник, весельчак;

scandalous - чангчўй, ситезачўй, хангомачўй - скандальный, буйный, драчливый - тот, кто любит драки, ссоры, скандалы;

squabblers, bully - чанчолчй, чангара - забияка - тот, кто любит затевать драки, ссоры;

irresolute, indecisive, hesitant - дудила - нерешительный, сомневающийся нерешительный человек;

swindler - қаллоб - мошенник, аферист, обманщик, жулик - человек, который старается обмануть и присвоить чужое.

Большинство лексем в сопоставляемых языках (около 60 %) отмечают людей по поведению, которое в данном обществе оценивается как негативное, аморальное:

фоҳиша, муаннаси фоҳиш, зани бадқора - **loose woman** - блудница, распутная женщина, проститутка, женщина дурного поведения;

ишвагар - **poser, capricious, fickle, fretful** - ломака, кривля, манерный, жеманный, кривляющийся, гримасничающий, капризный, капризник;

арбадаҷӯй, чангҷӯй, ситезаҷӯй, хангомаҷӯй - **rowdy, debauchee** - дебошир - человек, который устраивает дебоши;

бадмаст - **drunken** - вдребезги пьный, пьяный хулиган, дебошир;

хангомаҷӯй - **brawler, troublemaker** - скандалист, дебошир, силач;

К таким качествам, которые выделяют человека по поведению в положительном смысле, можно отнести:

меҳмондӯст - **hospitable person** - хлебосол, гостеприимный, кормилец, благодетель - хлебосольный человек;

риёзатқаш, парҳезгор, зоҳид - **ascetic** - аскет - человек, который ведет аскетичный образ жизни. Эквивалентом лексики аскет в таджикском языке выступают следующие слова: 1. (религиозный) **зоҳид, парҳезгор** - воздержанный, умеренный; 2. (переносный) **гӯшанишин, одамгурез** - затворник, отшельник, избегающий людей;

Зоҳид будам таронагӯям кардӣ,

Сарҳалқаи базму бодаҷӯям кардӣ.

Саҷҷоданишини бовиқоре будам,

Бозичаи кӯдакони кӯям кардӣ. (Руми) [203, 286]

Был я аскетом, превратила в певца,

Вовлекла в пирачества и пьянки.

*Был я рабом коврика молитвенного,
Превратила в уличную игрушку детей.*

Как видно из приведенных выше данных, в английском и таджикском языках преобладают лексикой с семантикой осуждения, порицания и критики, нарушения одних и тех же моральных и социальных норм, представленных практически равным количеством единиц в исследуемых языках, что доказывает:

- во-первых, универсальность норм в различных культурах;
- во-вторых, потребность более эмоционального реагирования на отклонение от них.

Следует заметить, что почти 60 % слов группы природно - приобретенных свойств в сопоставляемых языках, характеризуют человека по какому-то негативному признаку:

мичинг - bore, pain in the neck - зануда - занудливый человек. с плохим характером; дурного нрава; сварливый; ворчливый; раздражительный;

бадқахр - malicious creature, spitfire - злой, злюка - тот, кто постоянно злится из-за плохого характера;

дағал - harmful, noxious, boor, churl - грубый, грубиян. 1) (о ком -л.) злой, зловредный; скверный, мерзкий; 2) низкий, подлый; 3) с дурными наклонностями; невежа - грубый, невоспитанный человек. 1) редко глупец, дурак; невежа [203, 180].

Нейтральными наименованиями в данной подгруппе можно считать слова, называющие людей по принадлежности к одному из четырех выделяемых психологами темпераментов.

Следует заметить, что лексико-семантической подгруппе английского языка: **sanguine person** - сангвиник, **melancholic person** - меланхолик, **choleric person** - холерик, **phlegmatic person** - флегматик, баловник соответствует серия таджикских лексических единиц: **сангвиник** -

зиндадил, шӯх - весёлый, озорной; меланхолик - 1) (медицинский) малихулиё - меланхолический, желчный; 2) одами дилтанг - склонный к унынию человек, раздражительный; флегматик - одами хунсард, бепарво, карахту вазнин - флегматичный; холерик - тундфеъл, оташинмизоч - резкий, всплчивый, несдержанный .

В подгруппу нами также были включены такие лексемы английского языка, как **modest person** - скромник - скромный человек, **humble/meek person** - смиренник - смиренный человек, которым в таджикском языке соответствуют **фурутан, хоксор**.

В таджикском языке данная подгруппа представлена серией лексических единиц, которые могут приобретать в определенном контексте (ситуации) более позитивный или негативный оттенок: **шармгин - nice nelly** - (о ком -л.) стыдливый, застенчивый, робкий, скромный [203, 621].

Проделанный анализ лексики, характеризующие нравственные поведения человека, позволяет сделать следующие выводы:

-в языке закрепились единицы, характеризующие человека по его отношению к таким значимым реалиям, как работа, материальные ценности, еда, а также по его отношению к самому себе и окружающим. Причем большинство из указанной лексики выражают крайнюю степень увлечения чем-либо, пристрастия к чему-либо, и тем самым характеризуют человека с отрицательной стороны;

-в сравниваемых языках наименования людей, характеризующие нравственные поведения человека, представлены довольно большой группой слов, языковую характеристику внутреннего человека можно с уверенностью назвать разносторонней. Особенности исследуемых наименований заключаются, прежде всего, в том, что в семантической структуре соответствующих лексических единиц чаще всего присутствует указание не на один, а сразу на несколько признаков;

Кроме того, основная масса единиц в выборке не просто констатирует наличие / отсутствие у человека определенного свойства, но и выражает его оценку: негативную в 60 % случаев и положительную - в 40 %. Связано это, по нашему мнению, в первую очередь с существованием некоторых общепризнанных стандартов, отклонение от которых неизменно находит выражение в языке.

В современном языкознании семантическое поле интерпретируется как совокупность языковых единиц, сгруппированных по общему содержанию и отражающих в концептуальном или функциональном сходстве наблюдаемых явлений. Семантическое поле обладает следующими основными характеристиками:

- 1) Наличие семантических отношений (корреляций) между составляющими их словами;
- 2) системная особенность этих отношений;
- 3) взаимозависимость лексических единиц;
- 4) относительная автономность поля;
- 5) единообразие для обозначения его смыслового разрыва;
- 6) взаимосвязь семантических полей в рамках лексической системы [57, 98-99].

В нашем исследовании мы берем за основу следующее определение лексико-семантического поля, приведенные в энциклопедии: "лексико-семантическое поле - иерархическая структура множества лексических единиц, имеющих общие (инвариантные) значения, отражающие в языке определенную понятийную сферу" [57, 258].

Лексические системные взаимоотношения, находят выражения в лексико-семантических группах. ЛСГ - это группы слов, которые имеют смысловые связи между собой и которые находятся в семантических отношениях. Современная лингвистика различает понятия "лексико-

семантическая группа" и "тематическая группа" как экстралингвистические категории.

По мнению Вильюмана В.Г. в рамках тематической группы лексико-семантические связи слов находятся в прямой семантической близости значений, поэтому семантические группы слов могут быть объединены и взаимосвязаны процессами синонимии, антонимии, "всякого рода уточнениями, дифференциациями" [34, 2-38].

Лексико-семантические группы является наиболее распространенной формой показа лексики как системы. Несмотря на большое количество исследований по ЛСГ, понятие ЛСГ не требует точности и однозначности и дает возможность использовать его без оговорок. Ряд лингвистов считают, что ЛСГ - это объединение общих функций сем, выделяющаяся за счет определения единства семантического словаря. Категориально-лексическая сема служит основой группы. В каждом отдельном слове она конкретизируется при помощи дифференциальных сем. В частности, в ЛСГ прилагательных, описывающих нравственность человека (**добрый** - данные прилагательные объединяются в одну группу общей лексической семой объем тела больше нормы) Несмотря на то, что понятие лексико-семантической группы имеет различные определения, учёные солидарны в том, что в ЛСГ содержатся слова, во-первых, одной части речи, во-вторых, обладающие общностью значений. Более исследованными являются ЛСГ глаголов. Выявляя границы ЛСГ имен прилагательных, обозначающих нравственное поведение человека, необходимо учитывать, что под ЛСГ мы подразумеваем слова, идентичных по своему основному, семантическому содержанию, вернее по отношению к одному семантическому полю. Группирование слов в лексико-семантические классы, то есть части речи, осуществляется на основе совокупности нескольких факторов:

морфологических свойств, лексико-семантических значений, синтаксических функций.

Следует отметить, что в лексиконе крайне сложно представить тот или иной тип структурного формирования ЛСГ в чистом виде, поскольку лексическая система характеризуется своей мобильностью, нерегулярных границ ЛСГ, некоторые группы слов можно всегда увеличивать за счет новых слов и частей по семантическим классам.

В лингвистике семантика является особенным разделом отвечающие на вопрос, каким образом человек, зная слова и грамматические правила любого естественного языка, сможет передать разнообразную информацию о мире (в том числе и о собственном внутреннем мире) и вклад в формирование общих принципов семантического описания, которые выполняют различные теории языка.

Смысловая составляющая является моделью той части знания языка, что связано с отношением между словами и миром.

В современной лексикологии с новыми идеями и методами продолжает изучаться вопрос о природе лексического значения, типы значений, систему семантических связей слов и т. д. Проведено много исследования по важнейшим проблемам семасиологии. Важно отметить, что в последнее десятилетие для лингвистов представляет интерес изучение взаимоотношений языка и культуры, языка и этнической принадлежности в культурологии. Говоря о семантической структуре слова, мы говорим о структуре своей внутренней формы.

Следует различать семантическую структуру: однозначные и неоднозначные слова.

«Рассматривая различие между значениями многозначных слов, устанавливая их содержание и сравнивая их, мы убеждаемся, в том, что значения связаны друг с другом отношениями семантической деривации, что

одно значение возникает из других специфических семантических модели образования и что они все вместе образуют своими связями семантическую структуру слова» [100, 219].

В источниках рассматриваются фундаментальные нравственные различия, о том, что плохо и что хорошо. К отрицательным качествам в таджикском языке можно отнести:

худпараст - эгоист, себялюбец - egoist, self-lover - касе, ки худро бисъёр дуст медорад, худхох, худбин ва мутакаббир - тот кто любить себя больше всего, эгоист;

худраъй, худсар, якрав - своенравный, своевольный - wilful, wayward, self-willed;

худсито, лофзан - хвастун - boaster;

фикри бад (фраз. дили сиёх) - ill - conceive - плохие замысли;

нияти бад - bad intention - плохое намерение;

бадбинӣ - hatred - ненависть;

кибр - arrogance - высокомерие и гордыня;

худписандӣ - self-satisfaction - самодовольство;

хасисӣ - meanness, miserliness - скупость;

ғурур - ambition - стремление к высокому положению, властолюбие;

буҳтон - damaging words - гнев, клевета и т.п.

Для очищения от этих недугов в основную очередь надо ориентироваться на их сущность. Благие деяния обозначают хорошее намерение.

В английском языке в области лексики со значением нравственного отношения эти слова имеют отрицательные значения: **bad intention - нияти бад - плохое намерение.** Плохим рассчитывается намерение, если совершением этого деяния мы хотим зла;

envy - **хасад** - **зависть** - excite/rouse envy in smb - возбуждать зависть в ком - либо, **vile/malignant envy** - чёрная зависть. Зависть одна из самых общераспространенных болезней души. Завистливый человек чувствует долговременную грусть, горечь, располагает отрицательной чертой характера;

hatred, spite - **бадбинӣ**, **кина** - **ненависть** - racial hatred – расовая ненависть; **to arouse (evoke, incur) smbs hatred** -вызывать чью-л. ненависть. Ненависть - это жгучая неприязнь к кому-либо. Это очень порицаемое качество, так как от него рождаются зависть, вражда, избегание друг друга и желание выявить недостатки друг друга;

complacency - **худписандӣ** - **самодовольство**, a feeling of smug or uncritical satisfaction with oneself or one's achievements, the figures are better, but there are no grounds for complacency. Оно рождается от гордости в сердце человека из - за того, что его знания или деяния являются совершенными;

covetous - **хасисӣ** - **скупость**, having or showing a great desire to possess something, typically something belonging to someone else, she fingered the linen with covetous hands. Derivatives: **covetously, covetousness** - скупость-это нежелание человека разделить своим богатством с другими (расходовать на разные нужды и раздать милостинью - **садака** - **подавание**) из за страха, что его состояние уменьшится;

usury - **судхӯрӣ** - **ростовщичество** - the illegal action or practice of lending money at unreasonably high rates of interest. Ростовщичество - это противозаконная дача денег в долг под назначенный процент для приобретения выгоды без особых усилий частным лицом. Синоним: **money-lending**;

love of power - **мухаббат ба қудрат** - **любовь к власти** - склонность к высокому положению в обществе и к богатству без особого труда. Целью такого плохого качества является получение славы;

boasting, vainglory, ostentation - лофзани, мағрурӣ, такаббур - хвастовство, горделивость. высокомерие, заносчивость, надменность. Syn: arrogance, superciliousness, pretentious and vulgar display, esp. of wealth and luxury, intended to impress or attract notice. Нельзя хвастаться своим родом, потомками, происхождением, богатством, способностью и надеяться на это;

slander - ғайбат - клевета; возвести поклёп на кого-л. - ба касе ғайбат кардан. возводить на кого-л. клевету - talk slanderously about smb. Ғайбат - это когда мы говорим о другом человеке то, что ему неприятно, независимо от того, связано ли это с его характером, религией, семьёй, домом, работой и т.п.;

gossip - тухмат, бухтон - клевета, gossip about the neighbours - сплетни про соседей, to spread gossip - распространять слухи. Syn: **tittle-tattle, rumour, garrulity** - пургӯӣ - болтливость. Это очень плохое качество человека, потому что от него рождается много запретного и нежелательного;

good behaviour - рафтори хуб - хорошее поведение;

justness, virtue - тақво, пархезгорӣ, худотарсӣ - богобоязненность; awareness of temporal invalidity - огоҳӣ аз дунё - осознание ничтожности мирского; being satisfied of what you have - қаноатмандӣ бо буда - довольствоваться тем, что есть; being grateful of God - миннатдор ба Худованд будан - быть благодарным Всевышнему;

Сопоставляемые английский и таджикский языки, хотя и имеют генетическое родство, на современном этапе своего развития достигли такого состояния языкового становления, когда признаки различий между ними во многом преобладают над сходством.

Проанализировав структурно-семантические особенности лексики нравственных отношений английского языка, мы пришли к выводу, что данная тематическая группа в лексикологии английского языка является весьма весомой и по основным словообразовательным моделям

классификаций она соизмерима с любыми другими тематическими группами в лексикологии.

Лексика относящиеся к нравственным поведением человека образуют единую, но не замкнутую систему (лексико-семантические группы). Единство этой системы обусловлено, главным образом, двумя факторами: во-первых, соотнесенностью с более или менее однородной областью человеческого «мира», во-вторых, структурными оппозициями и тождествами языковых единиц (слов) по тем или иным их семантическим признакам. Особенно важным является второй фактор, ибо именно он определяет характер языковой структуры лексико-семантических групп.

Выводы по 1 главе

Под «нравственностью» мы понимаем состояние человеческого самосознания, которое находит свое выражение в мыслях, словах и действиях. Он определяет степень освоения людьми разных типов культуры: философии, искусства, религии и др. Нравственность также тесно связана с национальным процветанием и защиты современного Таджикистана, без нее невозможно добиться серьезного результата ни в политике, ни в экономике, ни в системе образования. В психологии есть понятие - нравственная установка. Оно связано с пониманием личности, гражданской позиции и помогает объяснить, почему на одинаковые события, факты, слова люди реагируют по-разному.

В исследовании лексико-семантических особенностей лексики со значением нравственного отношения, факторы, определяющие словообразовательные возможности отдельной лексико-семантической группы лексики со значением нравственного отношения в английском и таджикском языках являются важной проблемой в изучении лексики с нравственным отношением. Лексическая система таджикского языка охватывает общенародное словарное богатство, которое отражается в

научной и художественной литературе, в народном эпосе и в живой разговорной речи. Обогащение языка, расширение его словарного состава идёт только через общество, и только общество в целом, а не отдельные личности, закрепляет то или иное слово в общенародном языке, начиная употреблять его в общении. Долговременные исследования вопроса касательно рассмотрения лексики учёными, ещё раз подтверждают изучение значения слова возможно тогда, когда учитываются факторы, относительно особенности истории и культуры общества, говорящего на данном языке, фоновое знание, касающееся условий жизни этого общества, и т.п. Лексика относящиеся к нравственным поведениям человека образуют единую, но не замкнутую систему (лексико-семантические группы). Единство этой системы обусловлено, главным образом, двумя факторами: во-первых, соотносённостью с более или менее однородной областью человеческого «мира», во-вторых, структурными оппозициями и тождествами языковых единиц (слов) по тем или иным семантическим признакам. Особенно важным является второй фактор, ибо именно он определяет характер языковой структуры лексико-семантических групп. Несмотря на то, что понятие лексико-семантической группы имеет различные определения, учёные солидарны в том, что в ЛСГ содержатся слова, во-первых, одной части речи, во-вторых, обладающие общностью значений.

Глава 2. Структурно-семантический анализ лексики со значением нравственных отношений в разноструктурных языках.

2.1. Основные принципы вежливого обращения в речевых актах.

Принцип вежливости в наиболее общем виде можно определить как тип социального взаимодействия, в основе которого лежит уважение к личности собеседника. Следование этому принципу накладывает определенные требования на поведение членов общества, которые заключаются в том, чтобы учитывать интересы собеседника, считаться с его мнением и желаниями, облегчать по возможности, возлагаемые на него задачи. Соблюдение принципа вежливости имеет целью добиться максимальной эффективности социального взаимодействия за счет «сохранения социального равновесия и дружественных отношений», причем считается, что в коммуникативной практике этот принцип играет более значительную роль.

В применении к речевой коммуникации принципа вежливости определяется как особая стратегия речевого поведения, направленная на предотвращение возможных конфликтных ситуаций, которая реализуется в процессе речи с помощью различных правил и тактических приемов.

Дж. Лич выделяет шесть таких правил, или, выражаясь его языком, максим: 1) максима такта: «Своди до минимума усилия других», «Старайся увеличить выгоду для других»; 2) максима великодушия: «Своди до минимума выгоду для себя», «Бери на себя все усилия»; 3) максима одобрения: «Не хули других»; 4) максима скромности: «Своди до минимума похвалу в свой адрес», «Хвали других»; 5) максима согласия: «Избегай разногласий», «Стремись к согласию»; 6) максима симпатии: «Будь благожелательным».

К этим максимам необходимо добавить и некоторые другие правила, формулируемые различными исследователями следующим образом: «Не навязывайся», «Не принуждай партнера», «Давай ему свободу выбора», «Не

посягай на его права», «Не нарушай границ его личной сферы» [159, 28]

Перечисленные правила довольно абстрактны и нуждаются в конкретизации в отношении, как отдельных речевых актов, так и определенных коммуникативных ситуаций. Чтобы быть вежливым, следует знать, что и при каких обстоятельствах расценивается как вежливое. Очевидно, вежливость является относительным понятием и во многом определяется правилами, принятыми в различных ситуациях общения: то, что признается вежливым в одном коммуникативном контексте, может быть нейтральным в другом и неприемлемым в третьем. Коммуникативный контекст, влияющий на выбор формы выражения и определение ее маркированности по признаку вежливости, включает следующие существенные признаки ситуации общения:

а) взаимоположение коммуникантов, б) степень социально-психологической дистанции (далекая, близкая), в) обстановка общения (официальная, неофициальная, непринужденная). Рассмотрим, как конкретизируются перечисленные выше правила, т. е. как реализуется принцип вежливости в вопросительных речевых актах, употребляемых в различных коммуникативных ситуациях. И поскольку способы реализации принципа вежливости зависят от особенностей вопросительного речевого акта, проанализируем коротко эти особенности.

В теории речевых актов вопрос определяется как речевое действие, направленно на получение говорящим неизвестной ему информации. Вопросительная ситуация имеет следующие характеристики: а) говорящий не знает ответа, б) он хочет знать ответ, в) он считает, что слушающий знает ответ, г) говорящий считает, что слушающий захочет дать ответ. Существенным условием является то, что свое речевое действие говорящий рассматривает, как попытку побудить слушающего сообщить искомую информацию [155, 66].

Таким образом, цель вопросительного речевого акта - заполнить информационную лакуну (отсутствие в лексической системе языка слова для обозначения того или иного понятия) в знаниях говорящего. Способом осуществления этой цели является побуждение слушающего к сообщению информации, средством любой по форме вопросительного высказывания, направленное на побуждение слушающего, чтобы он сообщил информацию. Во многих языках существуют специальные формы, выражающие запрос на получение информации, оформленные по синтаксическим и интонационным законам данного языка. Эти формы принято называть вопросительными предложениями (ВП) или просто вопросами. Каждое ВП содержит три семантических признака:

- а) желание говорящего знать,
- б) характер запрашиваемой информации,
- в) побуждение, адресованное слушающему, вызывающее его на вербальную реакцию [162, 75].

По структурно-семантическим признакам вопросы в английском языке делятся на: специальные (местоименные), присоединительные (tag - questions), альтернативные и общие (неместоименные). Последний вид ВП существует в следующих вариантах: с инвертированным порядком слов и с не инвертированным порядком слов.

Кроме того для получения информации в современном английском языке используются повелительные вопросительные высказывания с предикатами речи. Например: **Can't you find it, carino?** - **Не можешь его найти, дорогая?** [163, 4] и повествовательные высказывания, выражающие желание говорящего иметь некоторую информацию или сообщающие о наличии у него информационной лакуны, то есть отсутствие в лексической системе языка слова для обозначения того или иного понятия. Например: **What should I do without you, Arthur?** - **Что я буду делать без тебя Артур?** [163,

4].

По способу выражения ВП делятся на прямые и косвенные. Реализация принципа вежливости в вопросительном акте определяется целым рядом обстоятельств.

Прежде всего, сам вопросительный акт следует, очевидно, отнести к категории «невежливых», ибо, задавая вопрос, говорящий берет коммуникативную инициативу на себя и получает возможность контролировать действия слушающего как по характеру (побуждая его к ответной реакции), так и по содержанию (задавая тематику разговора).

Другими словами, совершая такой акт, говорящий вторгается в сферу существования слушающего и тем самым нарушает правило не посягательства на его права, а также ограничивает его свободу выбора действий. Кроме того, вопрос может поставить слушающего в затруднительное положение в тех случаях, когда ему неизвестен ответ или он не намерен оглашать имеющуюся у него информацию. В таких ситуациях говорящему потребуется делать дополнительные усилия, чтобы найти выход из создавшегося положения.

В английском речевом этикете существуют достаточно эффективные приемы, с помощью которых реализуется принцип вежливости в вопросительных речевых актах. Рассмотрим, как они применяются в различных коммуникативных ситуациях.

Во-первых, вежливость предписывает соблюдение определенных ограничений и норм на тематическое содержание вопроса. Так при обращении младшего к старшему или по далекой социально-психологической дистанции следует воздерживаться от вопросов касающихся личной жизни собеседника, его возраста, семейного положения, рода занятий, оценок других людей. Именно в таких ситуациях слушающему чаще всего приходится прибегать к уклончивым ответам, например: **“Is that**

really it? I should always be losing my things. No, I am not going to write any more now. What is the bit you couldn't understand- Неужели это то? Я всегда теряю мои вещи. Что ты в этом не можешь понять? [163, 5]

Не следует задавать и такие вопросы, ответ на которые требует знания точных фактических данных.

Разумеется, подобные вопросы уместны при официальном расследовании, при анкетировании или в других социально обусловленных ситуациях, а также при близких отношениях между коммуникантами или при обращении старшего к младшему.

Во-вторых, при выборе вопросительной формы, уместной в определенном коммуникативном контексте, необходимо учитывать прагматический потенциал различных типов вопросительных высказываний, который является следствием их грамматической семантики [150, 84]. В этом отношении наименее вежливыми являются повелительные вопросительные высказывания с предикатами речи типа (**Tell me - скажи мне; I want you to tell me - я хочу чтобы ты мне сказал** и тд.).

В тех случаях, когда побуждение выражается императивными формами, налицо нарушение принципа невмешательства в сферу существования слушающего, что позволяет употреблять такие высказывания лишь при очень близких отношениях равных по статусу коммуникантов либо при прямом вопросе, так же как и повелительные вопросительные высказывания с предикатами речи, побуждает слушающего к ответной реакции. При этом среди прямых вопросов особое место занимают отрицательно-вопросительные предложения, которые основаны на положительной презумпции (необходимый семантический компонент, обеспечивающий наличие смысла в утверждении), т. е. предполагают, что до момента речи у говорящего было мнение о предмете разговора. Таким образом, после данного вопроса ожидается положительная реакция со стороны слушающего.

Достаточно распространенной формой выражения вопросительного речевого акта является присоединительный вопрос, структурно состоящий из двух частей.

В первой части содержится мнение говорящего о некотором положении дел, во второй, апелляция к слушателю, призывающее его выразить свое отношение к высказанному в первой части суждения. Например: **Did he take him aside? - Позвал - ли он его в сторонку?; And now, how is he to be found? - И теперь, как его найти?** [162, 248]. Заметим, что собственно вопросительную функцию такие высказывания выполняют лишь при восходящем тоне на присоединительной части. При нисходящем тоне они служат вежливой формой выражения речевого акта сообщения.

Прагматической характеристикой присоединительных вопросов является их ориентированность на подтверждающую реакцию со стороны слушателя, что сближает их с отрицательно-вопросительными предложениями. Однако в отличие от отрицательно-вопросительных предложений высказывания данного типа выражают скорее просьбу, мольбу, а не требование согласиться. Например: **«He was in a tremble before I whispered to him, and he started and trembled more then, and said: «Where can I go?»»-«Он дрожал до того как я ему шепнул и он начал дрожать больше и сказал: «Куда я могу идти?»»** [163, 248].

Присоединительные вопросы широко распространены в разговорной речи и они употребляются в основном при равных отношениях между коммуникантами и при любой социально-психологической дистанции.

Более сильной формой смягчения императивного компонента вопросительного высказывания является общий вопрос с не инвертированным порядком слов - так называемый декларативный вопрос (ДВ), в котором вопросительная функция осуществляется с помощью повышающейся интонации (на письме ей соответствует вопросительный

знак), например: **You got fourteen days as well?-У тебя ещё 14 дней?** [163, 247].

Семантическая особенность ДВ состоит в том, что в нем содержится как предположение о некотором положении дел, так и скрытое побуждение к слушающему, оценить правильность высказываемого предположения.

ДВ предоставляет говорящему широкие возможности для выражения степени уверенности высказываемого предположения за счет введения в него модальных модификаторов: вводно-модальных слов и фраз типа:

perhaps - мумкин - возможно;

of course - албатта - конечно;

maybe - мумкин - может быть;

surely - бешубха - несомненно;

I suppose - гумон дорам, ки - я полагаю, что;

I think - фикр мекунам, ки - я думаю;

I imagine - тасаввур мекунам, ки - я представляю;

I hope - боварй дорам, ки - я надеюсь,

и модальных глаголов в функции предположения, а также показателей логического вывода типа:

so - акнун - таким образом;

then – он гоҳ, пас - тогда;

and - ва - и;

but – аммо, лекин - но;

as far as I can see - чунон, ки мебинам - как я вижу и тд.

Например: **Your father was, perhaps, distressed by her death? “I suppose you will all stay at supper?” he said in a politest impressive tone** - Мумкин падари ту аз марги ӯ андухгин шуда бошад? “Ман фикр мекунам, ки хамаатон дар вақти шом инчо мемонетон?” гуфт ӯ бо оҳанги меҳрубона - Полагаю, что ваш отец расстроился её смертью? «Я

полагаю, что вы все сегодня останетесь на ужин?» сказал он самым нежным вежливым тоном [163, 246].

“**What did**” является более вежливой формой выражения запроса об информации благодаря скрытой апелляции к выражению ответной реакции, а также благодаря возможности варьировать степень категоричности предположения. Перейдем к рассмотрению наиболее вежливых форм выражения вопроса в английском языке.

Если учитывать тот факт, что вовлечение в разговор другого человека (в особенности малознакомого или старшего по статусу) является актом вмешательства в сферу его существования, то следует признать социально предпочтительной такую форму вопросительного высказывания, которая позволяла бы слушающему самому решать, вступать или не вступать в коммуникацию. К данной форме относится косвенный вопрос, лишь выявляющий желание говорящего иметь некоторую информацию, но не содержащий прямого побуждения к ответной реакции (несомненно, такая реакция возможна, но только как свободный выбор самого слушающего). Косвенный вопрос представляет собой сложноподчиненное предложение, в главной части которого употребляются предикаты знания, а в придаточной части разъясняется характер желаемой информации, например: “**Would you mind filling out this information sheet for me? - Oё шумо барои ман ин маълумотномаро пур карда медиҳед? - Вы бы не могли заполнить для меня этот информационный листок?** [163, 247].

В современном английском языке ДВ получили широкое распространение в речи различных социальных групп, включая самые престижные. По данным наци выборки их число в полтора раза превышает число общих вопросов с инвертированным порядком слов, они встречаются как при равных, так и при неравных отношениях между коммуникантами, чаще при далекой социально-психологической дистанции. По сравнению с

инвертированными и присоединительными вопросами, косвенные вопросы наиболее частотны при обращении младшего к старшему и нередко сопровождаются дополнительными маркерами вежливости: извинениями, апелляцией к воле слушающего и т. п. Например: (служанка хозяйке) **I'm sorry to have disturbed you, Madam. I only wondered whether you wished to see me?** - Мебахшед, ки ман Шуморо ташвиш медиҳам хонум, ман танҳо дониستم мехостам, ки оё Шумо маро дидан мехостед? - Извините за беспокойство мадам, я только хотела узнать не желали -ли вы увидеть меня? и (хозяйка служанке) **I only want to know the truth, if you will tell it to me** - Ман танҳо мехостам ҳақиқатро донам, агар ту инро ба ман гӯӣ - Я только хотела узнать правду, если ты мне расскажешь [163, 250]

Вариантом вежливого вопроса является также «вопрос в вопросе», в котором собственно информативный вопрос включен в качестве дополнения в состав обще вопросительного высказывания, запрашивающего о степени информированности слушающего. Такие высказывания дают слушателю хороший шанс «выйти из игры», ответив лишь на формально выраженный вопрос, например: **“Do you happen to know when it is open?”** - **“Oh, no, no. I haven't been there myself”** - Оё ҳамин тавр ҳам шуда буд, ки ту медонистӣ кай он чо кушода аст? - Эҳ, не, не. Ман дар он чо худам боре ҳам набудам - Случалось так, что ты знал, когда там открыто? Э, нет, нет. Я там никогда сам не был [163, 264].

Надежным способом реализации принципа вежливости служит выражение коммуникативного намерения в виде просьбы его осуществить. Возможны разные способы выражения такой просьбы: с помощью отдельного высказывания, части высказывания, сложного предложения.

She noted his concerned look and glanced in the direction of the door he had just shut “You're not going to get in trouble over this, are you, Johnny?” - Ў аз нигоҳи ташвишовари вай пай бурд ва ба тарафи даре, ки ў нав

пӯшида буд, назар андохт ва гуфт: “Ту намехохӣ, ки аз барои ин ба холати ногувор дучор шавӣ, хамин тавр Чонни?” - Она заметила его беспокойный взгляд и посмотрела в сторону двери, который он только что закрыл. “Ты не собираешься попасть в неприятности из-за этого, не так-ли Джони? ”[163, 65]

Следовательно, вежливость является относительным понятием не только в «качественном» отношении, но и в «количественном» (в какой степени этот принцип реализуется в той или иной языковой форме).

Существуют, конечно, абсолютные маркеры вежливости типа «**please - мархамат карда - пожалуйста**», но их в языке немного. Большинство лингвистических единиц приобретают этот признак в определенном контексте и, как уже было сказано выше, реализуют принцип вежливости в разной степени. Таким образом, на «шкале вежливости» вопросительные высказывания будут располагаться в следующем порядке. Менее вежливая форма:

Tell me, does she live alone?

Doesn't she live alone?

Does she live alone?

She lives alone, doesn't she?

I suppose she lives alone?

I wonder if she lives alone?

I'd like to know whether she lives alone?

Do you happen to know if she lives alone?

I want to ask you if she lives alone?

May I ask you whether she lives alone?

I hope you don't mind my asking you but I was wondering if you could tell me whether she lives alone?

В таджикском языке эти вопросительные предложения имеют такие

формы:

Мумкин ман равам? - Можно мне уйти?

Магар ӯ худаш намеояд? - Неужели он сам не придёт?

Танҳо шумо метавонед ин корро ба чо оред, хамин тавр не? - Только вы сможете выполнить эту работу, не так-ли?

Мехостам пурсам, шумо танҳо меравед? - Хотел спросить, вы идёте один?

Боварӣ дорам барои саволҳоям аз ман намеранчед, хамин тавр не? - Верю, что вы не обидетесь на мои вопросы, не так-ли?

Мебахшед, ташвиш надодам? - Извините, не беспокоил? и другие.

Такие вопросы признаются корректными, и это в свою очередь формирует определенный навык ведения беседы: «**Have you a flat? - Ты хона дорӣ? - У тебя есть квартира?»**; «**Have you a family? - Ту оила дорӣ? - У тебя есть семья?»**; «**Where does your farther work? - Падари ту дар кучо кор мекунад? - Где работает твой отец?»** и т. п. Подобные формы не только малоупотребительны, но с точки зрения английского речевого этикета и социально мало приемлемы. Конечно, для освоения искусства вести беседу требуется не только овладение коммуникативно адекватными грамматическими формами, но начинать надо именно с них. Не надо избегать декларативных вопросов. Косвенность выражения, смягчение повелительных интонаций вопросительного высказывания и в целом смягчение категоричности выражения служат надежными способами приобщения личности к иноязычным нормам речевого поведения. Нравственное отношение к человеку - вот стержень, мерило и критерий истинной воспитанности. Не потому ли так много сходного обнаруживается в неписаном горском этикете, в коренных обычаях английского быта или в древних традициях таджикского народа: законы гостеприимства, уважение к старшим, требование скромности в манерах и тд.

Речевым этикетом называют систему требований (правил, норм), которые разъясняют нам, каким образом следует устанавливать, поддерживать и прерывать контакты с другим человеком в определённой ситуации. Нормы речевого этикета весьма разнообразны, в каждой стране присутствуют свои особенности культуры общения.

Речевой этикет - такая область общения между людьми, в которой перекрещиваются многообразные факторы, обуславливающие общение: собственно языковые, психологические, социальные, национальные, этнические.

Этикетные формулы, типа **салом, дуруд, рахмат, ташаккур, бубахшед, то дидан - здравствуйте, привет, спасибо, извините, не могли бы вы, до встречи! - hello, hi, how do you do, thanks, sorry, wound`t you mind, see you soon** и этим подобные, произносимые нами почти автоматически, необычайно чувствительны к условиям в которых они произносятся, к характеру отношений между собеседниками, к их настроению и ко многому другому, что в совокупности составляет “климат” человеческого общения.

В когнитивной лингвистике и этно лингвистике термин «стереотип» относится к содержательной стороне языка и культуры, то есть понимается как ментальный (мыслительный) стереотип, который коррелирует с картиной мира. Языковая картина мира и языковой стереотип соотносятся как часть и целое, при этом языковой стереотип понимается как суждение или несколько суждений, относящихся к определённому объекту внеязыкового мира, субъективно детерминированное представление предмета, в котором сосуществуют описательные и оценочные признаки и которое является результатом истолкования действительности в рамках социально выработанных познавательных моделей. Но языковым стереотипом можно считать не только суждение или несколько суждений, но и любое устойчивое

выражение, состоящее из нескольких слов, например, устойчивое сравнение, клише и т.д.: лицо кавказской национальности, седой как луна, новый русский.

Речевое общение и речевое поведение изучаются социо и психолингвистикой в тесной связи с такими понятиями социальной психологии, как "норма", "обычай", "ритуал", "традиция". Речевые стереотипы изучаются данными дисциплинами в связи с конкретными национальными и социально-психологическими проявлениями или в связи с общей проблемой стереотипа и с проблемой воспроизводства речевого общения в готовом виде.

Особое внимание в социолингвистике уделяется связям языка и культуры. Сложность соотношения этих факторов проявляется в том, что все они соотносятся с понятием накопленного социального знания, которое выражается с помощью языка. Следовательно, очевидна связь этих понятий с функциональной семантикой, которая выводит лингвистическое исследование в контекст изучения общества и его истории, а также речевого мышления. Наиболее заштампованные привычки проявляются именно в стереотипных высказываниях, которые могут рассматриваться как коммуникативные символы речевого поведения. Поскольку эти символы представляют собой результат накопленного культурного и речевого опыта, их можно рассматривать как концепты коммуникативных речевых знаний: типичный говорящий в типичной ситуации использует речевой стереотип для моделирования коммуникативных отношений.

Речевое общение является предметом психолингвистических исследований. В них язык интерпретируется как динамическая система речевой деятельности, речевого поведения и рассматривается в рамках общей теории деятельности.

В простых ситуациях речевого поведения прослеживается система поведенческих стереотипов при минимальном участии сознания. Речевые стереотипы, как и жесты, относятся к области бессознательных социокультурных стереотипов.

При исследовании стереотипов поведения целесообразно выявлять как универсальные факторы, так и культурно-традиционные, специфические для каждого общества носителей языков, а также индивидуальные, характеризующие каждую отдельную личность.

Вежливость представляет собой универсальную категорию, присущую каждому обществу. Она представляет собой систему определенных принципов, регулирующих речевое поведение коммуникантов в процессе речевого общения. При этом вежливость может быть как позитивной, так и негативной. Разные типы вежливости соотносятся с разными речевыми актами. Стратегии позитивной вежливости, направленные на сближение собеседников, связаны, главным образом, с экспрессивами, основная функция которых состоит в выражении отношения говорящего к происходящему (приветствие, благодарность, оценка, комплимент и др.). Стратегии негативной вежливости, главная цель которых заключается в демонстрации уважения личной автономии адресата, соотносятся с побудительными речевыми актами, в которых говорящий оказывает коммуникативное давление на собеседника.

Реализация категории вежливости осуществляется в речевом этикете, под которым понимается функционирующая в определенной языковой культуре совокупность требований к форме, содержанию, порядку, характеру и ситуативной уместности тех или иных высказываний. Правила речевого этикета определяют выбор адекватной формы выражения коммуникативной интенции говорящего в зависимости от условий коммуникации.

К общим средствам реализации стратегии вежливости относятся маркеры извинения, благодарности, модальные слова и глаголы, обращения, эвфемизмы. Для таджикского и английского языка характерно использование разделительных вопросов.

2.2. Словообразовательный способ образования лексики со значением нравственных отношений в таджикском и английском языках.

Словообразовательный тип — это схема (формула) строения производных слов, характеризуемых общностью трех элементов:

- 1) части речи производящей основы;
- 2) семантического соотношения между производными и производящими;
- 3) формального соотношения между производными и производящими, а именно: общностью способа словообразования и словообразовательного средства (форманта), т.е. для аффиксальных способов тождественностью аффикса. Словообразование обнаруживает тесные связи не только с лексикой но и с грамматикой. [133, 20].

Аффиксация является одним из продуктивных способов образования слов и терминов в английском языке. Т.И. Арбекова определяет аффиксацию «способом образования новых слов путем присоединения к основе слова словообразовательных аффиксов» [9, 38].

Э. М. Дубенец в своей книге «Modern English Lexicology» отмечает, что «Affixation has been one the most productive ways of word-building throughout the history of English. It consists in adding an affix to the stem of a definite part of speech» - Аффиксация была одним из самых продуктивных способов словообразования в течение всего времени истории английского языка. Она включает в себя присоединение аффикса к основе определённой части речи [156, 26].

Одним из наиболее продуктивных способов словообразования в современном английском языке как сказано выше, является аффиксация, заключающаяся в присоединении аффиксов к корням или основам. Словообразовательная структура вновь образованного слова предполагает наличие трех обязательных компонентов: корня или основы, аффикса и модели, по которой происходит присоединение аффикса к производящей

основе. Производное слово является результатом взаимодействия указанных трех компонентов. Это происходит, потому что словообразовательная основа в силу своих структурных, семантических и грамматических характеристик присоединяет к себе возможные аффиксы по существующим моделям, которые отражают реально существующие связи по линии сочетаемости основы и аффикса.

Аффиксация также один из самых продуктивных способов образования производных философских терминов в английском языке.

Аффиксация подразделяется на суффиксацию и префиксацию. По мнению многих учёных аффиксы делятся на живые и мертвые. Живые аффиксы легко отделяются от основы слова. Мертвые аффиксы полностью соединены с основой слова и выделяются посредством диахронического анализа развития слов. Живые аффиксы подразделяются на продуктивные и непродуктивные аффиксы.

Таким образом, аффиксация - это присоединение различных аффиксов к основам и корням слов и один из самых продуктивных способов словообразования в английском языке.

В образовании слов, которые образуются, при помощи префиксов в лексике со значением нравственности в таджикском языке участвуют следующие префиксы: **андар-, ба-, бар-, би-, бе-, бо- боз-, во-, дар-, фур-//фурӯ-, хам-** и употребляются для образования существительных, прилагательных, наречий и глаголов, например: **андароб, андархам, андарёфт, андармондан, андаромадан, андархур, беайб, бенниёз, бемехрӣ, бехунар, беистеъдод, беқобилият, бохирад, боманиш, бофарханг, боилму дониш, боадаб, хамдард, хамфикр, хамдуруд, хамдастӣ, хамкорӣ** [203, 197-206].

Например, анализируем префикс **андар-**, который употребляется для образования существительных и глаголов: **андарёфт - догадка, осмысление;**

андармондан - цепляться за что -л, застревать; андаромадан - входить, войти; андаргузаштан - проходить, андархур - достойный.

В-аз эрониён номвар даҳ савор,

Сухангӯю андархури корзор. Фирдавси [203, 274]

Из прославленных иранцев десять всадников,

*Были и ораторами и **достойные** поле битвы.*

Префикс **ба-//бо-** употребляется для образования прилагательных и наречий: **ботамкин//батамкин - сдержанный; боодоб// баодоб - вежливый; баақл//боақл - умный; ботамом - полностью, целиком; баногоҳ - вдруг, внезапно; бағоят - очень, крайне, чрезвычайно.** Префиксы **бе-**, но употребляются для образования прилагательных: **беайб - невинный; бениёз - состоятельный; бемехр - недружелюбный, неласковый; беҳунар - неквалифицированный; беистеъдод - бездарный; беқобилият - неспособный; нодон - глупый; носипос - неблагодарный.**

Муҳол аст, ки хунармандон бимиранд ва беҳунарон ҷойи эшон бигиранд - Невозможно, чтобы все мастера вымерли и их места заняли неквалифицированные и бездарные мастера. (Саъди) [203, 182].

Префикс **бо-//ба-** употребляется для образования только прилагательных, например: **боидрок - догадливый, сознательный; боиззат - почитаемый, уважаемый; боимон - правоверный; боинсоф - честный; боирода - волевой и др.**

Чунон ки малик касе ба ҷой хоҳад фиристодан, марде биталабад бохирад ва боманиш, бофарҳанг, боилму дониш, боадаб - Если малик хотел кого-то отправить куда-то, то требовал умного и рассудительного, культурного, образованного и вежливого [203, 182].

Он ҷавонони нағзи бофарҳанг,

Сӯи зиндон шуданд бо дили танг. Хисрави Дехлави [203, 206]

*Те хорошие **умные** юноши,*

Не по воле оказались в тюрьме.

Префикс **хам** - образует существительные и прилагательные и является самым продуктивным: **хамнаво** - созвучный; **хамдард** - сочувствующий; **хамфикр** - единомышленник; **хамдастӣ** - соучастие; **хамкорӣ** - сотрудничество; **хамроҳ** - спутник, попутчик; **хамранч** - со страдалец.

Бикоҳад зи ранчи ту хамранчи ту,

В-аз осонӣ осони ганчи ту. Абушакури Балхи [203, 724]

*И осунетя от твоих страданий твой **сосстрадаец**,*

*И обрадуется от твоих удач твой **сосстрадаец**.*

Суффикс **-ак** образует существительные и прилагательные и является одним из самых продуктивных способов в образовании слов:

Турк аз дарам даромад хандонак,

Он хубруи чобук меҳмонак.

Симдандонаку басдонаку хандонаку шӯх,

Ки чаҳон он -к бар мо лаби ӯ зиндон кард. Робиа Балхи [203, 698]

Турчанка вошла в дом, улыбаясь,

Гостья прекрасная и проворная.

С красивыми зубами, умная, весёлая и озорная,

Пленила нас своими прекрасными губами.

В приведённых примерах суффикс-**ак** имеет значение ласки.

Суффиксы **-гар**, **-гор** образуют существительные и прилагательные и также являются самыми продуктивными, например: Ва ин араб тавонгартарин аз ҳамаи араб - И этот араб является одним из могущественных из всех арабов [203, 694]. Ҳукамои он аср ҳама муттақӣ ва парҳезгор будаанд - Правители того времени все были богобоязненными и благочестивыми [203, 543].

Суффиксы **-ин**, **-гин** образуют прилагательные, например:...чизҳо андар ин нома биёбанд, ки саҳмгин намояд... ва суди ин нома ҳар касеро ҳаст

ва ромиши ҷаҳон аст ва андӯхгусор ва **андӯхгинон** аст ва чораи дармондагон аст [203, 67]. -... найдут в этих письма вещи, которые страшные... и польза от этого письма тем, кто является мировой отрадой, сочувствующий и унилый и средством нуждающихся. Или другой пример: ...ӯро субхи **дурӯгин** гӯянд - ...его называют лживым утром [203, 543].

Суффикс **-иш** - образует существительные: **Кӯшиши** банда сабаб аз **бахшиш** аст,...бар ҳастии ӯ нишонҳои **офариниши** ӯ пайдо аст - старание слуги это причина милости,... в бытии его проявляются знаки творения [203, 254].

*Ман зи **оголишат** натарсам ҳеч,*

В -ар ба ман шерро бароголӣ.

*Ҳалкаи доми ту **тавониши** тан,*

Ҳаёт шабҳо ба рӯз обистан. Санои [203, 301]

*Не боюсь я никак твоих **интриг**,*

Даже если на меня льва запровоцируешь.

*Петля твоего капкана **могущества** тела,*

Жизнь рождается снова после ночи.

Суффикс **-ӣ** также образует существительные, **например: камӣ** - малость, **бешӣ** - изобилие, **некӣ** – доброта; ...ва ин камӣ бо ин **бешӣ** баробар бувад – эта малость равна этой величии. (Абурайхон Беруни) [203, 338].

Суффикс **-манд** образует прилагательные и существительные: **андешаманд** - озадаченный; **донишманд** - учёный; **хунарманд** - мастер, ремесленник.

Ин дуруит асту гализу нописанд,

*Нек андеша кун, эй **андешаманд**. Руми [203, 74]*

Это является грубым и неприятным,

*Подумай лучше эй **озадаченный**.*

Суффикс - **она** - образует прилагательные и наречия: **мардона, занона, оромона, часуруна, хоксорона.**

...дар Ачам касе аз вай **мардонатаре** набуд дар он ахд - ... в эпоху Аджамма не было **отважнее** чем он.

Суффикс **-ор** - образует существительные: **рафтор - поведение, кирдор - деяние, гуфтор - речь. Например:** ...аз кору **рафтор** ва аз неку бад ва аз каму беши эшон донанд - ...знают об их работе и **поведении**, доброте и зле, недостатках и преимуществах; ... мо ёд кунем **гуфтори** ҳар гурӯҳе... - мы помним **высказывание** каждой группы... [203, 89]

В образовании лексики со значением нравственных отношений в таджикском языке также участвуют словообразовательные процессы, которые образуют производные слова при помощи аффиксов: **дон+о+ӣ = доной - knowledge - знание**, **бе+хунар+ӣ = бехунари - feebleness - бездарность**, **хунар + манд+ ӣ = хунармандӣ - craft - ремесло.**

В таджикском языке производные слова которые образуются при участии аффиксов делятся на две части: слова которые образуют производное слово при помощи двух префиксов или суффиксов, например:

Бигардон зи чоначи ниҳеби бадон,

*Бипардоз гетӣ зи **нобихрадон.*** [203, 78].

Выдвори из него зло,

*И очисти вселенную от **неразумных.***

или двух суффиксов: **ғоратгарӣ - robbery – воровство; торочгарӣ - plunder – грабёж; яғмогарӣ - pillage - морадёрство.**

При анализе лексики со значением нравственности с точки зрения ее словообразования необходимо учитывать, как внешние, формальные особенности оставляющих ее компонентов (словообразовательной базы и форманта), так и семантические взаимоотношения между ними, которые

определяют внутреннее содержание производных слов, их словообразовательное значение.

Для выражения каждого из словообразовательных значений в языке существует свой специальный показатель (показатели), свой деривационный формант.

Признание словообразовательного значения у производных слов позволяет уточнить понятие словообразовательной структуры как формально-семантических отношений между основными компонентами производного слова. Различается словообразовательная производность с диахронической и синхронической точки зрения.

В английском языке при помощи суффиксов **-ance -**, **-ence -ism, -tion, -ness, -ity, -self** образуются существительные и прилагательные: **tolerance** - тахаммулпазирӣ - терпимость; Syn. **toleration, sufferance, indulgence, leniency, reconcilability, forbearance, liberality, initiative** - ташаббус - инициатива; **humanism** - инсонигарӣ - человечность, вздумчивость, неспешность; **egoism** - худбинӣ, худпарастӣ - эгоизм; **individualism** - манфиатпарастӣ, худпарастӣ - индивидуализм; **enthusiasm** - шавқу завқ - увлеченность; **ambition** - шухратпарастӣ - честолюбие; **conviction** - боварӣ - убежденность - твердая уверенность в чем -либо; **frustration** - ноумедӣ - отчаяние.

Суффикс **-ness** образует существительные: **happiness** - хушбахтӣ - счастье; **broad -mindedness** - тафаккури васеъ - широкий взгляд; **blessedness, miserliness** - хасисӣ - скупость, жадность; **badness** - корношоямӣ - непригодность; **wastefulness** - исрофкорӣ - расточительство; **insidiousness** - макр, маккорӣ, хилагарӣ - коварство, обман, жульничество; **fairness** - ростқавлӣ - честность, правдивость; **keenness** - шавқ, ҳавас, рағбат - увлеченность, страсть;

Суффикс **-ity** является одним из самых продуктивных аффиксов в системе словообразования в английском языке. При помощи суффикса **-ity** образуются разные семантические типы существительных: **validity** - ростй, дурустй, муьтамадй, эьтиборнокй, сахехй - действительность, достоверность, пригодность; **tranquility** - оромй - спокойствие; **garrulity** - болтливость - пургуй, сергапй; **frugality** - сарфакорй - бережливость; **nobility** - олихимматй - великодушие, благородство; **credibility** - хаққоният, ростй, хақгуй, хақиқат - правдоподобность; **bravery** - нотарсй - храбрость; **humanity** - инсонигарй – человечность.

В словообразовании лексики со значением нравственности также участвуют следующие префиксы, которые формируют существительные, например: **regularity** - **irregularity** - мунтазамй - номунтазамй - регулярность - нерегулярность; **responsibility** - **irresponsibility** - масъулиятнокй - сахланкорй - ответственность - безответственность;

Следующие английские суффиксы как **-ful** и **-less** формулируют противоположение наличие или отсутствие признака, свойства. Например: **painful** - **painless** - дардманд - бедард - болезненный - безболезненный, **tactful** - **tactless** - боодоб - беодоб - вежливый, тактичный - бестактный.

В английском языке широко применяются и являются достаточно высокопродуктивными способами словообразовательные элементы типа **half-, self-, -hood, semi-**. В системе словообразования тип с помощью **self-** является очень продуктивным: **selfishness** - худпарастй - эгоизм; **self-checking, self-test, self-testing, self-verification** - худдорй - выдержка, самообладание, самопроверка; **self-interest** - худпарастй - самолюбие, эгоизм; **self-regard** - хисси худшиносй - чувство собственного достоинства, эгоизм; **selfhood** - манфиатпарастй, худпарастй - корыстолюбие, меркантилизм; **self-esteem** - худпарастй - самолюбие,

чувство собственного достоинства, self-satisfaction - худписандӣ, мағрурӣ - самодовольство;

Много терминов образовалось путём соединения простых слов, префиксов и суффиксов. При анализе производных терминов было выявлено несколько суффиксов и префиксов. Например, путём присоединения суффикса **-ӣ** к корневым и двухкомпонентным словам образовались разные слова со значением нравственности. Он входит в ряд продуктивных суффиксов таджикского языка:

1. Имя существительное:

а) прилагательное+ӣ: **худшиносӣ - self-knowledge, self-awareness - самопознание, самосознание; худдорӣ - self-control - сдержанность, самообладание, выдержка; нобаробарӣ – inequality - неравенство, несоответствие; пуррагӣ - completeness - полнота;**

2. Прилагательное:

а) Имя существительное +ӣ: **ахлоқӣ – moral - нравственный, моральный; фикрӣ – mental - умственный; ҳаётӣ – vital - жизненный; инсонӣ – humanistic - человеческий** и др.

б) префикс + имя существительное + ӣ: **беадолатӣ – injustice - несправедливость; бевоситагӣ - spontaneity - непосредственность; бешуурӣ – unconsciousness - бессознательность; беаҳмиятӣ - inattentiveness - невнимательность, несущественность.**

По мнению И.В. Арнольда существуют различные термины для словообразовательного способа путём конверсии: безаффиксальное словообразование, нулевое словообразование, корневое словообразование, словообразование, совмещенное с формообразованием и др. Наиболее характерны и наиболее изучены конверсивные пары существительное - глагол, глагол-существительное [10, 136].

Он также отмечает, что «конверсия представляет собой один из основных продуктивных способов пополнения словарного состава современного английского языка. Причиной такого широкого распространения конверсии является почти полное отсутствие морфологических показателей частей речи. Иначе говоря, корень, основа и грамматическая форма слова могут совпадать по форме, звучанию и написанию. Только внешние показатели, например артикль или предлог **to** помогают определить значение и функцию слова в предложении. При создании нового слова путем конверсии с исходной корневой основой происходят следующие изменения: во-первых, новое слово получает все окончания, служащие для образования грамматических форм в новой части речи; во-вторых, новое слово приобретает иную синтаксическую функцию и сочетаемость; в-третьих, новое слово получает новое лексико-грамматическое значение [10, 136].

Последнее изменение обусловлено тем, что в процессе образования нового слова по конверсии происходит изменение категориального значения исходной основы. Иными словами, новое слово включается в новую парадигму и характеризуется новыми грамматическими категориями. Кроме того, результатом конверсии является омонимия основных форм производного слова и исходного слова, то есть появление языковых единиц, совпадающих по форме, звучанию и написанию, но имеющих разное значение и принадлежащих к разным частям речи.

А. И. Смирницкий относит конверсию к морфологическому способу словообразования. В этом случае слово переходит из одной парадигмы в другую парадигму, которая используется как средство словообразования. Поэтому мы определяем конверсию как образование нового слова посредством изменения его парадигмы. Так как парадигма является

морфологической категорией, конверсия описывается как способ морфологического образования слов [129, 6].

Конверсия является одним из продуктивных методов в образовании философских терминов в английском языке. В результате анализа структуры философских терминов в английском языке мы определили 5 видов конверсии. Из пяти видов конверсии три вида являются продуктивными и два вида - малопродуктивными.

Рассмотрим характерные преимущественно для современного английского языков существительные и глаголы, образованные путем конверсии. Этот интерес вызван тем, что в нашей работе рассматриваются лексика нравственных отношений как раз образованных посредством такого образования. К таким существительным и глаголам из нашей исследуемой группы лексики нравственных отношений относятся: в английском языке:

to slander (v) - ғайбат кардан - злословить, сплетничать;

slander(n) - ғайбат -злословие, сплетня;

anger(v) - қахр кардан, ғазаб кардан - разгневаться, злиться, приходить в гнев, сердиться;

anger(n) - қахр, ғазаб - гнев, злость, ярость, раздражение.

В таджикском языке:

такаббур кардан(v) - look haughty - быть высокомерным, важничать, гордится;

такаббур (n) - haughtiness - гордость, высокомерие, надменность, чванство;

дашном додан(v) – scold, berate – ругать, бранить;

дашном - swearing, cursing – ругань, брань и тд.

Таким образом, сопоставление различных языков выявляет, что сопоставительное изучение системно организованных участков лексики разных языков будет, несомненно, способствовать выявлению новых сходств и различий

между языками. Главным образом, родственными можно считать те языки, которые можно объяснить генетически и исторически и которые дадут возможность адекватнее отразить специфику каждого из языков в различного рода словарях (одноязычных и переводных). Из всех суффиксов суффикс **-ity** является самым продуктивным в английском языке, которое развилось с ранненовоанглийского периода.

Структурно-грамматический и словообразовательный анализ типов нравственной лексики показал, что исследуемая тема образуются на основе словообразовательных элементов и в их словообразовании встречаются все типы морфологической структуры слов, характерные для современного английского и таджикского языков. Простые слова в большинстве случаев односложные слова, имеющие развитую смысловую структуру. В образовании производных слов роль аффиксов различна. Словообразующие аффиксы в исследуемой лексике ограничены и специализированы. Для исследуемой лексики наиболее продуктивным способом является аффиксальное образование.

В формирование словообразования нравственной лексики важное место занимает использование суффиксов и префиксов. В системном структурном формировании данной лексики отражены все основные структурные типы слов, все способы номинации и все семантические процессы, свойственные лексике вообще.

Исследуя лексический состав, лексико-семантическую организацию нравственной лексики, а также аспекты взаимного соотношения английского и таджикского языков в плоскости становления и развития лексики и языка в нравственной сфере, можно прийти к следующим выводам:

Наиболее распространенными способами образования лексики английского языка являются аффиксальное, конверсионное. Лексико-семантическое словообразование, которое при образовании

соответствующих семантических типов лексики в таджикском языке передаются разными типами, порою отличительными от английского и таджикского варианта словообразовательных способов. Так, деривационные функции английского суффиксов в таджикских моделях словообразования передаются как посредством словообразовательных суффиксов, так и другими способами.

Как в английском, так и в таджикском языках широко представлены различные префиксально-суффиксального словообразования, при этом английские модели префиксально-суффиксального образования в таджикском языке могут выражаться простыми, суффиксальными, сложно-суффиксальными, префиксальными, а также составными терминами.

2.3. Семантическая деривация слов со значением нравственных отношений в разноструктурных языках.

Определенную сложность в структуру лексического смысла по мнению Аперсяна Ю.В., вносит наличие конкретных слов, (или отвлеченных) как в случае с лексико-семантическим полем «Нравственные отношения». Если предметные слова обращены к находящемуся вокруг человека миру, то признаковые - к мышлению человека [6, 185].

По мнению Г.В. Степановой, радикальное различие между конкретными и абстрактными словами содержится в определении конкретных слов, которые могут существовать как средство для перечисления признаков предмета, так как конкретные слова постоянно имеют денотатом единичный предмет или явление реальности, а для определения денотатов абстрактных слов «всегда имеется та или другая операция над уже существующими понятиями» [130, 112].

Развивая противоположение конкретных и абстрактных слов на базе метода их определения, В.В. Левицкий указывает, что референтом абстрактных слов является отдельная ситуация (тогда как референтом конкретных - предмет наружной действительности), денотатом - класс однотипных обстановок, соединенных на основе определенных признаков, а сигнификатом - совокупностью данных признаков [79, 10-11].

В лингвистике примарным, знаковым, образующим этот вербальный знак, считается системное номинативное значение слов, проявляющие в итоге первичного знакообразования. Относящие к иным семантическим значимостям слова, вступают метафорические (переносно-производные) и фразеологические зарождаются в результате сочетаемости или семантической сопоставимости слов по их лексическому значению как результат не прямого, а вторичного означивания уже имеющегося словесного знака. Рассмотренные семантические значимости лексики, метафорические

(переносно-производные) и фразеологические порождают вследствие несовместимости или семантической совместимости слов, в согласовании лексическому значению, как результат не прямого, а вторичного означивания уже наличествующего словесного знака. Явление создания новых слов с новыми значениями и явлениями относится к специализировано-когнитивным структурированием реальности. Процесс развития значения - это процесс движения знания, направленного на понимание сущности какого-либо объекта действительности.

Опираясь взглядам М.В. Никитина, следует заявить, что семантическая деривация является образованием производных значений от исходных без конфигурации формы знака по метафорической, метонимической или гипонимической моделям [100,5]. Исходя, из этого следует сказать, что семантическая деривация состоит из последующих видов: продолжение, ограничение и разного рода сдвиги значения. Расширение значения - значит переход от личного смысла к наиболее общему. Сужение, является обратным явлением и играет роль перехода от всеобщего значения к личности. К примеру, можно отнести сужения значения которой является квалификация, тогда как родовое заглавие относится к отдельной личной группе мнений. Смещение, или сдвиг значения, означает перенос значения без изменения его размера. Также к главным типам изменения значения относят и десемантизацию - постепенную утрату, словом лексического значения.

Термин лексико-семантический вариант ввел в лингвистическое выражение А. И. Смирницкий [129, 42]. В лингвистике укоренилось представление о том, что слово есть единство звучания, морфологического строения и системы форм и значений. Между тем возможность семантического варьирования слова как раз и опирается на неодинаковость грамматической и лексической валентности его элементов. Для существительных английского языка это, во-первых, ограничения, накладываемые на

парадигму, в том смысле, что в то время как одному варианту могут быть свойственны все три формы, другой вариант может не иметь формы множественного числа и/или притяжательного падежа. Например, слово **honour** в варианте **честь, порядочность** не имеет формы множественного числа, а в варианте **почести**, напротив, имеет только форму множественного числа. Во-вторых, ограничения, связанные с местоименным замещением. Возможность объединения в одном слове вариантов, хотя и принадлежащих к одной части речи, но имеющих разные грамматические характеристики, отмечалась многими грамматистами. Об этом писали Л. Блумфилд, Г. Кёрм, Е. Крейзинга и тд.

Лексическое значение варианта слова есть его понятийная, предметная или эмоциональная отнесенность, т. е. реализация средствами определенной языковой системы понятия, эмоции или указания на предмет. Лексическое значение варианта есть сложное единство денотативного и коннотативного значений. Каждое из этих двух значений является сложным в свою очередь. Сложность денотативного значения заключается в том, что оно состоит, как правило, из нескольких компонентов, которые могут быть соотнесены с признаками выражаемого в слове понятия. Например, в денотативное значение слова **human** входят компоненты: человек, мужской пол, молодой. Коннотация является факультативным элементом, ее части тоже факультативны; в нее входят в разных комбинациях эмоциональный, экспрессивный, оценочный и стилистический элементы.

Все лексико-семантические варианты слова связаны между собой отношениями семантической производности, т. е. каждый вариант может быть объяснен хотя бы через один из остальных. Так, например, семантическая структура слова **niggard** имеет три лексико-семантических варианта, каждый из которых может быть описан путем сравнения с первым неисчисляемым вариантом.

Например: **хасис** - **niggard, miser, skinflint** - 1). скупой, жадный, скаредный, мелочный; 2) низкий, подлый, низменный; 3) скупец, скряга;

В таджикском языке значение «простодушный человек» отражается в следующих словах: **аблах** - аҳмак, беақл, нодон с ДСП бетамиз, бефаҳм, кундфаҳм; 2. нерассудительный, непонятливый, глупый, бестактный, невоспитанный; **гӯл** - аҳмак, нодон с ДСП бедониш - глупый, невежественный; **содалавх** - содадил, нодон - с чистым сердцем;

В английском языке: **fool, dunce, dolt** - аблах - 1) глупый, тупой, бестолковый; 2) глупец, дурак, идиот;

Значение «медлительный, нерасторопный человек» прослеживается в словах **лаванд** - **idler, loafer, lazybone** - ҳарзагард, ҳечкора, худсар, мард ё зани бадахлоқ - бездельник, тот, кто не прислушивается мнения других, мужчина или женщина с плохим поведением.

Поскольку множество с определенными на нем отношениями называется структурой, все множество лексика семантических вариантов слова можно назвать лексико-семантической, или, семантической структурой слова.

К похвальным качествам и хорошим деяниям в английском языке относятся: **pure conviction** - эътиқоди дуруст - правильное вероубеждение; **authentic contrition** - тавба, пушаймонӣ аз таҳти дил - истинное раскаяние; **regret perform trespass** - пушаймонӣ аз гуноҳҳои содиркарда - сожаление о совершённых грехах;

elegant patience - сабри ботамкин - сдержанное терпение;

fear of God - такво, парҳезгорӣ, худотарсӣ - богобоязненность;

awareness of temporal invalidity - огоҳӣ аз ҳақирии дунё - осознание ничтожности мирского;

being satisfied of everything - қаноатмандӣ бо буда, дошта - довольство тем, что есть;

being grateful of God - миннатдор ба Худованд будан - быть благодарным Всевышнему;

justice - адолат - справедливость;

credibility of painting - ҳаққонияти (муътамадӣ) тасвир - правдивость изображения;

conversion of hardship and miseries - аз сар гузаронидани мушкилот ва сахтиҳо - перенесение трудностей и невзгод;

execution of duties prior to parents, children, neighbours and relatives - иҷрои уҳдадорихо нисбати волидайн, фарзандон, ҳамсоягон, хешовандон - выполнение обязанностей перед родителями, детьми, соседями, родственниками;

good behaviour - рафтори хуб - хорошее, должное поведение;

respectful relation to all the people - муносибати боэҳтиромона бо ҳама - уважительное отношение ко всем людям;

friendship - дӯстӣ - дружба, взаимная расположенность, привязанность к друг другу, основанные на взаимном доверии, преданности, общности интересов, идей, цели;

unity - ягонагӣ, ваҳдат - единство, единение, сплоченность, согласие, слитность, дружба;

association - иттиҳод, чамъият, ширкат - объединение, ассоциация, связь, соединение, союз, дружба;

familiarity - муомилаи бетакаллуфона - панибратство, дружба;

will - ирода - воля - одна из функций человеческой психики, выражающаяся, прежде всего во власти над собой, управлении своими действиями, сознательном регулировании своего поведения, упорство, настойчивость в деятельности, в преодолении встречающихся препятствий;

В таджикском языке можно привести следующие примеры:

қаноатмандӣ - satisfaction - удовлетворенность личности. Деятельность человека - это открытая система. В ее развитии постоянно возникают новые потребности;

хушбахтӣ - happiness - счастье. Необходимые потребности и способы их удовлетворения можно в принципе смоделировать и у робота, но чувством счастья и радости его одарить нельзя. Однако путь к счастью и радости - в гармонии человека с другими людьми и с природой;

шуҳратмандӣ - popularity - известность, знаменитость - означает, что с человеком считаются, признают его как личность, придают положительное значение его деятельности, уважают его социальный и психологический статус. Добиться этого можно или навязывая себя другим, или благодаря авторитету и уважению, заслуженными социально значимыми делами;

ҳаққоният - truth - истина, правота, справедливость. Истина как ценность ориентирует человека не только на то, чтобы знать (иметь знания), но и поступать со знанием дела;

ростӣ, ҳақиқат - truth - истина, правда, прямота, правдивость. Гарантирует ему достижение подлинного счастья, благополучия, гармонического развития;

тартибот - order - порядок. Каждая культура выдвигает свой принцип систематизации ценностей.

Таким образом, лексика нравственных отношений включают слова, предметно-логическое значение, которых составляют понятия о нравственности. К нравственной лексике относят слова с нравственным отношением.

В качестве основных черт, характеризующих системность языка, обычно выдвигаются, во-первых, закономерность и обусловленность его явлений, и, во-вторых, их взаимосвязанность. Исходя из этого, следует признать, что определенный языковой уровень (ярус) будет тем системное,

чем меньшее количество правил требуется для его полного описания и чем большее количество фактов охватывается этими правилами. Заранее ясно, что с этой точки зрения словообразование занимает положение между морфологией и лексикой. Собственно, степень системности может служить фактором разграничения морфологии, словообразования и лексики.

Когда на передний план выдвигаются лексико-семантические варианты, исследователь сосредоточивает внимание на внутренней (семантической) стороне слова и абстрагируется от внешней стороны. В этом случае мы не только не ищем взаимно-однозначного соответствия между содержанием и выражением слова, но даже и не ставим об этом вопроса. Поэтому, когда в словарях слову приписывается ряд нумерованных «значений», то это обычно делается просто на основе разных употреблений соответствующих слов. В двуязычных словарях эти «значения» подкрепляются переводами на другой язык: нередко считается, что если слово в тех или иных частных случаях переведено разными словами «языка - объекта» (target -language), то это значит, что «разработана» система значений исходного слова.

Выделяется три типа фразеологии, которые позволяют глубже проникнуть в сущность диалектического единства значений слова и его употреблений:

- 1) филологическая фразеология - фразы, словосочетания и предложения, зафиксированные в филологическом тезаурусе данного языка;
- 2) семиотическая фразеология, используемая для толкования значений слова;
- 3) иллюстративная фразеология, то есть составительские речения, специально созданные для того, чтобы синтезировать данные семантического анализа слова, полученные в результате изучения филологического тезауруса.

Это тройственное деление показывает, как осуществляется диалектика слова в языке и слова в речи: **slander(n)** - ['sla:ndə] - **тухмат** - злословие, клевета; **evil slander** - **тухмати хушк** - чёрная клевета; **to disseminate lies and slander** - **тухмати хушк карда онро паҳн кардан** - распространять ложь и клевету; **slander (v)** - **тухмат кардан** - оклеветать; **номро сиёх кардан** - клеветать, порочить репутацию, происходит от Middle English, от Old French **esclandre**, **alteration of escandle**, от древне - латынского **scandalum**, **slanderer** n, **slandorous** [-rəs] adj , **slanderously** [-rəsli] adv. Например: **шахсонеро, ки тухмати хушк карданд** - **the gentlemen who had been so foully slandered** - люди, которых так подло оклеветали.

Как существительное **slander** имеет следующие синонимы: **defamation (of character)**, **character assassination**, **calumny**, **libel** **scandal mongering** , **malicious gossip**, **disparagement**, **denigration**, **aspersions**, **vilification**, **truducement**, **obloquy**, **lie**, **slur**, **smear**, **false accusation**, **mudslinging**, **bad-mouthing**, **contumely**.

Как глагол **slander** имеет следующие синонимы: **defame (someone's character)**, **blacken someone's name**, **tell lies about someone**, **speak ill/evil of someone**, **sully someone's reputation**, **libel**, **smear**, **cast aspersions on someone**, **spread scandal about someone**, **besmirch**, **tarnish**, **taint**, **malign**, **traduce**, **vilify**, **disparage**, **denigrate**, **run down**, **slur**, **badmouth**.

Однако можно считать уже установленным, что одни толкования бессильны раскрыть значение слова полностью. Мы используем термин «семиотическая» потому, что лексикографическое определение - это не часть естественной речи на естественном человеческом языке, а особый семиотический процесс, в ходе которого между искусственно созданной фразой и определяемым словом устанавливаются отношения взаимно-однозначного соответствия.

В последних изданиях английских толковых словарей для этой цели используются различные шрифты. Следовательно, мы не должны непременно стремиться разграничить эти две разновидности фразеологии.

Необходимо обратить внимание на их принципиальное отличие, потому что, когда филологическая фразеология, особенно в кратких словарях, подается недифференцированным, т.е., в виде иллюстративной, она не только не может научить пользующегося словарем правильно употреблять это слово в речи, но и вводит его в заблуждение, так как переводчик думает, что эта фраза может свободно реализовать значение данного слова, в то время она когда весьма ограничено в употреблении.

Совершенно ясно, что краткий толковый словарь не может документировать абсолютно все значения и оттенки значения слова. Это цель больших исторических словарей-тезаурусов. Краткий толковый словарь вынужден делать это выборочно, сосредоточивая внимание на современном употреблении того или иного слова.

На основе диалектического единства коллигации и коллокации автор словаря создает иллюстративную фразеологию, свободную от категорий коннотативности, клишированности, социолингвистической обусловленности. Эта фразеология является результатом тщательного анализа филологической фразеологии слова и представляет собой процесс объективации семантического анализа данного слова в конкретных составительских речениях.

Семантическая структура слова образует, таким образом, некоторую абстрактную модель, в которой лексико-семантические варианты противопоставлены друг другу и характеризуются относительно друг друга. Такая модель может служить основой для предсказуемости семантических свойств слова. По одному из значений и известной грамматической характеристике слова можно будет судить и о других возможных для него значе-

ниях. Можно будет выявить ту цепочку правил, которыми пользуется носитель языка, когда понимает слово в новом для него значении.

Решение любой задачи существенным образом зависит от четкого разграничения неизвестного и заданного и установления связей между ними. Будем считать, что все возможные значения лексики нравственных отношений английских существительных и грамматическая характеристика их вариантов известны, поскольку они зафиксированы словарями и грамматическими описаниями, причем указаны и случаи, на которые накладываются специальные ограничения. Заданной предполагается также общая теория лексического значения, так как сущность отношений между лексическим значением, понятием и объектами внеязыковой действительности уже достаточно освещена в трудах представителей общего языкознания. Лингвистами-семасиологами изучены и основные типы изменений значения, которые в синхронном плане могут быть использованы как типы отношений между значениями. Их можно использовать и для характеристики двусторонних знаков, т. е. вариантов слова.

Таким образом, единство слова в современном английском языке основывается на некоторой общей части лексического значения, позволяющей объяснить один вариант через другой или другие, общностью лексико-грамматического значения части речи, но не на единстве системы форм и функций.

2.4. Явление синонимии со значением нравственных отношений в таджикском и английском языках.

Изучение отношений слов, входящих в синонимические ряды, дает возможность проследить и описать внутриязыковые связи и взаимодействия между словами, которыми характеризуется лексико-семантический уровень языка.

Два и более лексических синонимов, соотносимых между собой при обозначении одних и тех же явлений, предметов, признаков, действий, образуют в языке определенную группу, парадигму, иначе называемую синонимическим рядом [145, 57-62]. Например, для обозначения лексики **беспокойство** в английском языке используется следующий синонимический ряд - **anxiety, concern, uneasiness, nervousness, agitation, be all adrift**.

В составе синонимического ряда выделяется какое-то одно слово, семантически максимально емкое и стилистически нейтральное (не имеющее дополнительных стилистических характеристик). Оно становится основным, стержневым, опорным, нередко называемым доминантой. В приводимом выше синонимическом ряду слово **anxiety** становится основным, стержневым, опорным, нередко называемым доминантным словом. Остальные слова, кроме основного значения «приводить в состояние беспокойства», выражают дополнительные семантико-стилистические оттенки основного значения, выражаемого доминантой. Синонимические ресурсы английского языка могут быть рассмотрены с разных точек зрения. Так, по своей лексико-грамматической соотнесенности в синонимические ряды могут быть объединены только слова одной части речи, например, имена существительные: **aversion, repugnance, disgust, loathing** и тд..

В синонимическом ряду вместе с отдельными словами иногда объединяются сочетания слов разных типов: знаменательные слова и

сочетания служебных слов со знаменательными: **much/many - up to the chin, up to the eyes.**

В этом случае, каждый из членов синонимического ряда выполняет сходные грамматические функции [61, 208].

Нередко синонимические отношения, наблюдающиеся у слов одной части речи, сохраняются и в том случае, когда от них образуются производные слова другой части речи. Например, синонимический ряд образуют: глаголы **think - meditate - reflect - consider - judge** и **thinking - meditation - reflection - consideration - judgment**; прилагательные **kind - hearty - sincere** и производные существительные **kindness - heartiness - sincerity** и так далее.

По мнению Уфимцевой А.А. подобная устойчивость синонимических отношений характерна как для разнокорневых, так и для однокорневых синонимов. Однако особенно последовательно сохраняется синонимия между производными словами: **harmony - harmonious - harmonocity - harmoniously** и так далее [138, 204].

С точки зрения структуры, как можно было заметить, синонимичные слова неоднородны: одни из них непроизводны (**kind**), другие - производны (**kindness**). Причем нередко те и другие объединяются в одном синонимическом ряду. По количеству слов синонимические ряды неодинаковы: в одних два-три слова, в другие включается большее количество слов и оборотов. С точки зрения постоянства состава слов синонимические ряды характеризуются относительной незамкнутостью. В них возможны изменения и дополнения, обусловленные протекающим процессом развития всей лексической системы. Для понимания синонимии очень важна проблема оттенков значения слова.

Синонимический ряд позволяет передать градацию в выражении мыслей, чувств, в характеристике вещей и явлений. Слова же, охваченные

синонимическими отношениями вокруг одного понятия, составляют ряд с определенной амплитудой колебания: от доминанты и наиболее близких к ней, возможно даже абсолютных синонимов, до максимального различия - синонимических употреблений. Например, синонимический ряд **love - devotion, care, fondness, admiration, high regard, awe, idolization, worship, hero-worship, adulation** – мухаббат, вафодорӣ, ғамхорӣ, ишқ, мафтунӣ, иззату эхтироми баланд, иззату икром, парастоиш, ибодат, хушомад - любовь, преданность, забота, нежность, восхищение, высокое уважение, благоговение, боготворение, поклонение, поклонение герою можно употребить по отношению к одному и тому же человеку, испытывая к нему разные чувства, соответствующие отношениям общности и близости между людьми, основанными на их взаимной заинтересованности и склонности. Проявления любви могут быть различными: половая любовь, разнообразные чувства взаимной симпатии и дружбы между людьми, положительное отношение человека к объекту познания и практической деятельности (любовь к природе, к истине, к жизни и т.д.)

Самые разнообразные слова взаимодействуют в речевом потоке, но не смешиваются, во всяком случае, не должны смешиваться. Синонимичные слова дифференцируются оттенками значения. Эти же оттенки значения определяют место каждого синонима в речевой деятельности людей, например, в английском языке **courtesy, politeness, civility, urbanity, comity, polite, courteous, nicety** - мулоимгуфторӣ, нармгуфторӣ - вежливость, качество, характеризующее поведение человека, для которого уважение к людям стало повседневной нормой поведения и привычным способом общения с окружающими. Это качество включает в себя: внимательность, внешнее проявление доброжелательности ко всем, готовность оказать услугу каждому, кто в этом нуждается, деликатность, такт. Например в английском языке **loyalty, fidelity, faithfulness, allegiance, dedication, devotion, faith,**

correctness, accuracy, adherence, commitment, constancy, faithfully – риояи конун, вафодорӣ, вобастагӣ, боварӣ, ростӣ, сахехӣ. **Итоат, софдилӣ** – лояльность, верность, зависимость, выделение, преданность, вера, правильность, точность, соблюдение приверженность, постоянство, добросовестность, выражают стойкость в отношениях с людьми, в исполнении своих обязанностей, вера в человека. Вера в человека - глубокая уверенность в этом человеке, то есть если этот человек пообещает что-либо, то обязательно это исполнит.

В английском языке слова **rudeness, crudeness, crudity, roughness, coarseness, grossness, harshness, brutality, barbarity, discourtesy** - дағалӣ - грубость, жестокость, варварство, невежливость имеют значения отрицательного морального качества, которое характеризует пренебрежение культурным поведением, противоположное вежливости. **Грубость**, как внешнее проявление неуважительного отношения к людям, выражается в откровенной недоброжелательности к чужим интересам и запросам, в навязывании другим своей воли и желаний, в неумении сдерживать свое раздражение, в оскорблении достоинства окружающих, в развязности, сквернословии, употреблении унижительных кличек и прозвищ, в хулиганских действиях.

В английском языке слова **caring, careful, thoughtful, mindful, diligent, regardful, attentive, solicitous, grandmotherly, tender, supportive, jealous, ғамхор, меҳрубон** имеют значения заботливый, внимательный, вдумчивый, усидчивый, уважительный, бережный, ласковый, ревнивый - проявляющий заботу, старательный.

В английском языке **good, well, goodness, kindness** - одна из важнейших категорий этики. Вместе со своей противоположностью - злом, **добро** является наиболее обобщенной формой разграничения и противопоставления нравственного и безнравственного. В понятии **добро**

люди выражают свои наиболее общие интересы, устремления, пожелания и надежды на будущее. С помощью идеи **добра** люди оценивают социальную практику и действия других людей.

В английском языке **bad** - бад - плохой имеет такие значения - **evil** - шар(р) - зло; **immoral** - бадахлок - аморальный; **wicked** - бад - плохой; **corrupt** - фасоднок - испорченный; **sinful** - гунахкор - виновный; **depraved** - фосик, бадахлок - развращенный; **rotten** - вайроншуда - гнилой; **contaminated** - олуда - заражённый; **spoiled** - расвошуда - испорченный; **tainted** - захролудшуда - отравленный; **harmful** - зараррасон - вредный; **unfavorable** - носоз - неблагоприятный; **defective** - нухсондор - дефектный; **inferior** - паст - низший, худший; **imperfect** - номукаммал - несовершенный; **substandard** - гайристандартӣ - нестандартный; **faulty** - вайрона - неисправный; **improper** - нодуруст - неправильный; **inappropriate** - ношоиста - неприличный; **unsuitable** - нораво - неподходящий; **disagreeable** - нохуш - неприятный; **unfriendly** - душманона - враждебно; **irascible** - бадчахл, бадкахр, тез - вспыльчивый; **horrible** - дахшатовар, дахшатангез - ужасный; **atrocious** - ваҳшиёна - зверский; **outrageous** - нафратовар - возмутительный; **wrong** - хато - неправильный; **noxious** - зараровар - вредный; **sinister** - ҳавлангез, нахс - зловещий; **putrid** - пӯсида - гнилой; **snide** - тунд - язвительный; **dismal** - сӯхта, хира - мрачный; **gross** - дағал, қабех - грубый; **heinous** - манхус - гнусный; **obnoxious** - зишт - противный; **detestable** - нафратангез - отвратительный; **despicable** - палид, нокас, номард - подлый; **contemptible** - паст, ҳақир - презренный; **foul** - ифлос - грязный; **ghastly** - дахшатнок - жуткий.

В английском языке слово **amazing** - ачоиб, таачубовар - удивительный, имеет такие синонимы как: **incredible**, **unbelievable** - фавкулода - невероятный; **improbable** - аз ҳақиқат дур - неправдоподобный; **fabulous** - аз ақл берун - невероятный; **wonderful** -

оличаноб – замечательный; **astonishing** – хайратангез, **ачоиб** – изумительный; **astounding** – ачиб, таачубовар – поразительный; **extraordinary** - ғайриоддӣ – необычный.

Слово **brave** имеет такие значения: **brave** – нотарс – храбрый; **courageous** – далер - смелый, мужественный; **fearless, dauntless, intrepid** – нотарс – бесстрашный; **plucky, daring, bold,**– шуҷоъ – смелый; **heroic** – қахрамонона – героический; **valorous** – диловар – доблестный; **audacious** – бебок, далер – дерзкий; **valiant** – нотарс, шуҷоъ - храбрый, **doughty** – устувор – стойкий, рьяный;

Слово **gross** имеет следующие значения: **gross** - дағал, дурушт – грубый; **improper** - нодуруст – неправильный; **rude, coarse, crude** – нофорам – грубый; **indecent, outrageous** – қабех, ношоиста – неприличный; **vulgar** – дурушт, дағал – вульгарный; **grievous** – пуразият, пуразоб – мучительный; **uncouth** – носуфта – неотесанный; **obscene** – қабех, бешарм – непристойный;

В. Г. Вилюман в своем исследовании, посвященное анализу семантических и функциональных связей слов и их синонимии в современном английском языке, подробно разобрал все признаки синонимии. Он пришёл к выводу, что необходимыми и достаточными для признания слов синонимами, являются общие этим словам семантические и функциональные признаки, а проблема синонимии сводится к выявлению на основе сочетаемости слов сходств и различий схождения и расхождения в их значениях и функциях [34, 157].

Правомерность такого подхода к явлению синонимии подтвердилось и в ряде работ известных ученых. Понимание сущности синонимических отношений тесно связано с пониманием сущности и структуры языкового значения слова.

В.Г. Вилюман определяет семантическую структуру слова как набор семантических признаков, которые выявляются при установлении семантической смежности слов - синонимов. В качестве одного из возможных способов определения семантической смежности слов предлагается анализ описания значений этих слов в толковых словарях. Два слова считаются семантически смежными друг другу, если дается их словарное истолкование одного через другое. Связь между словами может быть непосредственной и опосредованной [34, 206].

Следовательно, синонимический ряд - это своеобразный мост между миром познаваемых понятий и миром отражающих подобный процесс слов. Синонимический ряд позволяет найти словесное выражение для каждого понятия во всем разнообразии его возможных оттенков. Чем больше укрепляется и развивается синонимический ряд, тем более возрастает возможность адекватного выражения какого-либо понятия.

Синонимами называются те «члены тематической группы, которые принадлежат к одной и той же части речи и настолько близки по значению, что их правильное употребление в речи требует точного знания различающих их семантических оттенков и стилистических свойств».

Можно считать уже твердо установленным, что языковедческое изучение синонимии всегда имело целью выявить возможности «дискриминации» синонимов, определения и описания их различий. Вся история синонимии состояла в том, чтобы разъяснить «оттенки» значения в случае идеографических синонимов и разные коннотации в случае синонимов стилистических. Синонимы всегда предполагают наличие определенного отношения между сравниваемыми единицами. Нельзя утверждать, что то или иное слово является «синонимом» само по себе. При определении синонимии вопрос состоит в том, чтобы рассматривать лексические единицы не по отдельности, а в их отношении к другим

единицам, которые в какой-то степени совпадают с ними по значению. Разные слова могут употребляться и сами по себе и в непосредственной близости с другими словами, то есть одновременно (синтагматический ряд в отличие от ассоциативного одновременен). Однако это не может оказать существенного влияния на понимание различия между этими словами. В случае же синонимов противопоставление синтагматического и ассоциативного играет важную роль. Синонимия является тем нарушением «закона знака», при котором, грубо говоря, одно и то же содержание может соотноситься с разными выражениями. Это превращает ее в важное интерлингвистическое средство для выполнения целого ряда прагматических задач. Работа над филологическим аспектом синонимии занимает важное место в трудах В. В. Виноградова [37, 10].

В вопросе изучения синонимов таджикского языка огромный труд принадлежат знаменитым лингвистам Б. Камолиддинову и М. Мухаммадиеву, которые проделали ряд исследований в сфере принципиального вопроса таджикской лингвистики [61, 68].

Еще одна большая заслуга М. Мухаммадиева в исследовании синонимов содержится в составлении словаря синонимов таджикского языка. Это изучение представляет собой необыкновенную важность для современных лингвистов в плане изучения лингвистических, и в частности лексических особенностей синонимов, представляющих той или другой частью речи [61, 68]. Синонимы в языке образуют группировку слов и словосочетаний, носящую системный характер.

Убедительные доводы в пользу системности синонимов приводятся, в частности, в работах Ю. Д. Апресяна. Проявление системности он видит в диахронических процессах синонимической конкуренции и дифференциации синонимов и в тесной синхронической связи между полисемией и синонимией [7, 247].

Во-первых, синонимам противостоят антонимы: **athletic** - паҳлавончусса – атлетический; **powerful** – боқувват – сильный; **beefy** – сергӯшт – мясистый; **feckless** – фориғбол, танбал – нерадивый; **languid** – беҳол, заиф – вялый; **runy** – заиф, суст, нотавон - щуплый и т. д., хотя, конечно, семантические противопоставления такого рода количественно невелики. Во-вторых, довольно многочисленные группы синонимов объединяются внутри синонимического ряда по какому-либо закономерно проявляющемуся признаку, например, возрастание или убывание степени свойства, качества, интенсивности действия и т. п. **kind** - **amiable** – **considerate** – хуб – рафиқона, дӯстона – хушмуомила – хороший - дружелюбный – деликатный; **slight** - **small** - **little** – андак,- хурд - кам. незначительный - маленький – мало. Противопоставления постоянного свойства **frothy** – кафқдор - пенистый, **lathery** – собун задашуда - взмыленный, **scummy** – кафқдор - пенистый, временному **confused** – хичил – смущенный и т. д.

2.5. Фразеосемантическая группа слов выражающие нравственные отношения в таджикском языке.

По мнению Б.Камолитдинова “Изменения в составе, структуре и смысловых оттенках фразеологических вариантов имеют определенную грань. Для изменения структуры или состава фразеологических вариантов, прежде всего, необходимо знать богатство таджикского языка, тонкости значений слов и место их употребления” [61, 54].

К примеру, на фоне фразеологических единиц **“ба дили сӯхтаи касе намакоб задан”** - усилить чьи-либо мучения и боль [61, 235], **“ба чароҳати касе намак (намакоб) пошидан (рехтан)”** - все больше причинять боль кому-либо, усилить ее, **“ба дили касе сих задан”** - сказать неприятное кому-либо, сказать язвительные слова и обидеть кого-либо, возникли различные варианты и наблюдается смещение компонентов указанных ФЕ. К примеру, в первом компоненте первого словосочетания **дили сӯхта: дили афгор // дилу чигари захмин // захму чойи чон**. В другом примере писатель употребляет в речи персонажа ФЕ **“бо бинӣ осмонро харошидан”** в форме **“бо бинӣ заминро хат кашидан”** (согнуть, склонить голову), т.е. внес изменения в структуру фразеологизма **бинӣ боло кардан** в значении **“быть надменным, высокомерным”**: *ӯ шахси лофзан, ҳавобаланд, бо биниаш дар осмон хат мекашад* - He's a boastful man, arrogant, scratching the sky with his nose - *Хвастливый он человек, высокомерный, носом скребёт небо* [61, 111].

Во все периоды люди чувствовали, чувствуют и будут испытывать те же чувства: радость, горе, любовь, грусть, так как они накопили богатейший эмоциональный опыт. В связи с этим, говорят психологи об универсальности эмоций и психологических состояний, перечень которых отражает человеческое понимание опыта психической деятельности человека. Тем не менее, язык не является зеркальным отражением мира, так, как, мир нрав и настроений, набор языковых средств, их отображения, не могут быть

одинаковыми. Прогресс, ориентирующий нравственные отношения может быть очень сложными. Таким образом, в разговоре мы часто используем то же слово для разных переживаний, так как их истинная природа становится ясно только из контекста. В то же время, те же состояние может быть показано разными словами.

Под динамической стороной подразумевается поведение человека в соответствии с содержательно-обобщенными мотивами личности. Соотношение этих сторон вскрывается следующим образом: "Неудачи только существенной ассимиляции в формировании характера проявляется в том, что потребность человека в каком-то поведении, желание вести себя соответствующим образом, еще не является достаточным условием для реализации такого поведения в качестве системного. Формирование различных свойств природы становится возможным лишь при условии овладения человеком поведений, которые выражают фиксированный характер этих свойств.

Если содержательная сторона нрава выражается в фразеологических единицах обоих языков в виде дефиниции различных черт человеческого нрава, то существование динамической стороны в его составе полагает введение в изучение фразеологизмов, изображающие поведение человека, в силу специфик своего характера, и незначительное численность фразеологических единиц, описывающих действия человека, т.е. "проявление поведения", при лексикографической интерпретации, в которых непосредственно употребляются слова, называющие определенные черты его характера.

Фразеологические единицы, относящиеся к предоставленной тематической группе, и обладающие в особенности своих элементов прилагательные, составляют довольно бесчисленное количество, часто общие и типичные для изучаемых языков серию фразеологизмов и

различаются цивилизованной системой значений, маневров и средств выражения. Фразеологизмы были рассмотрены в соответствии с оценочным элементом фразеологического значения. Мы полагаем, что оценочный элемент, т. е. одобрительные и неодобрительные оценки, охватывающейся в значении фразеологических единиц, является, коннотативным смыслом фразеологизма, в силу его социолингвистической природы. Субъективно-оценочный компонент фразеологического значения может быть разъяснен дифференцированной реакцией людей на положительные и отрицательные явления и является интегральным в семантической структуре фразеологических единиц.

Отличаются положительный, отрицательный и нейтральный элементы фразеологического значения, которые сформированы на осуждение, одобрение или отсутствие ярко сформулированного отношения как констатация социально поставленной оценки любого явления. Следовательно, фразеологические единицы с прилагательными, означающие характер человека были разделены на 3 основные группы фразеологических единиц в сравниваемых языках, которыми являются положительная оценка, отрицательная оценка и нейтральная оценка значения. Количественное деление фразеологических единиц, раскрытых групп свидетельствует о наличии общей закономерности, родственность между фразеологическими микросистемами фразеологических единиц, формулирующих характер человека в таджикском и английском языках.

2.6. Фразеологические единицы, выражающие отрицательные и положительные черты характера человека в английском языке.

В эту группу входят фразеологические единицы с отрицательным субъективно-оценочным элементом фразеологического смысла и фразеологической единицы со значением, которые активизируют оправдание как подтверждение социально устоявшейся оценки обусловленных черт нрава. Распределение фразеологических единиц на фразеосемантические подгруппы осуществлялось на основе их идентификации отдельными лексемами, словосочетаниями или подробными описаниями в лексикографических источниках, наличия общих интегральных сем в их семантике:

duplicity, hypocrisy – дурӯяғӣ, мунофиқӣ, риёкорӣ - двуличие, лицемерие:
double-facedness, duplicitya - лицемерный, ханжеский, двуличный. Syn: two - faced, double-dealing , hypocritical having two faces, a double - faced clock; tending to say one thing and doing another, playing a double game, в тадж. одами дурӯя – лицемер;

meanness – дилсиёҳӣ, нохушӣ, разолат, лаинӣ, сафили – подлость:
meanness, baseness - гадость, нечестность, низость, подлость. Syn: dirtiness , infamy, low act, mean act, low action, mean action, rottenness, turpitude, villainy, в тадж. шахси дилсиёҳ – человек с черной душой;

arrogance – мағрурӣ, кибр, ҳавобаландӣ, худписандӣ - высокомерие, зазнайство:

haughtiness, arrogance, superciliousness, holier - than – thou, mount (be on, ride, get on) the night horse - одами мағрур, ҳавобаланд, назарбаланд, худисанд - распускать пышный (павлиний) хвост, шишка на ровном месте;

cruelty – бераҳмӣ, бешафқатӣ - жестокость, безжалостность, черствость:
brutality, savageness, atrocity, inhumanity, в тадж. шахси бераҳм, дағал – грубый, зверство, свирепость, нечеловеческая жестокость, бесчеловечность;

garrulity - пургӯй, сергапӣ, лаққагӣ - болтливость, хвастливость:

talkativeness, indiscretion, big mouth, a loose (long) tongue, to have a loose (long) tongue, в тадж. пургӯй, пинҳон надоштани сир - разговорчивость, неосторожность, неумение хранить тайну, болтливый, слаб на язык, длинный язык, бесструнная балалайка;

greediness – хасисӣ, бахилӣ, мумсикӣ, чашмгуруснагӣ - жадность:

1) the desire for profit – хоҳиши гирифтани даромади муфт - стремление к наживе, avidity; greed – хирс, тамаъ – алчность; 2) avarice - бахилӣ, мумсикӣ – скупость; 3) eagerness – иштиёқ барои расидан ба чизе – рвение, желание постичь что-л; greedy person – шахси бахил, мумсик, (разг.) сахт – жадина; It was greedy of him to eat up all the candy – Ӯ бахилӣ карда тамоми шириниро истеъмол кард - Он пожадничал и съел все леденцы. His wife was greedy for jewels - Ӯамсари ӯ иштиёқи доштани чавоҳиротро дошт - У его жены была страсть к драгоценностям. Syn: acquisitive, avaricious, covetous, gluttonous, miserly, rapacious, stingy, voracious - жадный, скупой, алчный, ненасытный, скупой, хищный, прижимистый, прожорливый;

shamelessness - бешармӣ, беҳаёӣ, беорӣ - наглость, бесстыдство:

impudence, insolence - бешармӣ, беорӣ - наглость, дерзость, бесстыдство. None of your impudence! – Ягон беҳаёии шуморо намебардорам - Я не потерплю вашей наглости! He had the impudence to breach the contract – Ӯ бешармона шартномаро вайрон кард - У него хватило наглости расторгнуть контракт. Syn: insolence, effrontery, blush like a black (blue) dog, dead to shame – наглость, покраснеть как черная собака, умереть от стыда;

cunning – ҳилагарӣ, маккорӣ – хитрость, лукавство, хитроумие:

1) flattery, slyness, guile – маккорӣ, ҳила - льстивость хитрость, коварство 2) ruse - уловка, хитрый приём; war ruse - военная хитрость; stratagem – хитрость; manage by ruse - взять хитростью, effect by stratagem - пуститься на хитрости 3) intricacy, abstruseness - трудность, сложность; tips and hints -

маленькие хитрости (советы); it doesn't take a genius to do it - не велика хитрость;

cowardice – тарсончакӣ, камчурьатӣ, буздили – трусость,

timid as a hare - робкий как заяц; to be rabbit(pigeon) - hearted - быть с кроликовым (голубем) сердцем; to be fainthearted - быть слаонервным;

rudeness – дағалӣ, дуруштӣ - грубость, несдержанность, вспыльчивость:

gruff as a bear - грубый как медведь; surly beggar (dog); short temper; rough and tough; rough and tumble; common scold; wild and woolly; a hot head; базарная баба; буйная голова (головушка); горячая голова (головушка); забубённая голова (головушка); горячая кровь; кровь горяча; 1) roughness, coarseness; (плохая обработка, выделка) (неискусность) crudity, crudeness 2) (невежливость) rudeness; rude / rough manner 3) (грубое выражение, высказывание) rude words - грубые слова; be rude to smb - говорить кому-л грубости; how rude! - какая грубость!;

causticity – тухматгарӣ, бухтонангезӣ - язвительность, склонность к

сплетням: evil tongues; sharp tongue; одами хабарчин; острый язык/язычок; злой язык;

indecision – бечурьатӣ, дудилагӣ – нерешительность:

Indecision - быть в нерешительности - hesitate, be undecided soft as butter; голова садовая; Syn: vacillation , hesitation , wavering , irresolution - колебание, нерешительность; неуверенность;

obstinacy, stubbornness - якравӣ, гарданшахӣ - упрямство - упрямый как осел;

theft – қаллобӣ, фиребгарӣ, дуздӣ – воровство:

thief; (мелкий) pilferer; pickpocket - карманный вор; shoplifter - магазинный вор; one thief robs another - вор у вора дубинку украл; an uneasy conscience betrays itself - на воре шапка горит; a thief isn't a thief until caught - не пойман - не вор; to have light fingers - нечист на руку;

importunity - хирагӣ, густохӣ - назойливость:

to stick like a limpet - пристать как банный лист;

indifference – бепарвой, фориғболӣ, холабеғамӣ – равнодушие:

treat with indifference - относиться с равнодушием (к); be indifferent (to, towards) - быть равнодушным к; to have a thick skin - иметь толстую кожу;

secrecy - бадандешӣ, бадтинатӣ, дилсиёҳӣ, дамдудӣ - скрытность:

as silent as the grave - нем как рыба/могила; 1) reservedness, reticence, secretiveness - нежелание сообщать что - л, 2) secrecy - секретность; communications security - скрытность связи;

К фразеологическим единицам, формулирующие положительные особенности характера человека относятся фразеологические единицы с позитивным субъективно-оценочным элементом фразеологического смысла.

Семантика фразеологических единиц явление сложное и многогранное, что связано, прежде всего, с тем, что роль фразеологизмов заключается в специализированном способе показа сегмента объективной реальности, то есть в сигнификативном и денотативном аспектах.

Будучи единицами, переосмысленными и осуществляющими номинативно-характеризующую функцию, фразеологизмы по типу синтагматических связей являются лексически соединенными и для реализации значимостей требуют сочетаемости назначенных тематических групп. При воспроизведении фразеологической единице необходим контекст, из которого бы было ясно, что это особая единица, а не сочетание слов, и который давал бы возможность ее правильно интерпретировать. При этом не должны теряться не только денотативное содержание, но и коннотативные свойства - экспрессивность, стилистическая и эмоциональная окраска.

В подгруппу ФЕ с положительной оценки входят следующие:

courage, - мардонагӣ, нотарсей, далерӣ, часорат - смелость, мужество;

Syn: audacity, daring, hardihood, hardiness, boldness - смелость, дерзость, отвага, бесстрашие, мужество, храбрость; to take the liberty (of) - брать на себя смелость; to have the courage to say smth - иметь смелость сказать что-л; to show / display courage - проявить мужество;

restraint - оромй, осудагй - сдержанность, спокойствие:

a cool heart - холодное сердце; mental ballast – спокойный разум; in one's sober senses - в здравом уме; sober as a judge - трезв, как судья; hard as nails - твердый, как гвоздь, стальные (железные) нервы; level head - хладнокровие;

sincerity - содикй, вафодорй – искренность, откровенность:

in all sincerity - со всей искренностью; to demonstrate / show sincerity - проявлять искренность; to doubt smb.'s sincerity - сомневаться в чьей -л. искренности; as open as the day – такой, же открытый как день; plain dealer - простой торговец; he is an open look – у него открытая душа; to be open – hearted – быть с открытой душой; there's no reason to doubt her sincerity – нет причины сомнения в её искренности. Syn: candour, frankness, honesty, genuineness, truthfulness, probity, trustworthiness, straightforwardness , openness, candor, candidness – откровенность, открытость, честность, подлинность, правдивость, порядочность, надежность, прямолинейность, открытость;

honesty - ростй, ростқавлй – честность:

to play a straight bat - играть прямой битой; clean hands - чист на руку; fair play - с чистой (спокойной) совестью; honesty in financial matters - честность в финансовых делах; to impugn smb's honesty - ставить чью-л. честность под сомнение; honesty is the best policy – честность лучшая политика. Syn: integrity, uprightness, truthfulness, sincerity, chastity - правдивость, искренность, целомудрие;

reliability – эьтимоднокй, қавииродагй, қавиазмй – надежность, решительность, сильный характер:

stout heart – храброе сердце; a strong man – сильный, крепкий, надёжный мужчина; firm (steady) as a rock – твердая как скала; a hard nut to crack – крепкий (твердый) орешек; a tough nut - надежная опора;

diligence – мехнатдўстї – трудолюбие:

diligence – усердие, прилежание, старание; a willing horse – готовая лошадь; (as) busy as a bee – занят как пчела; busy as a beehive - занят как улей; busy as a beaver - занят как бобер, busy as a hen with one chicken – занят как курица с одним цыплёнком; busy as a cockroach on a hot stove - занят как таракан на горячей плите;

nobleness – олихимматї, химматбаландї, саховатмандї – благородство:

nobility - благородство; a big heart – большое сердце, золотое сердце; a high mind – высокий ум; good as gold – хорош как золото; good nature – приятная натура;

cheerfulness - хурсандї, хушхолї, хуррамї, шодмонї – жизнерадостность:

разг. playful as a kitten – игривый как котенок; light heart – светлая душа; see through rose - coloured glasses - видеть в розовом свете // смотреть сквозь розовые очки; They worked with great energy and cheerfulness - Они работали энергично и с охотой. Syn: gaiety – весёлость, жизнерадостность, общительность;

kindness – мехрубонї, лутфу мархамат - доброта, приветливость,

сердечность: cordiality - радушие; warmth / tenderness of feeling - теплота, нежность чувств; affability - приветливость; a kind (honest, simple) soul – добрая, честная, простая душа; kind (soft, warm) heart – доброе, мягкое, теплое сердце; big heart - добрая душа;

generosity - саховатмандї, кушоодадастї, олихимматї – щедрость:

narrow soul - широкая душа; generous soul - щедрая душа;

pleasure, joy, happiness - хушхолї, хушнудї, хурсандї - удовольствие, радость, счастье, веселье, восторг:

come in a cheerful, joyful mood - прийти в бодрое, радостное настроение; look like the cat after it had eaten the canary - иметь довольный вид, сиять, светиться удовольствием.

confidence – эътимоднокй, катъй, устуворй, бебокй, чурьят, часоратнокй
- уверенность, твердость, решимость:

keep one's balance - сохранять спокойствие, душевное равновесие; public tranquillity / quiet - общественное спокойствие; preserve pulic law and order - охранять общественное спокойствие; composure – самообладание; peace of mind - душевное спокойствие; unruffled calm - невозмутимое спокойствие; remain calm - сохранять спокойствие; please be quiet!, don't panic! – сохраните спокойство, без паники;

love – мухаббат, таваччух, шодй ва мафтунй - любовь, страсть, обожание, восхищение:

adoration – обожание; eyes flared up - глаза разгорелись, страстно хочется иметь, получить что-л; stand in awe of smb.(smth.) - испытывать благоговейный трепет перед кем-л, чем-л; the girl gazed at him with adoration – девочка посмотрела на него с обожанием; Syn: devotion - преданность, care – забота, fondness - любовь, admiration - восхищение, high regard – высокое уважение, idolization - идеализация, worship - почтение, hero-worship – почтительный герой, adulation – низкопоклонство;

surprise – тааччуб – удивление:

extremely surprised - крайне удивиться, прийти в недоумение; make big eyes - сделать большие глаза, удивиться. Syn: astonishment, amazement, curiosity - изумление, недоумение, любопытство;

Семантическая структура слова «выстраивается» в соответствии с каждым видом отношений, выявляет из потока общей информации о называемом предмете такие факты и элементы «мыслительного содержания», которые нужны для использования слова в данных рамках. «Синхронное

описание семантической структуры слов должно суммировать то, что позволяет человеку, свободно говорящему на данном языке, употреблять и понимать слова данного языка даже в таких значениях, в которых он их раньше не употреблял и не слышал»[129, 5].

Семантическая структура слова - это структурное множество его возможных лексико-семантических вариантов. Лексико-семантическим вариантом слова считается такой двусторонний языковой знак, который является единством звучания и значения, но при этом сохраняет неизменным лексическое значение в пределах присущей ему парадигмы и системы синтаксических связей. Описание семантической структуры слова - это установление набора ограничений, которые накладываются на возможные сочетания в одном слове различных отношений между его вариантами.

Семантическую структуру можно определить как множество с внутренними взаимосвязями и противоречиями, в отличие от контекстуального лексического значения, которое рассматривалось как сложное единство. Семантическая структура слова, таким образом, представляется в виде некоторой обобщенной абстрактной модели, в которой лексико-семантические варианты противопоставляются друг другу и характеризуются относительно друг друга.

По мнению Арнольда В. «термин «структура» обозначает «не простой набор элементов, а целое, образованное взаимосвязанными элементами таким образом, что каждый зависит от других и может быть тем, что он является, только благодаря отношениям с другими элементами» [10. 30]. С возникновением новых понятий появляется необходимость в новых терминах.

Лексико-семантический способ образования лексики со значением нравственных отношений является распространенным. Семантические преобразования лексики со значением нравственных отношений в

английском и таджикском языках раскрываются в адаптации, синонимии, антонимии, полисемии. В лексике со значением нравственных отношений в таджикском языке обнаруживаются синонимические отношения лексических единиц. Семантические связи между слов, представляющие лексику со значением нравственных отношений служат критерием её целостности и функциональности.

Лексика со значением нравственных отношений является неотъемлемой частью языка и деятельности людей. С другой стороны, лексика со значением нравственных отношений является более или менее самостоятельным сегментом языка, что представляет определенный интерес для исследователей - лингвистов, в результате чего междисциплинарность данного научного направления в области терминологии основывается на синтезе специальных знаний в области лингвистики.

Нравственное отношение на протяжении человеческой жизни всегда сопровождало и сопровождает его на всех ступенях его развития и воплощает в себя всевозможные новые формы. Проведенное исследование лексики со значением нравственных отношений выявляет, что периодизация в развитии таджикской терминологии существенно возросла в разных её проявлениях и стадиях. Каждый компонент нравственной жизни формирует свою лексико-семантическую форму, тем самым утверждая её значимость и развитие. Приоритетом исследования лексики в значениях нравственности в английском и таджикском языках очень важно заметить, что сама наука, занимающаяся данной терминологией, многогранна и является неотъемлемой частью всей науки, вообще не является чем-то неизменным, а наоборот, она находится в движении. Ее состав подвергается различным изменениям, связанным с изменениями, как в самой лексике, так и в окружающем нас мире.

Резюмируя вышесказанное можно заключить, что лексика со значением нравственных отношений в английском и таджикском языках набирает обороты развития в совокупности других языковых систем, которые способствуют её дальнейшему росту и продвижению.

Выводы по 2 главе

Единство слова как в современном английском, так и в таджикском языках, основывается на некоторой общей части лексического значения, позволяющей объяснить один вариант через другой или другой, т.е. общностью лексико-грамматического значения части речи, но не на единстве системы форм и функций.

Основной целью семантического анализа лексики является выявление общих и специфических особенностей смысловой структуры всевозможных языковых единиц в целостности, взаимообусловленности, их синтагматических и парадигматических характеристик, раскрыть типологию лексических важностей, найти объективные меры для способа организации лексических единиц по совокупности классификационных признаков в основных категориях лексико-семантической системы, выявить природу эмоциональной окраски слова.

Следует сказать, что такие лексико-семантические явления, как полисемия, синонимия и антонимия, широко распространены как в английской, так и в таджикской лексике с нравственным отношением. В сопоставляемых языках большая группа лексических единиц служит для выражения чувств и отношения людей к событиям, явлениям и другим людям.

В таджикском языке синонимические конструкции, классифицируются по типу связи между основными и подчиненными компонентами. В исследовании лексики с нравственным отношением выявлено, что в синонимических рядах субстантивных словосочетаний с изафетной связью

основным грамматическим средством связи компонентов словосочетаний является изафет, который выступает как связка, скрепляющая слова в единую грамматически организованную единицу.

В результате проведенного исследования следует отметить, что такие лексико-семантические явления, как, синонимия и антонимия широко распространены как в английской, так и в таджикской лексике выражающие нравственные отношения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ лексики со значением нравственных отношений в английском и таджикском языках выявил следующее:

Как в английском, так и таджикском языках важным источником семантических изменений выступают языковые единицы, которые в своем основном значении репрезентируют понятийную сферу нравственности. Как показал анализ, с точки зрения тематического плана в словаре нравственного содержания можно выделить следующие основные группы лексических единиц:

Имена моральных качеств человека, в том числе негативных, таких как **беспринципность, бездуховность, нечестность, трусость** и положительных как **бескорыстие, благородство, верность, доброта, честность, сострадание**, и др;

К именам эмоционального, психического состояния относятся такие, как **love - мухаббат - любовь, hate - нафрат - ненависть, rabies - девонагӣ - бешенство, disorder - бетартибӣ - расстройство, grief - андух - горе, pity - афсӯс - жалость, envy - бахилӣ - зависть.**

Названия действий, которые отражают моральные качества человека в действиях, поступках, поведении **envious person - шахси рашқдор – завистник - «завистливый человек»; milksop - нозуктабиат, зудранч - недотрога - «обидчивый, чрезмерно щепетильный человек», неженка - «изнеженный человек»; base man - палид, ифлос, паст - подлец - «подлый человек, негодяй»; simpleton - сода - простак - «простодушный человек»; gruel - лаванд, дудила - размазня - «о вялом, нерешительном человеке»; ungrateful – ношукр, ношукрбанда, бекадр – неблагодарный, бесстыжий, наглый, бессовестный; dishonest – бешарм, беҳаё - бессовестный, бесстыжий; impudent, impertinent - бешарм, густох - наглый, бессовестный;**

insidious – маккор, хилагар - коварный, хитрый; **mendacious** - риёкор, дурӯғгӯй - лживый; **shameless** – бешарм, беҳаё - бесстыжий, нахальный;

Семантико-грамматический подкласс имен состояния: **ill-naturedness** - хашмгинӣ – злость; **depression** - хастагӣ - угнетенность; **homelessness** - беҳонаву дарӣ - неприютность, бездомность; **pity** – афсӯс - жалость, **sufferings** - азоб – мучение; **inspiration** - илхом, руҳбаландӣ - вдохновение.

Исследуя лексический состав языка, нужно, по нашему мнению, как-то расчленить его, выделить в нем определенные семантические группы слов. Для этого необходимо было установить, что объединяет значения данных слов и что отличает их друг от друга, т.е. выделить в них как общие, так и различающие их признаки, а, следовательно, разложить значения на некоторые элементы. Понятно, что такое разложение значения в свою очередь возможно только на основе известного сопоставления его с какими-то другими значениями, так как только на основе сопоставления обнаруживается комплексный характер самого значения, а также своеобразие каждого языка.

С опорой на лексический материал можно вести речь об определенных тенденциях совмещения тех или иных лексико-семантических вариантов в значении полисемичных наименований нравственных отношений:

1. чаще всего различные значения описывают те или иные аспекты отношений между людьми;
2. многозначными являются все лексемы со значением «отношение» как в английском, так и в таджикском языках;
3. часто второе значение у изучаемых лексем связано с внешним выражением отношения. Нередки случаи, когда лексема обозначает как отношение, поведение, качество характера, соответствующее данному отношению;
4. некоторые лексемы могут употребляться в качестве обращения к

уважаемым личностям;

5. характерным можно считать выражение посредством одного слова представлений о страхе с одной стороны и уважении - с другой

Явление антонимии является ярко выраженным в лексике семантического поля нравственных отношений, вследствие оппозиции положительная оценка — отрицательная оценка. Наиболее широко представлены однокорневые антонимы, образованные при помощи префиксов **mis -**, **dis -**, **im -**, **ir-** в английском языке, - **бе** в таджикском языке. Выявлены также примеры разнокорневой антонимии.

Словообразовательный анализ особенностей исследуемых лексем позволил выявить следующие закономерности:

Интенсивная аффиксация и словообразование, обнаруженные нами в ходе исследования, позволяют заключить, что они пополняют набор средств лексики которые способствует обогащению речи. На выбор и необходимость применения лексики со значением нравственных отношений в обоих языках оказывают влияние различные факторы, к числу которых принадлежит необходимость ясной и точной формулировки мысли для эффективного осуществления процесса языковой коммуникации, требования языковой нормы, ограничения в устной и письменной речи и другие немаловажные факторы. Аффиксация играла важную роль на протяжении всей истории формирования изучаемой темы. Как для английского, так и для таджикского языков характерно подбозначность. Явление подбозначности подтверждается наличием большого числа параллельных форм, семантически тождественных друг другу;

В английском языке наиболее распространенными суффиксами и префиксами являются: **self -**, - **ity**, **-ing**, **-ion**, **-ness**, в таджикском **бе-**, **бо/ба-**, **но -**, **-гар**, **-гор**;

Структурно-морфологический анализ нравственной лексики английского и таджикского языков показывает, что в обоих языках выражают большие сходства в морфологической словообразовательной структуре. Это структура имеет в виду, разделение на простые и сложные и последующие деление простых на производные и непроизводные.

В результате проведенного исследования было выявлено, что такие лексико-семантические явления, как полисемия, синонимия и антонимия, широко распространены как в английской, так и в таджикской лексике.

В сопоставляемых языках большая группа лексических единиц служат для выражения чувств и отношения людей к событиям, явлениям и другим людям. Все эти значения, в свою очередь, условно можно подразделить на положительные и отрицательные.

Реализация категории вежливости осуществляется в речевом этикете, под которым понимается функционирующая в определенной языковой культуре совокупность требований к форме, содержанию, порядку, характеру и ситуативной уместности тех или иных высказываний. Правила речевого этикета определяют выбор адекватной формы выражения коммуникативной интенции говорящего в зависимости от условий коммуникации.

К общим средствам реализации стратегии вежливости относятся маркеры извинения, благодарности, модальные слова и глаголы, обращения, эвфемизмы. Для таджикского и английского языка характерно использование разделительных вопросов.

Речевое общение является предметом психолингвистических исследований. В них язык интерпретируется как динамическая система речевой деятельности, речевого поведения и рассматривается в рамках общей теории деятельности.

В простых ситуациях речевого поведения прослеживается система поведенческих стереотипов при минимальном участии сознания. Речевые

стереотипы, как и жесты, относятся к области бессознательных социокультурных стереотипов.

При исследовании стереотипов поведения целесообразно выявлять как универсальные факторы, так и культурно - традиционные, специфические для каждого общества носителей языков, а также индивидуальные, характеризующие каждую отдельную личность.

Использованная литература:

1. Абдурахимов, С. (Именные словосочетания современного литературного таджикского языка) Ибораҳои исмии забони адабии ҳозираи тоҷик / С. Абдурахимов.- Душанбе: Дониш, 1973.- 166 с.
2. Акрамов, М. (Именные словосочетания современного литературного таджикского языка) Ибораҳои сифатии забони адабии ҳозираи тоҷик / М. Акрамов.- Душанбе: Дониш, 1977.- 156 с.
3. Александрова, З. Е. Словарь синонимов русского языка: практический справочник: Ок. 11 000 синоним. рядов / 6-е изд., перераб. и доп., - М.: Рус. яз., 1989. - 495 с
4. Амонова, Ф.Р. (Полуаффиксальное словообразование в персидском и таджикском языках) Калимасозии нимвандӣ дар забонҳои форсӣ ва тоҷикӣ // Учебное пособие / Ф.Р. Амонова.-Душанбе: ТГУ, 1982.- 56 с.
5. Амонова, Ф.Р. Именное аффиксальное словообразование в современном персидском и таджикском языках [Текст] /Ф.Р. Амонова. Учеб. пособие - Душанбе: ТГУ, 1982. - 255 с.
6. Апресян, Ю. Д. Лексическая семантика / Ю.Д.Апресян. -М. 1974.- 380 с.
7. Апресян, Ю. Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка / Ю.Д.Апресян. - М.: Инфра-М. 2004.- 257 с.
8. Аракин, В.Д. Сравнительная типология английского и русского языков [Текст] / В.Д. Аракин - М.: ФИЗМАТЛИТ, 2005. - 282 с.
9. Арбекова, Т.И. Лексикология английского языка (практический курс) // Учеб. пособие для II-III курсов ин-тов и фак. иностр. языков / Т.И. Арбекова.- М.: Высшая школа, 1977. – 385 с.
10. Арнольд, И. В. Семантическая структура слова в современном английском языке и методика ее исследования // Ленинградский государственный педагогический институт им. А. И. Герцена. Ученые

- записки, том 295 / И.В.Арнольд.- Ленинград: Просвещение, 1966.- С 272 - 286.
11. Арнольд, И.В. Лексикология современного английского языка // Учебное пособие. 2-е издание / И.В.Арнольд. - М.: Наука, 2012. – 136 с.
 12. Арутюнова, Н.Д. К проблеме функциональных типов лексического значения // Аспекты семантических исследований / Н.Д. Арутюнова.- М.: Наука, 1980. - С. 156-249.
 13. Архангельский, В.Л. Устойчивые фразы в современном русском языке // Основы теории устойчивых фраз и проблемы общей фразеологии / В.Л. Архангельский.– Ростов, 1964. – 153 с.
 14. Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова,- М.: Советская Энциклопедия, 1966. - 606 с.
 15. Ахмедова, У. Многофункциональные аффиксы и их роль в преподавании родного языка. (Аффиксҳои муштараквазифа ва мавқеи онҳо дар таълими забони модарӣ) [Текст] / У. Ахмедова. -Мақтаби советӣ. -Душанбе, 1970. № 9. - С. 18-21
 16. Бархударов, Л.С. Очерки по морфологии современного английского языка / Л.С Бархударов.-М., 1975.- 189 с.
 17. Бахтин, М.М. Вопросы литературы и эстетики / М.М. Бахтин,-М.: Художественная литература, 1975. – 504 с.
 18. Бахтин, М.М. Чужая и своя культура / М.М. Бахтин. – М.: Прогресс, 1984. – 321с.
 19. Бахтин, М.М. Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин. -М.: «Искусство», 1986. - 445с.
 20. Беневист Э. Общая лингвистика / Э. Беневист – М.: Прогресс, 1974. – 167 с.
 21. Бердыева, Т. Лингвистические и экстралингвистические причины заимствований. Часть 1 / Т. Бердыева.- Душанбе: Ирфон, 1971.- 230 с.

22. Блумфильд Л, Язык /Л. Блумфильд.- М.: Прогресс, 1968. - 608 с.
23. Бобомуродов, Ш. Муминов, А. (Краткий словообразовательный словарь таджикского литературного языка) Луғати мухтасари калимасозии забони адабии ҳозираи тоҷик // Учебное пособие / Ш. Бобомуродов, А. Муминов. – Душанбе: Маориф, 1983, - 120 с.
24. Бондаренко, А.В. Теория морфологических категорий / А.В. Бондаренко. – Л., 1976. - 248 с.
25. Проблемы теории морфологических моделей / Т.В. Булыгина.- М: Наука, 1977. - 287 с.
26. Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Перемещение в пространстве как метафора эмоций // В кн.: Логический анализ языка. Языки пространств / Т.В. Булыгина.- М., 2000. – 161с.
27. Васильев, Л.М. Теория семантических полей / Л.М. Васильев.-М.:ВЯ.- 1971, №5.-С.106-112.
28. Вахнеева, Н.А. Сочетаемость в лексико-семантических исследованиях (к вопросу о методах исследования семантики слов) / Вопросы сочетаемости языковых единиц / Н.А. Вахнеева.-Саратов, 1974.-54 с.
29. Вежбицкая, А. Лексикография и концептуальный анализ / А. Вежбицкая.-М., 1985.-343 с.
30. Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая. - М., 1996.- 411 с.
31. Вежбицкая, А. Семантические универсалии и описание языков / А. Вежбицкая. - М., 1999.-217 с.
32. Вежбицкая А. Понимание культур посредством ключевых слов / А. Вежбицкая. - М., 200.-187 с.
33. Верещагин, Е.М., Костомаров, В.Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного:

- Методическое руководство / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров, - М.: Русский язык, 1983. – 216 с.
34. Вилюман, В.Г. Английская синонимика. Введение в теорию синонимии и методику изучения синонимов./ В.Г. Вилюман, -М.: Высшая школа. 2000. -306 с.
 35. Виноградов, В.В. Синтаксис русского языка / В.В. Виноградов.- М., 1960.-484 с.
 36. Виноградов, В.В. Русского язык / В.В. Виноградов.- М., 1972.-318 с.
 37. Виноградов, В.В. Лексикология и лексикография // избранные труды.Т.3 / В.В. Виноградов.- М., Наука,1977.-310 с.
 38. Войнич, Е. (Овод) Замбур. Комментария Н.К. Матвеева М // (Художественная литература на английском языке) / Е. Войнич.-Л: -1954. - 304 с.
 39. Гак, В.Г. К проблеме семантической синтагматики // Проблемы структурной лингвистики / В.Г. Гак.-М.,1972.-229 с.
 40. Гак, В.Г. Сравнительная типология французского и русского языков / В.Г. Гак.-М.: Просвещение, 1989.-288 с.
 41. Гак, В.Г. Языковые преобразования / В.Г. Гак.-М.: Языки русской культуры, 1998.-736 с.
 42. Городецкий, Б.Ю. К проблеме семантической типологии / Б.Ю. Городецкий.-М.: Изд-во МГУ, 1969.-564 с.
 43. Грамматикаи забони тоҷикӣ. Фонетика ва морфология. (Грамматика таджикского языка. Фонетика и морфология) // Учебник для вузов / Сталинобод: Нашрдавтоҷик, 1956. –229 с.
 44. Грамматикаи забони адабии ҳозираи тоҷик. К.1. Фонетика ва морфология. (Грамматика современного литературного таджикского языка. К.1.Фонетика и морфология) / Душанбе: Дониш, 1985. –335 с.

45. Гумбольд, В. О. Язык и философия культуры / В. О. Гумбольд, -М.: Прогресс, 1985. -316 с.
46. Гуревич, А.Я. Средневековый мир // Избранные труды. Т.2 / А.Я. Гуревич. -М. -СПб.: Университетская книга, 1999. -560 с.
47. Джамshedов, П. Проблемы глагольной типологии / П. Джамshedов.- Душанбе, 1984. -158 с.
48. Джамshedов, П.Дж. Очерки по сопоставительной типологии английского и таджикского языков [Текст] / П. Дж. Джамshedов. – Душанбе, 1988. -126 с.
49. Джамshedов, П.Дж. и другие.(Очерки по сопоставительной типологии английского и таджикского языков) Очеркҳо оид ба типологияи муқоисавии забонҳои англисӣ ва тоҷикӣ / П. Дж. Джамshedов. – Душанбе, 1988 .-264 с.
50. Джураев, Г. (Проблемы развития языка взглядами президента). Масъалаҳои рушди забон аз нигоҳи президент / Г. Джураев,-Душанбе: Шарқи озод. 2009. -155 с.
51. Джураев, Г. (Система диалектной лексики таджикского языка) / Г. Джураев, -Душанбе: Дониш. 2017. -320 с.
52. Джураев, Г., Неменова Р.Л., Мурватов Дж. и др. Южные говоры таджикского языка. Т.1. [Текст] / Г. Джураев., Р.Л. Неменова., Дж. Мурватов и др.- Душанбе: Дониш, 2013. -370 с.
53. Жирмунский В.М. О границах слова // Вопросы языкознания, №3 / В.М. Жирмунский. 1961.-С. 49-58.
54. Забони адабии ҳозираи тоҷик. Лексикология, фонетика ва морфология. (Современный литературный таджикский язык. Лексикология, фонетика и морфология) // Учебник для филологических факультетов вузов. Часть 1.- Душанбе: Ирфон, 1982. -462 с.

55. Звегинцев, В.А. Семасиология / В.А. Звегинцев. -М.: Изд-во МГУ, 1957. -321 с.
56. Звегинцев, В.А. История языкознания XIX-XX веков в очерках и извлечениях. Часть I / В.А. Звегинцев. -М.: Изд-во мин-во. просвещения, 1960. -205 с.
57. Земская Е.А., Китайгородская М.В., Ширяев Е.Н. Русская разговорная речь: Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис / Е.А., Земская, М.В., Китайгородская, Е.Н. Ширяев.- М.: Наука, 1981. -554 с.
58. Зехни, Т. (Из истории лексики таджикского языка). Аз таърихи лексикаи забони тоҷикӣ / Т. Зехни.-Душанбе, 1997. -243 с.
59. Ивин, А. А. Аксиология: научное издание / А. А. Ивин, -М.: Высшая школа, 2006. -390 с
60. Ильин, Е.П. Эмоции и чувства / Е.П. Ильин,-СПб.: Питер, 2001. -749 с.
61. Камолиддинов, Б. Синтаксическая синонимия в современном таджикском литературном языке (Синонимия субстантивных словосочетаний и простых предложений) / Б.Камолиддинов. -Душанбе: Ирфон, 2012. -286 с.
62. Капранов, В.А. (Персидский словарь). “Луғати Форс” Асади Туси и его место в истории таджикской (форси) лексикологии / В.А. Капранов. - Душанбе: Дониш, 1964. -212 с.
63. Капранов, В.А. Таджикско-персидская лексикография в Индии в XVI-XIX вв. / В.А. Капранов. -Душанбе: Дониш, 1987. -221 с.
64. Каращук, П.М. Словообразование английского языка [Текст] / П.М. Каращук. -М.: «Высшая школа» 1977. -287 с.
65. Каримов, А. (Лексико-грамматический анализ древних таджикских текстов) Таҳлили лексикӣ-грамматикии матнҳои тоҷикии қадим / А. Каримов. -Душанбе, 1986. -184 с.

66. Касимов, О.Х. Лексика “Шахнаме” Абулкосима Фирдауси. Дисс. докт. филол. наук./ О.Х. Касимов, –Душанбе, 2011. -325 с.
67. Канцельсон, С.Д. Содержание слова, значение и обозначение / С.Д. Канцельсон. -М.: Наука, 1965.-110 с.
68. Керимова, А.А. Об одной конструкции в таджикском языке // Индийская и иранская филология [Текст] / А.А.Керимова. -М.,1964.- С. 35-40.
69. Киселёва, Л.Н. Очерки по лексикологии языка дари / Л.Н. Киселёва, - М.: Наука, 1973.- 150 с.
70. Клапаред, Э. Чувства и эмоции // Психология эмоций: хрестоматия / Э. Клапаред. Витис Вильнюс. –Санкт-Петербург: Питер, 2004, -11 с.
71. Кобозева, И.М. Лингвистическая семантика. Серия "Новый лингвистический учебник" / И.М. Кобозева. -М.: МГУ, 2007. –352 с.
72. Кодухов, В.И. Общее языкознание [Текст] / В.И. Кодухов. -М.: Высшая школа, 1974. -303 с.
73. Косимова, М.Н. (Четыре элемента: Образование семантики, словообразование. (На основе материалов «Маснавии маънави» Дж.Руми) Чор унсур: Маъниофаринӣ, калимасозӣ (дар асоси маводи “Маснавии маънавӣ”) / М.Н.Қосимова. –Душанбе: Деваштич, 2007. -265 с.
74. Кронгауз, М.А. Семантика / М.А. Кронгауз. –М.: Наука, 2005. -352 с.
75. Крыжановская, А.В. Сопоставительное исследование терминологии современных русского и английского языков: интеграции / А.В. Крыжановская. -Киев: Наукова думка, 1985. -204 с.
76. Кубрякова, К.С. Что такое словообразование [Текст] / К.С. Кубрякова. –М.: Наука,1965. -80 с.
77. Кубрякова, Е. С. Словообразование [Текст] // Общее языкознание / Е.С. Кубрякова -М., Наука, 1972. -С.344-393

78. Кубрякова, Е.С. Типы языковых значений // Семантика производного слова [Текст] / Е.С. Кубрякова. –М.: Наука, 1981. -200 с.
79. Левицкий, В.В. Статистическое изучение лексической семантики / В.В. Левицкий, -Киев: УМКВО, 1989. -154 с.
80. Лившиц, В. А. О внутренних законах развития таджикского языка [Текст] // Известия АН Тадж. ССР. Отделение обществ. Наук / В.А. Лившиц –Сталинабад, 1954. №5. -С.87-103.
81. Ломтев, Т.П. Типология языков как учение о классах и типах языков // Лингвистическая типология и восточные языки[Текст] / Т.П.Ломтев. –М., 1965. -278 с.
82. Лопатин, В. В. Русская словообразовательная морфемика[Текст] / В. В. Лопатин -М.: Наука, 1977. -316 с.
83. Лотте, Д.С. Вопросы заимствования и упорядочения иноязычных терминов и терминологических элементов / Д.С. Лотте,- Москва: Наука, 1982, -136 с.
84. Мамадназаров, А. Сравнительный анализ основных типов словарей в таджикской лексикографии / А. Мамадназаров, –Душанбе: Эр-граф, 2013. –260 с.
85. Маслова, В.А. Лингвокультурология / В.А. Маслова, -М: Академия, 2001. -208 с.
86. Маджидов, Х. (Таджикский современный литературный язык. Лексикология) Забони адабии муосири тоҷик. Ч.1. Лексикология [Текст] / Х. Маджидов, -Душанбе, 2007. -242с.
87. Минаева, Л.В. Слово в языке и речи // Учебное пособие для вузов / Л.В. Минаева, -М.: Высшая школа.1986. -144 с.
88. Мирзоев, Х.Х. Таджикская и английская гиппологическая терминология в историческом и сравнительном освещении / Х.Х. Мирзоев. – Душанбе: Ирфон, 2010. –151 с.

89. Мухаммадиев, М. (Синонимы в современном таджикском языке) Синонимҳо дар забони ҳозираи тоҷик./ М. Мухаммадиев. -Душанбе,1962, -160 с.
90. Мухаммадиев, М. (Очерки по лексике современного таджикского языка). Очеркҳо оид ба лексикаи забони адабии ҳозираи тоҷик / М. Мухаммадиев. -Душанбе: Ирфон, 1968. -63 с.
91. Назарзода, С. (“Удивительные создания” Асади Туси как источник исторического словоотбора) “Аҷоиб-ул-махлуқот”-и Асади Тӯсӣ ҳамчун сарчашмаи вожагузинии таърихӣ / С. Назарзода. -Душанбе: Дониш, 1999. -209 с.
92. Назарзода, С. (Язык и терминология. Размышления о таджикском языке и развитии терминологии) Забон ва истилоҳот // Андешаҳо дар атрофи забони тоҷикӣ ва ташаккули истилоҳот / С. Назарзода. -Душанбе: Дониш, 2003. -284 с.
93. Назарзода, С. (Развитие социально-политической терминологии таджикского языка в XX веке.) Ташаккули истилоҳоти иҷтимоӣ-сиёсии забони тоҷикӣ дар садаи XX / С. Назарзода. -Душанбе: Дониш, 2004. -308 с.
94. Насриддинов, А. (“Шамс-ул-луғот” и его значение в таджикской лексикологии) “Шамс-ул-луғот” ва аҳамияти он барои луғатшиносии тоҷик / А. Насриддинов. -Душанбе: Ирфон, 1982, -228 с.
95. Неменова, Р. Л., Джураев, Г. (Южный диалект таджикского языка. Фонетика и лексика) Шеваи ҷанубии забони тоҷикӣ. Т.1.(Фонетика ва лексика) / Р. Л. Неменова, Г. Джураев. -Душанбе, 1980, -С. 87-228
96. Немченко, В.Н. Основные понятия лексикологии в терминах // Учеб. словарь-справочник / В.Н. Немченко.- Н. Новгород: Изд-во Нижегород. ун-та, 1994. -251 с.

97. Ниёзӣ, Ш. Н. (Об именных частях речи в таджикском языке) Оид ба хиссаҳои номии нутқ дар забони тоҷикӣ [Текст] // Известия АН Тадж. ССР. Отд-ние обществ. Наук / Ш. Н. Ниёзӣ. –Сталинабад, 1954, №5. - С.147-153.
98. Ниёзмӯҳаммадов Б.Н. (Некоторые вопросы современного таджикского литературного языка) Баъзе масъалаҳои забони адабии ҳозираи тоҷик / Б.Н. Ниёзмӯҳаммадов -Душанбе: Ирфон, 1965. -92 с.
99. Низаметдинова, Н.Х. Словообразование сложных слов в русском языке XI-XVII вв / Н.Х. Низаметдинова.-М.: Изд-во МГОУ, 2003. -235 с.
100. Никитин, М.В. Курс лингвистической семантики: Учеб. пособие к курсам языкознания, лексикологии и теоретической грамматики / М.В. Никитин. -СПб.: Научный центр проблем диалога, 1997. -757 с.
101. Новиков, Л.А. Семантика русского языка / Л.А. Новиков.-М.: Высшая школа, 1982. -272 с.
102. Норматов, М. (Введение в языкознание). Муқаддимаи забоншиносӣ [Текст] / М. Норматов, -Душанбе: Матбуот, 2007. -182 с.
103. Ожегов, С.И. Лексикология. Лексикография. Культура речи [Текст] / С.И. Ожегов, -М.: Высшая школа, 1974. -434 с.
104. Оранский, И.М. Введение в иранскую филологию / И.М. Оранский. – М.: ИВА, 1960. -460 с.
105. Оранский, И.М. Иранские языки / И.М. Оранский. –М.: ИВА, 1963. - 203 с.
106. Основы иранского языкознания // Среднеперсидские языки. Восточная группа. –М., 1987. -346 с.
107. Основы иранского языкознания // Новоперсидские языки. –М., 1981. - 384 с.
108. Падучева, Е.В. Динамические модели в семантике лексики / Е.В. Падучева. -М.: Языки славянской культуры, 2004. - 607 с.

109. Пейси́ков, Л.С. Очерки по словообразованию персидского языка / Л.С. Пейси́ков. –М.: Издательство Московского университета, 1973. -198 с.
110. Пейси́ков, Л.С. Лексикология современного персидского языка / Л.С. Пейси́ков. –М.: Издательство Московского университета, 1975. -206 с.
111. Попова, З.Д. Стернин, И.А. Очерки по когнитивной лингвистике / З.Д. Попова, Стернин И.А. –Воронеж: Истоки, 2001. -191 с.
112. Постовалова, В.И. Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира / И.В. Постовалова. –М.: Просвещение, 1998. С. 8-69.
113. Потевня, А.А. Из записок по русской грамматике / А.А. Потевня. –М.: Учпедгиз, 1960. -543 с.
114. Расторгуева, В.С. Краткий очерк грамматики таджикского языка // Таджикско-русский словарь. Под редакцией М.В. Рахими и Л.В. Успенской / В.С. Расторгуева.-М.: Гос. изд-во иностр. и национальных словарей, 1954. –С.531-570.
115. Расторгуева, В.С. Среднеперсидский язык / В.С. Расторгуева.-М.: Наука, 1966. –160 с.
116. Расторгуева, В.С. Основы иранского языкознания. Среднеиранские языки / В.С. Расторгуева.-М.: Наука, 1981. –544 с.
117. Расторгуева, В.С. Основы иранского языкознания. Новоиранские языки / В.С. Расторгуева.-М.: Наука, 1982. –370 с.
118. Рауфова, Х. (Словарь Джахонгири – основа таджикско-персидской лексикографии) Фарҳанги Чаҳонгирӣ – ҳамчун сарчашмаи лексикографияи тоҷикӣ-форсӣ / Х. Рауфов.-Душанбе: Дониш, 1972. -192 с.
119. Рахматуллозода, С. Словообразование имён существительных в южных и юго-восточных говорах таджикского языка / С. Рахматуллозода. –Душанбе, 2016. -239 с.

120. Реформатский, А.А. Введение в языковедение / А.А. Реформаторский.- М.: Просвещение, 1967. -544 с.
121. Реформатский, А.А. Что такое термин и терминология / А.А. Реформаторский.- М.: Изд-во Академии Наук СССР, 1959. -14 с.
122. Рустамов, Ш. (Словообразование существительных в таджикском литературном языке). Калимасозии исм дар забони адабии тоҷик / Ш. Рустамов. -Душанбе: Дониш, 1972. -76 с.
123. Рустамов, Ш. (Классификация частей речи и местоположение существительного). Таснифоти ҳиссаҳои нутқ ва мавқеи исм / Ш. Рустамов. -Душанбе: Ирфон, 1972. -90 с.
124. Рустамов, Ш. (Существительное). Исм / Ш. Рустамов. -Душанбе: Дониш, 1981. -217 с.
125. Саймиддинов, Д. (Лексикология среднеперсидского языка) Вожашиносии забони форсии миёна / Д. Саймиддинов. –Душанбе: Пайванд, 2001. -310 с.
126. Саймиддинов, Д. (Древний персидский) Форсии бостон / Д. Саймиддинов. –Душанбе, 2001. -284 с.
127. Сангинов, А. Словарь “Бахори аджам” и его лексикографическая характеристика / А. Сангинов. –Душанбе: Дониш, 1993. -184 с.
128. Симонов, П.В., Ершов, П.М. Темперамент, характер, личность / П.В. Симонов, П.М. Ершов.- М.: Наука, 1984. -161 с.
129. Смирницкий, А.И. Значение слова // Вопросы языкознания / А. И Смирницкий. -М.: Наука, 1955.-№2. -С.75-89.
130. Степанова, Д. Теоретические основы словообразования в немецком языке / Д. Степанова.-М.: Высшая школа, 1984.-416 с.
131. Степанова, Г.В., Шрамм, А.Н. Введение в семасиологию русского языка / Г.В. Степанова, А.Н. Шрамм.-Калининград: КГУ, 1980.- 120 с.

132. Султонов, М.Б. (Развитие и усовершенствование персидско-таджикской научной терминологии) Ташаккул ва тақомули истилоҳоти илмии форсӣ-тоҷикӣ./ М.Б. Султонов.-Душанбе, 2008.-334 с.
133. Суперанская, А.В., Подольская Н.В., Васильева Н.В. Общая терминология // Вопросы теории / А.В. Суперанская и др. –М.: УРСС, 2003. -246 с.
134. Телия, В. Н. Основные постулаты лингвокультурологии / В.Н. Телия.-М.: Наука, 1996. -228 с.
135. Усмонов, К.У. (Теоретическая морфология английского языка) Морфологияи назариявии забони англисӣ / К.У. Усмонов.-Худжанд: Нури маърифат, 2010. -236 с.
136. Усмонов, К.У. (Сравнительная морфология английского и таджикского языков) Морфологияи муқоисавии забонҳои англисӣ ва тоҷикӣ / К.У. Усмонов.-Худжанд: Нури маърифат, 2015. -230 с.
137. Уфимцева, А.А. Слово в лексико-семантической системе языка / А.А. Уфимцева. -М.: Наука, 1968. -272 с.
138. Уфимцева, А.А. Лексика // Общее языкознание. Внутренняя структура языка / А.А. Уфимцева. -М.:1972. -436 с.
139. Уфимцева, А.А. Лексическое значение / А.А. Уфимцева. -М.: Наука, 1986. -239 с.
140. Филин, Ф.П. О лексико-семантических группах // Езиковедски зледование в честь на акад. Ст. Младенов / Ф.П. Филин. –София, 1967. –С. 537-538.
141. Фриденберг, О.М. Миф и литература древности / О.М. Фриденберг.-М.: Изд-во Восточная литература РАН, 1998. -800 с.
142. Хамоян, М.У. Основы фразеологии курдского языка / М.У. Хамоян. -Ереван, 1988, -280 с.

143. Хошимов, С. (Лексикология) Лугатнигорӣ / С. Хошимов. – Душанбе, Ирфон, 2004.- 80 с.
144. Чейф, У.Л. Значение и структура языка / У.Л. Чейф.-М.: Высшая школа, 1975. -316 с.
145. Черняк, В.Д. Проблема синонимии и лексико-грамматическая классификация слов / В.Д. Черняк, -Л., ЛГПИ, 1989. -79 с.
146. Чхеидзе, Т.Д. Именное словообразование в персидском языке / Т.Д. Чхеидзе. –Тбилиси: Мецниереба, 1969. -141 с.
147. Шаховский, В.И. Эмотивный компонент значения и методы его описания // Учеб. пособие к спецкурсу / В.И. Шаховский.-Волгоград: ВГПИ, 1983. -94 с.
148. Шингаров, Г.Х. Эмоции и чувства как формы отражения действительности / Г.Х. Шингаров.-М.: Наука, 1971. -224 с.
149. Шмелев, Д.Н. Очерки по семасиологии русского языка / Д.Н. Шмелев.- М.: Просвещение, 1964. -243 с.
150. Шмелев, Д.Н. Русская языковая модель мира // Материалы к словарю / Д.Н. Шмелев. -М.: Языки славянской культуры, 2002. -224 с.
151. Шодиев, Р.А. Глагольная лексика и глагольное словообразование в “Шахнаме” Фирдауси. Автореф. канд. филол. наук / Р.А. Шодиев. – Душанбе, 2010. -26 с.
152. Эдельман, Д.И. Сравнительная грамматика восточно-иранских языков // Лексика / Д.И. Эдельман. -М.: Восточная литература, 2009. - 280 с.
153. Эдельман, Д.И. Иранские и славянские языки // Исторические отношения / Д.И. Эдельман. -М.: Восточная литература, 2002. -230 с.
154. Ядов, В. А. О диспозиционной регуляции социального поведения личности // Методологические проблемы социальной психологии / В.А. Ядов. -М., 1975. –С.227-242.

Иностранная литература:

155. Bolinger, D. Language: the Loaded Weapon // The Use and Abuse of Language Today / D. Bolinger. -London: Routledge, 1980. -224 p.
156. Dekart, R. Les Passions de lame / R/ Dekart. -Pariš, 1950.-629p.
157. Dubeneš, E.M. Modern English lexicology // Theory and practice / E.M. Dubeneš.-M.: Gloss-press. 2002. -234 p.
158. Izard, K. Psychology of Emotions / K. Izard.- USA: Springer, 1991. -452 p.
159. Leech, G. Principles of Pragmatics / G. Leech.- London: Routledge, 1983. - P. 82.
160. Lyons, J. Semantics / J. Lyons. –England: Cambridge, 1977. -P. 84
161. Searle, J. Speech acts: An Essay in the Philosophy and Language / J. Searle. –England: Cambridge, 1969. –p. 66
162. Trier, J. Sprachliche Felder / J.Trier. -Zeitschrift fur Deutsche Bildung 8. 1932 (6).-S.417-427.
163. Voynich, E. L. The Gadfly / Voynich, E. L.-Moscow, 1958.- 373p.

Диссертации и авторефераты

164. Абдуллоев, Б.Т. Словообразование имён существительных в современном персидском литературном языке. Автореф. дисс. канд. филол. наук / Б.Т. Абдуллоев. –Баку, 1964. -22 с.
165. Автенева, Л.А. Сопоставительно-типологическое исследование стилистических приёмов английского и русского языков / На материале метафоры, антономазии и эпитета. Автореф. дисс. канд. филол. наук / Л.А. Автенева, –Одесса, 1987. -26 с.
166. Ахмедова, Н.А. Словообразование имён существительных и прилагательных в современном персидском литературном языке. Автореф. дисс. канд. филол. наук / Н.А. Ахмедова.–Ташкент, 1956. -31с.
167. Джамшедов, П.Дж. Вопросы типологии видовременных систем глагола (на материале таджикского, английского, русского и шугнанского

- языков) // Автореф. дисс. доктора. филол. наук / П.Дж. Джамshedов.–М., 1985. -48 с.
168. Калонова, М.Дж. Структурно-семантический анализ словообразования именных частей речи (имя существительное и прилагательное) в поэзии Хафиза Шерази. Автореф. дисс. канд. филол. наук / М.Дж. Калонова,– Душанбе, 2017. -23 с.
169. Рахмони, М.Р. Лексико-семантическая классификация арабизмов в русском и английском языках в сопоставительном плане. Автореф. дисс. канд. филол. наук ./ М.Р. Рахмони, –Душанбе, 2006. -23 с.
170. Тиллоева, С.М. Семантический анализ лексики в системе разноструктурных языков (на материале семантического поля «Человек») // Автореф. дисс. доктора. филол. наук / С.М. Тиллоева. –Екатеринбург. 2017. -57 с.
171. Тохирова, М.М. Сопоставительный анализ табуированной лексики русского и таджикского языков. Автореф. дисс. канд. филол. наук / М.М. Тохирова. –Душанбе, 2006. -23 с.
172. Фомина, И.Н. Семантическая деривация в формировании английской политической терминологии. Дисс. канд. филол. наук / И.Н. Фомина. –М.; 2006. -189 с.
173. Шахова, Л.И. Структурно-функциональная характеристика ЛСГ существительных "чувства, переживания" в русском языке. Автореф. дисс. канд. филол. наук / Л.И. Шахова. -Киев, 1980. -24 с.
174. Шмелев, Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики. Автореф. дисс. док-ра филол. наук / Д.Н. Шмелев. -М., 1969. -27 с.

Словари

175. Абаев, В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т.1.-М.-Л., 1958. -655 с.; Т.2.-М., 1973. -448 с.; Т.3.-М., 1978. -358 с. / В.И. Абаев.-М., 1958, 1973, 1978.

176. Киселёва, Л.Н., Миколайчик, В.И. Дари-русский словарь / Л.Н. Киселёва, В.И. Миколайчик. -М.: Русский язык, 1986. -752 с.
177. Кубрякова, Е.С., Демьянков В.З., и др. Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков.-М.: МГУ, 1996. -245 с.
178. Лингвистический энциклопедический словарь. -М.: Советская Энциклопедия, 1990. - 686 с.
179. Мамадназаров, А. Англо-таджикский университетский словарь / А. Мамадназаров, -Душанбе: Нодир, 2003. -482 с.
180. Мамадназаров, А. Англо-таджикский словарь /А. Мамадназаров. - Душанбе: Сахбо, 2007. -1080 с.
181. Мифологический словарь. -М.: Советская Энциклопедия, 1990. -672 с.
182. Мухаммадиев, М. (Словарь синонимов таджикского языка) Луғати синонимҳои забони тоҷикӣ / М. Мухаммадиев . -Душанбе: Маориф, 1993. -272 с.
183. Мюллер, В.К. Англо-русский словарь / В.К. Мюллер. –М., 1961, –1190 с.
184. Мюллер, В.К. Большой современный англо-русский и русско-английский словарь / В.К. Мюллер. – М.: Цитадель-трейд, 2009, –1055 с.
185. Нуров, А. (Словарь произведений Джами) Фарҳанги осори Ҷомӣ. Том 1. -Душанбе: Главная государственная издательская редакция / А. Нуров. - 1983, –964 с.
186. Нуров, А. (Словарь произведений Джами) Фарҳанги осори Ҷомӣ. Том 2 / А. Нуров. -Душанбе: Главная научная редакция таджикской советской энциклопедии. -1984, -1144 с.
187. Нуров, А. (Словарь произведений Рудаки) Фарҳанги ашъори Рӯдакӣ / А. Нуров. –Душанбе. -1990, -368 с.
188. Ожегов, С.И. Словарь русского языка / С.И. Ожегов. – М.: Русский язык, 1976, –848 с.

189. Персидско- русский словарь. Под редакцией Рубинчика Ю.А. – М.: Советская энциклопедия, 1970, –1632 с.
190. Персидско- русский словарь. Том 1. –М.: Русский язык, 1983. -800 с.; Том 2 / –М.: Русский язык, 1989. -864 с.
191. Расторгуева, В.С. Эдельман, Д.И. Этимологический словарь иранских языков.Том 1 / В.С. Расторгуева, Д.И. Эдельман,. – М.: Восточная литература, 2000, –327 с.
192. Расторгуева, В.С. Эдельман, Д.И. Этимологический словарь иранских языков.Том 2 / В.С. Расторгуева, Д.И. Эдельман,. – М.: Восточная литература, 2003, –502 с.
193. Расторгуева, В.С. Эдельман, Д.И. Этимологический словарь иранских языков.Том 3 / В.С. Расторгуева, Д.И. Эдельман,. – М.: Восточная литература, 2007, –493 с.
194. Русско-персидский словарь. Составитель: И.К. Овчинникова. –М., 1965, –1091 с.
195. Русско-персидский словарь. Составитель: Г.А. Васканын.– М.: Русский язык, 1986, –830 с.
196. Русско-таджикский словарь / Под редакцией чл. корреспондента А.Н. СССР Асимова М.С. – М.: Русский язык, 1985, –1280 с.
197. Русско-таджикский словарь. Том 1. Под редакцией Холматовой С.Д., Султанова М.Б., Каримова С.А. –Душанбе, 2017, –905 с.
198. Саймиддинов, Д. (Среднеперсидский словарь) Фархангномаи форсии миёна / Д. Саймиддинов. -Душанбе, 1994, –422 с.
199. Словарь таджикского языка. (X-начало XX века) Под редакцией М.Ш. Шукурова, В.А. Капранова, Р. Хашима, Н. Масуми. Том 1. -М.: Советская энциклопедия, 1969, –951 с.; Том 2. -М.: Советская энциклопедия, 1969, – 950 с.

200. Сулаймони, С. (Арабо-таджикский терминологический словарь) Фарҳанги васити арабӣ-тоҷикӣ / С. Сулаймони. -Душанбе, 2008, –1140 с.
201. Таджикско- русский словарь / Под редакцией Д. Саймиддинова , С.Д. Холматовой, С.А. Каримова. –Душанбе, 2006, –813 с.
202. Фарҳанги гӯишҳои ҷанубии забони тоҷикӣ (Словарь южных говоров таджикского языка) / составители: М. Махмудов, Г. Джураев, Б. Бердиев.- Душанбе: Дониш, 2017, –842 с.
203. Фарҳанги забони тоҷикӣ (Словарь таджикского языка) М. Ш. Шукуров, В. А. Капранов, Р. Хошим, Н. А. Маъсуми / Том 1.-Душанбе, 2010, –996 с.; Том 2.-Душанбе, 2010, –1095 с.
204. Фарҳанги ибораҳои рехтаи забони ҳозираи тоҷикӣ (Фразеологический словарь современного таджикского языка) Том 1 / Составитель: М. Фозилов.-Душанбе: Нашрдавтоджик, 1963, –952 с.; Том 2.-Душанбе: Ирфон, 1964, -802 с.
205. Хусейнов, Х., Шукурова К. (Словарь терминов языкознания) Луғати терминҳои забоншиносӣ / Х. Хусейнов, К. Шукурова. -Душанбе, 1983, - 255 с.
206. Эдельман, Д.И. Этимологический словарь иранских языков. Том 4 / Д. И. Эдельман.-М.: Восточная литература, 2011, –415 с.
207. Ярцева В.Н. Лингвистический энциклопедический словарь / В.Н. Ярцева М.: Сов. Энциклопедия, 1990. -686 с.